


# ПИОНЕР 5

1986

*В дни XXVII съезда КПСС пионерия страны на торжественных сборах и линейках рапортовала коммунистам о своих успехах в учебе и труде.*

*В 141-й московской школе за три года ученики сэкономили электроэнергии на 1755 рублей только благодаря тому, что на время уроков выключали свет в холлах и коридорах, а на переменах — в учебных классах.*

*На сборе, посвященном съезду партии, пионеры этой школы обязались взять под свою сохранность школьное имущество и своими руками ремонтировать мебель, наглядные пособия, школьный*



# «МЫ ПОКОРЯЕМ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ,

*инвентарь... Они, как требует Программа партии, готовятся к самостоятельной трудовой жизни, растут хорошими хозяевами.*

*Пионеры 5-го «А» класса взяли обязательство окончить учебный год только с хорошими и отличными отметками: «Учебе — высокое качество». Пионеры 6-го «Б» класса примут участие в полезном для общества труде: выполнят задание аптеки № 151. Семиклассники выйдут на благоустройство микрорайона, восьмиклассники помогут воспитателям подшефного детского сада. А пионеры 5-го класса «Б» создадут в школьной столовой посты бережливых: к богатству нашей страны — хлебу — надо с детства относиться разумно.*

*Обычная школа — деловое отношение к учебе и труду. Но от делового отношения к нашим обязательствам зависит хорошая, светлая жизнь.*

* * *

*При освобождении города Слонима Гродненской области от фашистских захватчиков летом 1944 года ефрейтор 118-го гвардейского полка 37-й гвардейской дивизии комсомолец Николай Мирошник повторил подвиг Александра Матросова. Красные следопыты средней школы № 14 этого города собрали материал о жизни и подвиге Николая Мирошника. Они обратились в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о посмертном награждении героя.*

*Через много лет после войны Николай Мирошник посмертно был удостоен ордена Отечественной войны I степени. Теперь одна из улиц города Слонима носит его имя.*

* * *

*На Витебской станции юных натуралистов по заданиям ученых проводится более 600 опытов. Три последних года юные селекционеры испытывали озимый тритикале (гибрид ржи и пшеницы). Сегодня эту высокоурожайную культуру возделывают на полях ученических бригад более 100 школ Витебской области.*

*Юннаты станции разводят более ста видов комнатных растений: бегонию, гортензию, глоксинию, пеларгонию, аспарагус, примулу... Две тысячи черенков комнатных растений они каждый год передают школам своей области.*

*За последние три года 26 юннатов Витебской станции юных натуралистов награждены медалями ВДНХ СССР.*

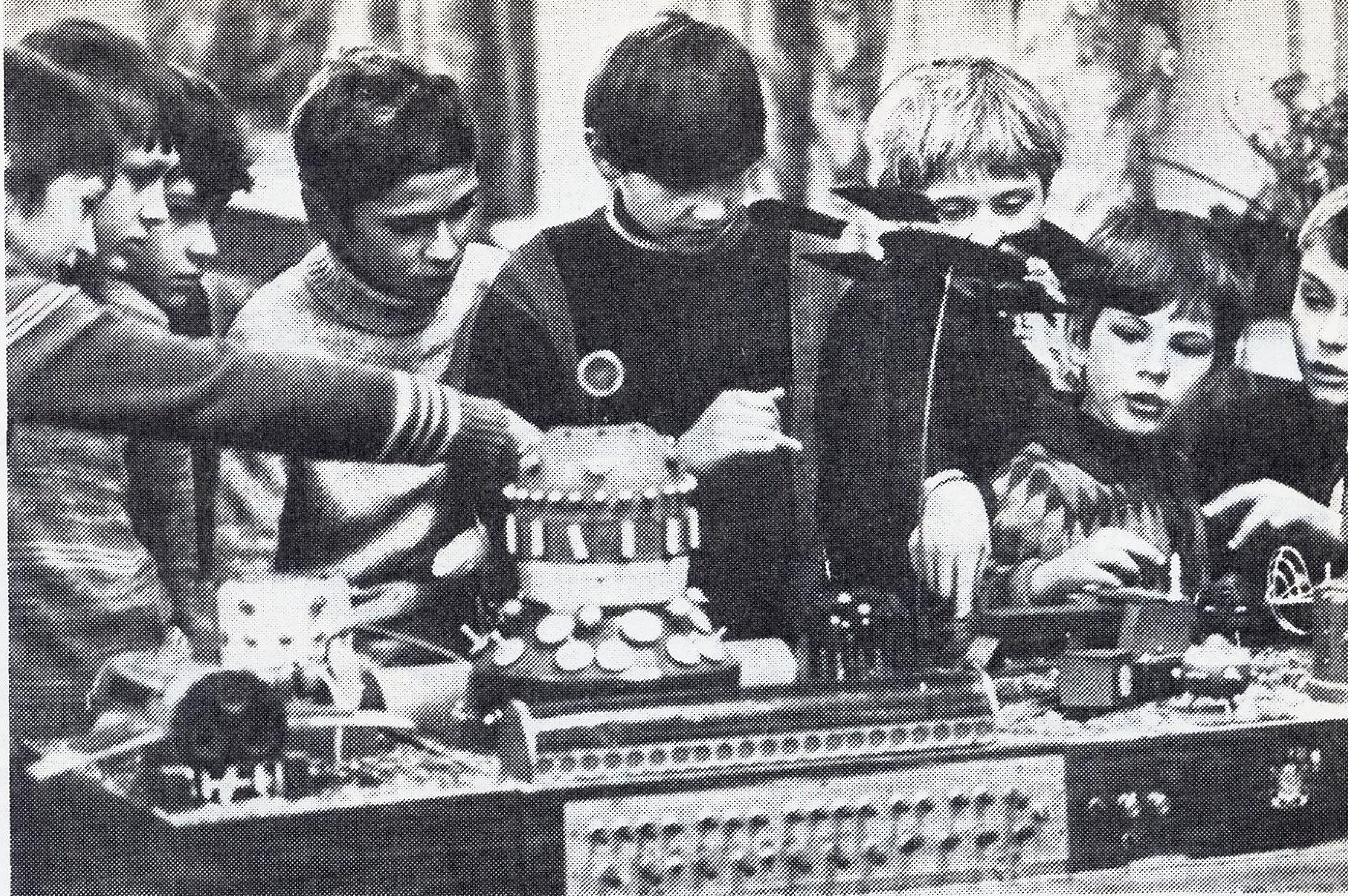
* * *

*Юные животноводы Днепропетровской области принимают активное участие в выполнении Продовольственной*





программы нашей страны. В 1985 году особенно отличились школьники Вязовской средней школы Павлоградского района. Звено «Гусенятко» (звеньевая Наташа Петрича) вырастило и сдало государству 5700 гусей, 58 500 штук яиц. Звено «Пятачок» (звеньевая Наташа Профатило) ухаживало за 795 свиньями, прирост стада за лето составил 23 тонны мяса. Звено Сережи Завожка вырастило 630 телят, привес за лето — 16 тонн.



* * *

Около 3 тысяч школьников города Кишинева участвуют в

# МЫ — МОЛОДЫЕ ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ»

операциях «Зеленый наряд Отчизны», «Муравейник», «Живое серебро», «Зеленая аптека». Только за один год они собрали лекарственных ягод и трав на 1 тысячу рублей.

* * *

В 1985 году в ходе операции «Пионерская автоколонна» школьники Карагандинской области собрали и сдали на металлургический комбинат 2350 тонн отслужившего металла. 17 мая состоялась пионерская плавка. Из полученного металла будут изготовлены спортивные сооружения для детских площадок области.

* * *

Четыре года дружина имени А. П. Гайдара Смоленской школы-интерната носит имя правофланговой.

Все пионеры дружины работают в разновозрастных трудовых отрядах. Они ежегодно сдают государству 200 нутрий. Обеспечивают школьную столовую овощами. Собирают в школьном саду каждую осень до 20 тонн яблок. В школьной теплице ребята выращивают инжир, лимоны, мандарины, виноград, лавровые деревья.

На ремонте школы, общежития и столовой пионеры сэкономили 22,5 тысячи рублей.

90 пионеров дружины ежегодно становятся значкистами ГТО, 7 пионеров в прошлом году стали рекордсменами РСФСР по легкой атлетике и вольной борьбе.



* * *

По инициативе пионерских штабов Херсонского Дворца пионеров и школьников в городе были проведены операции по сбору металлолома на строительство сухогруза «Юный ленинец», комбайна «Херсонец-200», сбор макулатуры под девизом «Каждому первокласснику — букварь от пионеров города!».







ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

МАЙ 5

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»



Сергей ИВАНОВ

# Лицо магистрали




Детство коротко, а взрослая жизнь длинна... По крайней мере так она задумана: быть длинной.

Далекие одиннадцать лет назад, когда вы, дорогие читатели, смотрели на мир из прогулочной коляски (а то и вовсе не родились), я был практически такой же взрослый дядька, как сейчас. Только, пожалуй поглупей, потому что, нисколько не жалея здоровья, курил сигареты. Однако, несмотря на это, редакции журналов, в том числе и моего родного журнала «Пионер», поручали мне разные задания. Я ездил в командировки и привозил оттуда очерки и заметки — в общем, что требовалось.

И вот однажды меня вызвал сам главный редактор «Пионера» и сказал, что я поеду на БАМ! А слово это в ту пору, одиннадцать лет назад, было совсем новеньким. Странно подумать, но о нем мало кто слыхал даже у нас в стране. А уж за границей — не то, что теперь! — только самые дотошные журналисты и политики.

Само собой, не было тех в изобилии существующих ныне романов и поэм, очерков и стихов о

Байкало-Амурской магистрали. И не было так быстро ставшей потом знаменитой песни про то, что «время гудит: БАМ! На просторах гудит: БАМ! И большая тайга покоряется нам...» Тайга про свою «покоряемость» еще ничего не знала. Она стояла огромным и пустынным океаном.

Я понял непомерную огромность тайги, потому что в ту командировку мне много приходилось летать — то на самолете, то на вертолете. Это было для меня, журналиста, в ту пору еще не очень опытного, в новинку, в диковинку. И я старался, где только можно, вставить свои «воздушные» пейзажи. А в «Пионере» люди были добрые, симпатичные, не хотели обижать меня. Так эти все места — или очень многие из них — так они и остались в очерках. Хотя теперь я понимаю, что надо бы их было выкинуть...

Я даже думаю, что в тот раз я вообще писал как бы немного сверху, «вертолетно», стараясь увидеть сразу все это огромное поле битвы человека с природой... Так не один я, так многие писали. Время было такое в Сибири — вместо простого: «Пойдемте», хотелось говорить: «Вперед! Ура!», а вместо: «Давайте сделаем», хотелось крикнуть: «Перевыполним! В кратчайшие сроки!»

Я, конечно, разговаривал и со строителями — бойцами ударных комсомольских отрядов, ночевал в их палатках, сидел допоздна у печей, сделанных из железных бочек от горючего. В печках этих огонь гудел, как в мартене, и туда надо было подбрасывать не колотые полешки, а «целиковые» тяжеленные и круглые чурбаки.

Да, я разговаривал с теми ребятами, но как будто не видел их... А они и сами будто не видели себя. Разговоры у нас велись все по-крупному: не о личной судьбе и даже не о судьбе данного палаточного поселка, а о всей стройке в целом. По существу, БАМ еще не начинался, но окончание его виделось всем нам близким... нет, вернее, стремительным, как финиш бегуну, готовящемуся промчать стометровку.

Помню, наговорившись до полночи, мы вышли с одним пареньком-ленинградцем из палатки на вольный воздух... Это было одно из первых бамовских поселений в три или четыре полотняных дома. Стояла тишина, окруженная лесистыми и могучими, абсолютно черными сейчас сопками. Сквозь ветви столетних лиственниц, которые уже завтра должны были упасть и превратиться в бревна, вверху горели звезды — ясные, сибирские. Чуть ниже позванивала, постукивала чистейшая ледяная речка.

— Ну? Видишь, какие у нас звезды? — спросил Володя, так звали того ленинградца.— А знаешь ли ты, что под нами?... Целая угольная страна! — И он крепко топнул ногой, словно надеялся, что недра отзовутся эхом.

Это был июнь месяц, даже почти июль, но мы скоро продрогли: в Сибири и летом ночные морозцы не редкость... Вернулись в палатку, к жаркой печи.

— А ты говоришь: холодно! — усмехнулся Володя.

Я заметил ему, что это же июнь. А январь — совсем другое дело...

— А ты бывал у нас в Музее Арктики и Антарктики?...

Теперь это «у нас» уже означало: «В Ленинграде».

— Ну, бывал.

— А помнишь там палатку папанинцев? Они в ней всю зимовку прошли!

Я увозил тогда с начинающегося БАМа чувство всеобщего праздника, чувство радости и уверенности. Так я потом старался и написать: про невероятные залежи угля, железа и всего на свете! Писал про этих ребят, про бойцов ударных комсомольских отрядов, которым все по плечу, которые все сумеют и смогут.

Как же было потом? Так и было. И не так, конечно: сложнее, дольше, будничней и ... героичней! Но в главном все же было так. И я не ошибся в тех ребятах... Да что там я? Во мне ли дело! Главное, они сами не ошиблись в себе. По Байкало-Амурской идут поезда. Растут бамовские города и поселки.

И так случается, что снова я еду в те же места, снова по заданию «Пионера». Теперь уж не для того, чтобы полетать на вертолетах (хотя и знаю, что придется, конечно, полетать), не для того, чтобы «писать сверху». Я хочу вглядеться в лица людей — сегодняшних жителей бамовских поселений...

Кто же вы, современные бамовцы?.. Я не буду ничего предугадывать, не буду выдавать желаемое за действительное. Я лишь хочу вглядеться в ваши лица и хочу написать о вас правду.




Этот раз я был на БАМе — в Тынде и вообще на Центральном участке — около месяца. Ноябрь, начало декабря ... скучное время! Но только не для тамошних мест. Яркое, а то и ослепительное, словно горное, солнце царствует на просторном бамовском, сибирском небе, золотит убегающую вдаль стальную нить железной дороги, делает словно более выпуклыми и высокими окрестные сопки, высвечивает белые, голубые, зеленоватые, темно-красные многоэтажные дома новой Тынды.

Солнце, каждый день, с утра до вечера. И знаете — греет! Утром мчишь за интервью (известно ведь: журналиста ноги кормят) — ух ты, мороз за сорок. Люто! А днем, часам к двум, всего минус каких-нибудь двадцать восемь. Теплынь!

Но вот вечер. Солнце упало за сопку, оттуда лишь прозрачным мечом торчит острый пучок его лучей. А ты из центра, с горы, от многоэтажных домов-красавцев, смотришь кругом — на город, на Тынду, которая, по правде говоря, во многом еще одноэтажна и самостроечна, смотришь на эти тысячи труб, из которых, как по команде, строго вверх ползут дымы — словно их кто на барабан наматывает... Это мороз на земле опять становится матерым, сибирским.

В первые дни я посмеивался над здешними — как они все боятся замерзнуть: одеваются, одеваются. А мне было жарко... То есть на улице-то я особенно от жары не страдал. Но когда попадал в помещение, тут я буквально исходил паром, потому что здесь топят, не жалея угля и дровишек.

И я принял решение: никаких лишних свитеров, вторых штанов и сверхтеплых ботинок. Лучше немного подмерзать на улице, зато в помещении

чувствовать себя удобно. В конце концов на улице я бываю не так уж много...

Но скоро это прошло. Скоро, как воздух из проколотого мяча, из меня вышло лишнее тепло, которое я накопил за долгую жизнь в вольготном московском климате. И мне никогда уже не бывало жарко в натопленных жилищах сибиряков. Ни свитер не мешал, ни меховые ботинки... И потом в Москве при двадцатиградусном морозе я долго еще ходил — душа нараспашку. Все на меня удивлялись, а я удивлялся на всех.

— Не холодно?

— Да нет, вроде тепло!




Так у них принято, у бамовцев и сибиряков: всю территорию страны, что за уральским хребтом, звать: «на западе». Я тоже для удобства пока буду пользоваться этим «термином».

Так вот у нас, на западе, кого в основном знают? Киноартистов там, певиц эстрадных... А спроси про человека рабочей профессии, даже про самого знаменитого, чаще всего лишь пожмут плечами или смущенно улыбнутся — это в лучшем случае!

*Обеденный перерыв. Сын пришел поговорить с отцом.*



Фотографии В. САЯПИНА.

Здесь не так. Здесь знают своих настоящих героев. Обратись к самому крохотному приготовишке, то есть даже не к перво-, а, так сказать, к нулекласснику: «Кто такой Владимир Хромов?» И приготовишка тебе обязательно ответит:

— Это который мосты строит? Который Герой Труда?

Но все же с популярностью Анатолия Гусева, а вернее будет сказать, Анатолия Дмитриевича Гусева, не сравнится, пожалуй, никто.

Тында красивый город. Таким уж он родился — удачно и живописно расположенный в долине среди сопок. Но все же неповторимость и особое своеобразие придает ему гордая группа девятиэтажных домов. Их уже много. И все их построила бригада Гусева!

Накануне, когда я договаривался с Анатолием Дмитриевичем о встрече, он попросил, но так, знаете ли, в приказном порядке:

— Только не опаздывайте. Решили в девять, так уж в девять и давайте!

— А что такое?

— Да просто время дорого!

Но, несмотря на телефонные эти строгости, человеком Гусев оказался приветливым, симпатичным. Видно, он сам любил пошутить и легко откликался на веселое слово.

Гусев спокойно и охотно отвечал на мои вопросы. Хотя достаточно кратко. Но у него ведь, правда, со временем было очень непросто. Кроме своей основной, строительной работы Анатолий имеет еще многое множество, как мы говорим, общественных нагрузок. И это вам не «следить за поливаемостью цветов» или «быть помощником физорга третьего звена»...

У Гусева что ни нагрузка — ответственность, многие часы дополнительной работы. Он депутат городского Совета Тынды, член горисполкома, без него не решаются дела в партийном комитете его родного управления «Главмосстрой на БАМе». И так далее и так далее. И вроде бы хочется спросить: да почему же на одного и так много?

А потому, наверное, что люди в нем очень уверены: где Гусев, там все добротно и по совести!

Свою первую награду — «Медаль за доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» — Анатолий получил совсем еще молодым человеком. Не таким, конечно, как вы. Но близким к этому возрасту.

Доблестный труд. Собственно говоря, именно за это вот и получил все свои награды Анатолий Гусев. Иных подвигов в жизни не совершал: не приходилось. Но зато к постоянному своему подвигу возвращался каждый день... Не стоит делить героические дела на легкие и тяжелые. Но все же — я почти уверен,— многие из нас предпочли бы совершить что-то один раз, а потом всю жизнь... ну и так далее. А почему? Да потому что для трудового ежедневного подвига нужны и ежедневная твердость духа, ежедневная дисциплина. И ежедневная радость утренняя: иду на любимую работу!

Орден Трудового Красного Знамени, медаль за строительство Байкало-Амурской магистрали. И, наконец, Звезда Героя и орден Ленина. Вот его шаги по ступеням славы и народного признания... Я таких людей знаменитых как-то всегда представляю уже сразу взрослыми. Но ведь и они были ребятами... Мальчишками...



*Вот она какая, столица Великой Магистрали.*

Неловко, конечно, Герою Социалистического Труда задавать подобные вопросы, но ведь интересно же — что, уж так ни одного стекла не кокнул? И так уж ни одного урока не проспал? И так уж ни разу?..

Гусев усмехается в ответ. И я понимаю: разные «встречались эпизоды»... Оказывается, была даже артель по выведению новой породы канареек. Делалось это так. Сперва при помощи специальной сетки, которая почему-то называлась в наши времена «грохотом», Толян Гусев и его компания ловили воробьев. Потом пленников перекрашивали и везли на знаменитый в Москве Птичий рынок.

— Дядь, канарейки нужны?

«Артель», как видно, работала неплохо, потому что очень многие московские канареечники и даже с хорошим стажем хватались за голову, когда приобретенная певчая птица начинала бессовестно чирикать, а из-под акварельной маскировки лезло на свет божий нормальное воробьиное перо!

Забавная история — что и говорить. Но вот поулыбались, посмеялись, а теперь — не хочется ли нам понять: когда же этот вполне вроде бы обычный паренек сумел задуматься над своей судьбой?.. Конечно, нас школа учит и родители воспитывают. Но и самому прикинуть бывает не грех: что же я все-таки выбираю?

В двенадцать и в четырнадцать задумываться, да еще о судьбе, вроде бы совсем и не надо. Но ведь за этим твоим «счастливым и беззаботным» возрастом (а чего я, собственно, эти слова взял в кавычки — так оно и есть: счастливый, беззаботный!)... Но ведь за ним и двадцать лет наступает. И даже — говорят! — двадцать восемь... Конечно, тут же хочется крикнуть таким мыслям: «Это еще долго, не скоро, через тыщу лет!» Однако наступит! Детство, как мы уже договорились, довольно коротко, а взрослая жизнь, наоборот — длинна. И сколько же людей испортило себе взрослую жизнь из-за слишком уж «счастливого» (здесь кавычки правильные), а главное, из-за слишком уж «беззаботного» детства!

У Гусева тоже бывали в жизни сложные ситуации. Но только совсем иного рода... Вот, скажем, 1975 год. Анатолий — бригадир, орденоносец, один из первых, кто поверил в бригадный подряд. В какой район Москвы ни отправься — везде его дома: от Центра, от Большой Полянки до Чертанова и Гольянова... Между тем друзья один за другим получают направления, путевки комсомольские — едут на БАМ. А у Гусева на дороге к той заветной путевочке начальство, что называется, костьми ложится... Тут всегда может найтись тысяча предлогов — это ясно. Однако истинная причина: кто же такого хорошего строителя отпустит?

Вспоминая эту историю, Гусев качает головой:

— Ведь в горком партии ходил, в газету «Правда» обращался!

— А почему так рвались-то? Что за цель была?

Казалось, он озадачен моим вопросом. Однако отвечать надо, и Гусев не больно уверенно начинает объяснять: мол, хотелось быть вместе с друзьями, хотелось попробовать, на что способен. Но высказать самого главного ему так и не удается... Есть люди, которые девизом держат за пазухой такие слова: «Да ну их. Без меня обойдется!»

У Гусева как раз наоборот: без меня не обойдется!

Конечно, это вроде бы из области легенд, но хочется верить, что действительно есть такие люди, которые чуют, где сейчас самое главное дело страны, а значит, и его собственное главное дело... Гусев из тех, кто совсем не склонен к разным там «громко звучащим» словам: не умеет их ни произносить, ни слушать. Но громкозвучащее дело он слышит... И в результате добился своего, поехал!

Даже в первые месяцы жизни БАМа я встречал



*Г. С. Костенко, кавалер трех орденов Славы.*

людей, которые спокойно и честно говорили: «Приехал заработать, приехал на «Жигули» подкопить».

Гусев на это мое воспоминание качает головой:

— Кто приехал за «Жигулями», тот уже купил и нету его. А кто приезжал за длинным рублем, тем более уехал через три месяца!

Сам Анатолий Гусев, так же, как и его товарищи, здесь вот уже одиннадцать лет...

Усмехаясь, вспоминает, как добирался сюда с первым отрядом московских строителей в семьдесят человек... Самолеты в этих краях тогда не приземлялись. Они пролетали над пустынными горами и сопками дальше и дальше на восток — в Благовещенск, Комсомольск, Петропавловск.

Первые бамовцы семь суток тряслись на поезде по старинной Транссибирской магистрали до маленькой станции Большой Невер. Оттуда на автобусах марки «колымага» по тайге. Существовала к поселку Тындинский не больно гладкая, а все ж дорога. Покамест старая колымага кряхтела на ухабах, скрипя и плача, взбиралась на сопки, а потом с отчаянной не по возрасту смелостью кидалась вниз, москвичи смотрели в окна: елки-палки, все тайга да тайга! Когда же она кончится?.. Не кончалась! И над тайгой, надо всем на свете лежала, давя маслянистым и клейким прессом, несусветная, необъяснимая для приезжих сибирская жара.

— А тут еще и комар, наверное, обласкал?

— Да пока ехали,— Гусев разводит руками,— кровососов этих не чувствовали... А в Тынде, знаете, нету у нас комара! В тайгу отойдешь — ну, это уж само собой. А чтобы на улице... Я вот в Москве, когда на старой квартире жил, на первом этаже — так мы просто пухли от этого зверья! А здесь, представляете... такой вот парадокс природы! — и рассмеялся, гордый за свою Тынду.

На следующее по приезде утро, перед тем как приступить к работе, выбрали бригадиров. Стал бригадиром и Анатолий Гусев.

Бессменный бригадир, бессменная, по существу, была у него и бригада — из тех самых москвичей, что приехали в маленький Большой Невер, и удивлялись тайге, и привычными жесткими руками брали рабочий инструмент... Одиннадцать лет срок немалый. Сейчас в бригаде работает сорок человек. Двадцать пять из них — те самые, из первых семидесяти!

— Это основа всему,— и я слышу в голосе Гусева уважение и взволнованность.— Ровесники мои... Ну, естественно, в основном немного моложе.

— А часто из бригады уходят?

Сперва, мне показалось, он хотел сказать, что, мол, вообще не уходят! Потом прикинул:

— Ну есть какой-то отток: по болезни...— нахмурился,— по другим причинам... Кто-то совсем уехал! А кто-то уехал и не выдержал, вернулся! Есть такие товарищи...

— Взяли обратно?

Он подумал немного и кивнул.




# Странный разговор

В бригаду к Гусеву попасть трудно — это мне сказали еще в парткоме Главмосстроя на БАМе. Было интересно поговорить на эту тему с Анатолием Дмитриевичем — и как с бригадиром, и как с депутатом Горсовета.

Мы законно гордимся тем, что у нас в стране нет безработицы. Право на труд — это записано в Конституции СССР. Но так стало получаться с некоторых пор, что иные не очень-то ценят это свое — завоеванное Революцией — право! Да, не ценят. И не очень-то дорожат своей рабочей честью и рабочим местом. Просто зло берет, когда видишь, что вчерашний школьник спокойненько прогуливает работу, совершенно уверенный: нет, его не выгонят — рабочие руки требуются везде.

Да, рабочие руки у нас в стране требуются — потому что мы много строим, потому что у нас большие, интересные планы. Но нам требуются именно **рабочие** руки, а не руки лентяя!

Эту истину я как-то особенно четко понял в бригаде Гусева. Здесь давно заведено: лишних людей не брать! Нерадивые хозяева или просто люди, стиснутые разными не очень умными инструкциями, берут кого придется. К Гусеву в бригаду вы попадете, только если освободится место. А свободные места у него редкость... И опять же возьмут не первого попавшегося, а лишь человека квалифицированного. Система бригадного подряда позволяет руководителю, Гусеву в данном случае,

взять либо двоих-троих неквалифицированных работников, либо одного мастера своего дела — с высокой зарплатой. Гусев всегда предпочитает мастера, потому что такому человеку не надо объяснять про дважды два, его не надо лишний раз контролировать, ведь мастер обычно не только квалифицированный, но и честный, но и дисциплинированный человек.

Что ж, вроде знатный бригадир прав, и к нему не придерешься... Однако придраться можно! Представим, что я честен, дисциплинирован, искренне хочу работать. Только, к сожалению, не умею... Пока! Я прихожу к Гусеву: «Примите, научите!»

Это я не здесь с вами теоретизирую. Это я реально спросил Гусева. Ведь ситуация действительно реальна: человек окончил десять классов, хочет честно трудиться. Но если все будут исповедовать теорию Гусева, что же этому честному десятикласснику делать? Как устроиться?

Гусева мой вопрос не то чтобы застал врасплох, но как-то так неприятно задел:

— Да нет, учим мы, конечно... Человек двух в год учим... — Тут он прямо посмотрел на меня.— Это вроде как наше дело — учить. Но в принципе совсем не наше! Нам строить надо, строить! Мы в три смены работаем, понимаете? То есть ровно двадцать четыре часа ежесуточно!

Так он ответил мне — довольно резко, не забыв, впрочем, доброжелательно улыбнуться в конце: что, мол, мы, возможно, и не правы, но просим и вас войти в наше положение. Я знаете, что сделал? Стал входить в положение Анатолия Гусева, вообще в положение всех настоящих мастеров...

Скажем, подходит к нему начальник цеха, или сменный инженер, или председатель профкома и произносит приблизительно такой текст: «Вот тебе, Петрович, хороший парень, головастый, хочет работать, но пока ничего не умеет. Ты его учи!» И Петрович учит — дело известное! Даже, пожалуй, дело правильное... было — до поры, до времени. Но не теперь! Ведь конец двадцатого века на дворе. В стране, скажем прямо, полно отличных ПТУ. И только там можно по-настоящему освоить рабочую профессию, то есть стать полезным стране, уважаемым обществом... Конечно, высшую доводку, высшее рабочее образование можно получить только у настоящего мастера — вот у Гусева, скажем. Но именно высшее, а не «два прибавить два».

Ведь правда: никому не придет в голову привести к главному инженеру «толкового паренька» с просьбой сделать из него конструктора. А к токарю почему-то можно, и к монтажнику — можно! Не потому ли просто, что мы с вами мало пока уважаем рабочую профессию? Хотя говорим об этом уважении много!




После напряженного разговора обоим нам невольно хочется затишья. О чем же потолковать? О родине — о Москве нашей любимой.

— Я здесь вроде в командировке считаюсь,— улыбается Гусев.— А прописан-то дома. Строгино, знаете? Вот там у нас и квартира... Правда, ни разу еще в ней не ночевали! — И засмеялся.— Тут как-то мне на бюро горкома партии говорят... ну, в шутку, конечно: мы, говорят, тебя, Анатолий Дмитриевич, лишаем московской прописки! Живи уж до конца у нас!

Это Гусев сказал с заметной гордостью, почетный гражданин города Тынды... Он чувствует нужность свою. Он всем нужен!

И вспомнились письма (не такие уж редкие), вспомнились разговоры с иными вашими сверстниками. Главный мотив тех писем и разговоров: «Я никому не нужен!» Что же тут ответить? Ну да, ну, конечно, взрослые, они обязаны помогать, должны выручить из беды... А ты сам разве не должен?.. Я имею в виду: разве ты не должен сделаться кому-то нужным? Помощь помощью, но ты сам начни кому-нибудь помогать, кому-то приносить пользу. Вот и все. И пропадет твоя всеобщая ненужность и потерянность!

— Мне дочка говорит,— продолжает Гусев,— пока десять классов не кончу, вы, родители, отсюда уезжать не думайте! А она сейчас в восьмом...

— Значит, рассчитываете еще на два года?

Усмехается, качает головой:

— Тут прикидывали с ребятами... До девяносто пятого года работы — никак не расквитаться.

— Значит, командировка растягивается как бы на двадцать лет?

Он не отвечает на мою шутку, потому что Тында давно уже перестала для него быть «командировкой». И в один из моментов разговора Анатолий признался:

— Она мне больше родины нравится!

Потом поскорей заговорил о каких-то пустяках... Но через некоторое время снова вернулся к серьезному:

— Здесь наш труд виден весь сразу — в этих домах, детских садах, школах, магазинах, мимо которых ходишь ежедневно! Дочка моя в Москве родилась, а в сад здесь ходила. Папа построил! И в школе учится, которую папа...

— Гордится?

— Конечно!

*Будущие читатели журнала «Пионер».*



Я понимал, что и он этим гордится. Гусев сказал немного по-другому:

— Идешь на работу, а девятиэтажки наши — вот они. Из них люди выходят... Пользу свою... прямо глазами видишь свой вклад! И это в тебе живет с утра и до вечера!




*Вот и все — сомкнулось полотно,*
*И последний выложен портал.*
*Золотое светится звено...*
*Ты об этом десять лет мечтал.*

Это бамовский поэт Владимир Гузей. Стихи о том, что случилось 29 сентября 1984 года у разъезда Балбухта... БАМ перестал быть разрозненными кусками железнодорожного полотна, он стал единой железной дорогой!

Стал единой дорогой? Еще в позапрошлом году?.. Так чего ж тогда? Коли стройка окончена, то всем спасибо и — до свидания!

Теперь подобные слова кажутся всего лишь смешными. А в тот знаменитый сентябрьский день их много прозвучало на всевозможных митингах, а потом, еще даже обильнее, в разных газетах и журналах. Сколько они вреда наделали — страшно подумать! Те ребята, которые еще неделю назад рвались на БАМ, теперь с сожалением развели руками: «А чего ехать-то? Все построено». Да и среди бамовцев начались невольные разговоры: мол, пора отсюда подаваться в иные места...

Между тем БАМ по-прежнему нуждался в ритмичной ударной работе. Да, рельсы были уложены. Но практически еще не существовало того, ради чего построена эта бесконечная сверкающая нить... Помните, вначале я рассказывал о далеком июне 1974 года, о разговорах с мечтателем-ленинградцем про полезные ископаемые. Так вот, за двенадцать прошедших лет геологи еще столько всего наоткрывали — непредставимо!

Сибирь вообще славится своими рудными месторождениями. Но трасса БАМа словно бы специально идет от одного богатства к другому. А ведь она всего лишь выбирает кратчайшую и наиболее удобную дорогу «от Байкала до Амура», как пелось в той знаменитой песне.

Вот Чара, скажем. Кроме «экзотических» месторождений вроде единственного в мире камня чароита с его необыкновенно нежными малиновыми, фиолетовыми и синеватыми оттенками, Чара может поспорить по богатству и мощности залежей самых необходимых сейчас народному хозяйству ископаемых с крупнейшими месторождениями планеты.

Когда казалось, что Чарский район уже весь изучен, вдруг обнаружилась медь... Стоит ли говорить, что этот металл становится с каждым годом, если не с каждым месяцем, все более значимым и все более незаменимым сырьем для современной промышленности. А хороших медных рудников на свете не так уж много. И медь дорожает. Говорят, недалек тот день, когда по цене она сравняется с драгоценным серебром!

Наиболее богатым и мощным из до сих пор известных считается чилийское месторождение. Так вот, Удоканское месторождение (Удокан — местечко близ Чары) легко поспорит с ним!

Мне и сейчас особенно не надо было ползать по карте БАМа, чтобы рассказать о его богатствах. По существу, взял чуть ли не первую попавшуюся станцию — название понравилось, таинственное какое-то: Чара...

Да, богатства. Но вот незадача: как двенадцать лет назад, так и теперь полезные ископаемые по-прежнему практически в земле.

Как? За двенадцать лет и ничего не сдвинулось?! Хороша советская промышленность! Хороши ударные строители... Так с удовольствием и ядовито-елейной правдивостью вещали «радиоголоса».

На самом-то деле все обстоит совсем не так. Если двенадцать лет назад та же Чара была лишь мечтой, то теперь это стал нормальный завтрашний день, в который надо открыть дверь и войти. Есть железная дорога — значит, можно бесперебойно подвозить стройматериалы для будущего комбината, а вернее, комбинатов... Само собой, комбинаты эти будут, как выражается век НТР, энергоемкими. Не страшно! Целое море энергии готов дать каскад электростанций на могучей Зее.

БАМ сейчас в интереснейшей и очень важной поре своей жизни: еще год-два-три, и гигантское маховое колесо будущей бамовской промышленности наберет обороты... Что там говорить, все это десятилетие с лишком БАМ много брал у страны, у нас то есть с вами. Теперь наступает пора великой отдачи.

Возможно, мы этого не заметим, как бы не заметим: к хорошему привыкаешь удивительно быстро. Здесь не в том дело, что мы какие-нибудь с вами неблагодарные. Просто вся наша жизнь направлена на то, чтобы увеличивать хорошее для людей. Вот оно и привычно!

Это в капиталистических странах рабочие борются-борются, два и три месяца продолжают забастовку. Профсоюзы других стран, и в том числе наши, посылают им деньги, чтоб не голодали. Наконец (что бывает, к сожалению, не так уж часто) те рабочие победили. На два процента увеличат им хозяева жалованье... По-нашему говоря, на три-четыре рубля — кот наплакал! Но кругом все равно радость. Все-таки победа!

Мы быстро привыкаем к хорошему. Не знаю, помните ли вы те времена, когда купить машину было очень и очень непросто. Но вот построили ВАЗ, построили завод в Устинове, реконструировали автомобильный комбинат в Запорожье — и нет больше автомобильного «дефицита»! А через годик-другой еще и завод имени Ленинского комсомола в Москве выкинет на рынок сотни тысяч наисовременнейших машин...

Я хорошо помню времена, когда при записи на телевизоры «КВН» (экран величиной с почтовую открытку) моему отцу сломали два ребра...

Хорошее вошло в жизнь, а мы с вами и не заметили! Может, так и надо, может, так и правильно....

Но только давайте помнить и знать: успехи наши сами собой не растут, они не грибы! Как и сами собой не растут те девятиэтажки, в которых так

любят жить тындинцы... Анатолий Гусев об этом не забывает. Строит!

И нам тоже следует об этом помнить, так называемому подрастающему поколению.... А то некоторые слишком уж вольготно понимают слово «подрастающее» — мол, работать нам пока не надо, мы еще подрастаем... Да, работать не надо, но помнить — обязательно!




Гусев про Тынду правильно сказал: «Тут все на виду, все рядом». От дома-девятиэтажки, который заканчивает бригада Анатолия Дмитриевича, минут десять ходу до музея Байкало-Амурской магистрали. А если поспешить, то и за семь обернешься (температура — 38°).

Но сегодня не в музей мне, а немного дальше — в инспекцию по делам несовершеннолетних (сокращенно ИДН).

Что же я хочу сделать? Неужели буду рассказывать о ребятах, которые?.. И ведь это на БАМе! Более того, в самой столице Магистрали! Ну а что

*Балластировка пути — очень ответственное дело. Рельсы магистрали должны быть идеально ровные.*



же мне, врать, по-вашему? Применить «фигуру умолчания»? Лучше сор из избы, чем сор в избе — рассказывают, так любил говорить Владимир Ильич Ленин!

Шагаю по самой центральной улице Тынды. Она называется Красная Пресня... Ну да, верно, на московский лад. А тут вообще много московского, от москвичей: и свой Арбат, и свои Сокольники, и своя Киевская... Хорошо бы сейчас об этом поговорить и задумчиво так поулыбаться. Да некогда, увы! И настроение не то. Я иду в ИДН... То, что раньше называлось: детская комната милиции.

Третий этаж в обычном жилом доме, обычная квартирная дверь. И я ее открываю, еще сомневаясь немного, что, может, все-таки не туда попал... Туда. Меня встречает лейтенант милиции. Невольно как человек, недавно занимавшийся обменом, хочу осмотреть эту «квартиру»... Ведь она действительно могла бы быть квартирой, и здесь могла бы жить семья: три комнаты, просторный холл.

У нас, как вы знаете, с хорошей жилплощадью вообще «не жирно». А уж в Тынде особенно: до сих пор большинство живет в вагончиках, в балках, в самостроях. И житье это, чтобы не говорить долго, сурово!

Почему же инспекции по делам несовершеннолетних отдали такую уютную квартиру? Знаете, именно из-за того и отдали,что она уютна! На окна занавесочки повесили, на подоконниках цветы, полы чисто вымыты. И все это для того, чтобы пришедший сюда подросток почувствовал домашнюю обстановку, приветливость, тепло!

Работа в ИДН нелегка. Капитан милиции Надежда Николаевна Елфимова сказала мне с грустноватой улыбкой:

— С работы приду — уж и не переодеваюсь, только фартук надену: знаю, что вызовут...

Не то чтобы в Тынде их так уж много, этих несовершеннолетних оболтусов. Однако они есть... Слово «оболтус» я тут употребил не только для злости. Они и есть о б о л т у с ы, то есть не матерые злодеи, а просто на все им чихать. Они равнодушные! Да вы таких тоже видали, у которых интереса в глазах не больше, чем у дохлой рыбы.

Вот вам случай... Жила-была компания ребят из этого самого «подрастающего поколения» — четырнадцать-пятнадцать лет... Вам, мои дорогие читатели, пока поменьше. Ну и отлично, мотайте на ус!

Жила-была компания, собиралась в подъездах, на гитарах звенела да говорила про Валерия Леонтьева, Поля Маккартни и других кумиров... Да, представьте себе, опять проблема свободного времени, опять взрослые не позаботились.

Что ж, правильно, виноваты, конечно, взрослые, не позаботились, недоучли потребностей. И кстати, понесли потом соответствующее наказание.

А что же те ребята? Может, сами хоть что-нибудь придумали интересного или более-менее полезного. Ведь не в диком лесу живут, слава богу, не на темной планете Плутон... Увы! Поскольку в свободное время их занимали слабо, они решили «обидеться».

Появилось у той компании такое своеобразное развлечение — кататься на угнанных машинах. А что? Дело лихое: лететь куда-то в ночь, не жалея мотор и тормоза, не глядя на светофоры, радуясь тому, как испуганно шарахнется в сторону запоздалый пешеход. Машины эти добывались из государственных гаражей. Причем без особых усилий, потому что дужки замков на пятидесятиградусном морозе становятся хрупкими, словно сделаны из хрусталя, а не из стали. Покатались на машине,

полетали. Потом что с ней делать? Ну не обратно же в гараж, верно? И бросали их где придется. Машина, только что бывшая живой, замирала. А потом мороз прохватывал ее до костей. Оставшаяся в моторе вода разрывала двигатель.

Компания развлекалась таким образом около двух месяцев, пока ее не выловили. Убытки от этих развлечений оказались огромные... Не знаю, какой-нибудь самый злостный кинодиверсант, и то бы, наверное, не сумел столько напакостить. А вот они сумели!

В «детской комнате» я столкнулся с одним из той компании. Впрочем, он проходил почти свидетелем, и ему присудили условное наказание. «Свидетельность» его состояла в том, что он прокатился пару раз с главарями затеи — просто чтобы убедиться, правда ли они это делают или только «свистят для понта». Убедился, что правда, зауважал. Однако участвовать в развлечении не решился: все-таки опасно!

И вот теперь он сидел перед инспектором Антониной Васильевной Селивановой, сидел набыченный, нахмуренный — делал вид, что переживает. Но, честно говоря, было впечатление, что ему просто скучно. Он отбывал номер, он все был ребеночком, он все был уверен, что взрослые за него решат, сделают, договорятся.

Так оно, в сущности, и происходило. Почему? Да потому, что взрослые эти, добрые и порядочные люди боялись, а вдруг парень сорвется, «совершит правонарушение», если говорить на специальном языке. И тогда новый срок и плюс тот, на который была дана отсрочка... Страшно! И ему тоже было страшно, этому Олегу. Но больше лень: думать, менять дешевые и пошлые привычки, заниматься каким-либо делом, бороться за себя.

Я узнал, что Селиванова пыталась пристроить Олега в спортивную секцию. Нет, это ему не нравится... С надеждой Антонина Васильевна спросила: вроде у Олега девочка появилась? Нет, не появилась! Олег рисует неплохо, но применить свои умения для пользы, для помощи кому-то... Сама эта мысль вызывает у него искреннее удивление: «Да ну!»

И так сидит он, хмурится для видимости — аккуратный, очень неплохо одетый, уже усатый, потому что бывшему пятнадцатилетнему исполнилось семнадцать. В руках огромная, по моде, меховая шапка не меньше как рублей за двести... А ведь вся его «зарплата» — стипендия ПТУ.

— Что же с ним будет, с этим Олегом?..

Не хотите ли и вы подумать?




Тында любит подражать Москве. Не из зависти, не из желания примазаться к славе великой столицы. Но просто там много живет коренных москвичей. И хотелось что-то взять с собой на память. Не родной дом, не родные московские липы и тополя, так хотя бы названия родных улиц... Ну, об этом я уж говорил немного.

А еще, как и в старой Москве когда-то, в Тынде живут «по цехам». В Москве остались, конечно, только названия: Кузнецкий мост, Большая и Малая Бронные, Поварская улица, Столешников переулок, Охотный ряд. А вот в Тынде — правда: свой как бы городок у знаменитого на весь БАМ треста «Мостострой-10», свой у Дорожно-строительного управления. ДРСУ-1... И у Мехколонны-94 есть такой районник. Тут все свое. И в том числе своя школа — номер семь. Туда я попал отчасти случайно: в двух шагах от дома приятеля, отчасти нарочно: сказали мне, что школа эта хорошая.

А чем же она хорошая такая? Чем знаменита? Общественно полезный труд — вот чем она славится.

Общественно полезный... Нет, это дело по душе далеко не каждому — работать за спасибо. «Нормальный человек» быстро смекнет, что в художественной гимнастике, или в авиамодельном кружке, или в шахматной секции куда интересней. И уж по крайней мере тебе хоть какая-нибудь, а выгода: в гимнастике — стройней и красивей станешь, а в авиамодельном — будешь потихоньку к институту готовиться, в шахматах — поумнеешь...

А в общественно полезном труде ну буквально ничего. Так зачем же тогда работать?.. Однако находятся такие «чудаки», работают! И мне они особенно по душе!

Ребята из седьмой школы рассказывали о своих делах охотно, но спокойно. Многое для них как бы само собой разумеется. Мехколонна школе — главные шефы, всегда во всем помогут... А мы разве не должны им помочь?.. Чем? Да хотя бы гараж убрать. А ребята помладше могут помыть стекла машинам. А можно было бы, конечно, «с большей пользой время провести» — в подъезде, например, постоять, поспорить: слабо «уазик» угнать или нет...

Есть в мехколонне свой детский сад. Само собой, что там и воспитательницы, и нянечки, и прочий «персонал». Но ведь с малышней работа всегда найдется: хотя бы простыни подрубить, сшить фартучки, для средней группы сделать так, чтобы машинки бегали на всех четырех лапах, сконструировать подставки для цветов...

Дальше — школа родная. Она раньше была старая-престарая. Говорят, еще дореволюционная или что-то в этом роде. Она и развалилась. Ну, конечно, с некоторой помощью строителей, которые на ее месте поставили другую, новую, новенькую. За одно лето, то есть очень быстро. И поэтому школьному двору хозяйский глаз, хозяйские умелые руки, по правде говоря, никак не помешают.

Конечно, можно поднять вопрос на так называемую «принципиальную высоту», мол, куда же смотрели эти так называемые строители? Пусть сами добивают свои огрехи... Правильная точка зрения? Возможно, и правильная.

Но правильней будет другая: пусть строители дальше идут строить: Тынде нужны и жилье, и садики, и новые школы, а мы уж сами, мы ведь не безрукие, мы еще и получше ихнего сделаем, потому что по собственному проекту: всякие лазалки, качели. И деревья, где нам нравится, посадим. И где надо — хоккейную коробку поставим. А захотим, так и с трибуной!

Ну ладно, это все очень хорошо и благородно: помогли родителям, ведь это они в Мехколонне



*Татьяна Тинихина, она штукатур-маляр. А муж ее Сергей — плотник. Строители — значит, очень уважаемые на БАМе люди.*

работают, помогли братишкам и сестренкам из подшефного сада, благоустроили собственный школьный двор — общественно полезно потрудились... Так скажут некоторые и ухмыльнутся.

А я бы сказал, что и этих трех дел не так уж мало. И далеко не все на них «отваживаются», считая, что гаражи пусть сами взрослые убирают — они за это зарплату получают. И малышей пусть обихаживают приставленные к этому делу люди. И школу тоже пусть кто хочет, тот и благоустраивает... А кто «хочет»-то? Часто звучащий в таких случаях ответ: «Как кто? Государство!» Словно сами они из Австралии!

Впрочем, оставим это. И главное, потому, что в седьмой школе работают не только «для себя». Вот собрали библиотечки для красных уголков, которые на трассе, в вагончиках. Ведь большинство бамовцев работает вахтовым методом: две недели на трассе (по одиннадцать-двенадцать часов в день), две недели отдых. Так вот желательно, чтобы и на вахте у людей были приличные условия жизни. Для этого многое делается. И ребята из седьмой школы тоже об этом думают. И это уже помощь не родной Мехколонне, которая базируется в Тынде. Это помощь всем.

В прошлом году появилось новое дело — на почте работать, в доставке, а старшие на коммутаторе, подменяют телефонисток. Получают деньги. Куда идут эти рубли? На подарки никарагуанским ребятам, родители которых погибли в боях с контрас.

Вы, быть может, сейчас корите меня, что я все здесь изложил слишком сухо, слишком информационно. Однако это как раз тот случай, когда информация именно к размышлению. Прежде всего для Олега (с которым мы столкнулись в предыдущей главе), для Олега и ему подобных... Впрочем, и для нас с вами тоже!




Мехколонна-94 прибыла в Тынду в 1974 году, так что большинство учащихся седьмой школы — коренные бамовцы. Интересуюсь их взаимоотношениями с местным климатом. В ответ смеются, глядя на меня, новичка:

— Это у вас: двадцать шесть — уже можно «прогуливать». В Тынде: любой мороз — все равно учимся! А зато летом, знаете, какая жарища? Даже наша речка сохнет!

— Так это ж плохо!

Мгновенно испугались, что я начну бранить их родные края:

— А тут озера рядом! И на Гилюй можно... По Гилюю на плотах, знаете, какие походики!

И дальше про грибы, про рыбалку, про любимейшую всеми тындинцами бруснику...

— Знаете, один дяденька из Москвы, из гостей, приезжает, говорит: «Хороший город. Только как они там без брусники живут!» — и смеются.

Случайно заговорили о медведях... Оказывается, большинство видело хозяина тайги! Или уж слышало вблизи его рык... Словом, им нравится здесь. Да и как может не нравиться на родине. Уезжать, оставаться — для них вообще нет такого вопроса. Лишь бы родители не «подкачали»...

А что же в самом деле родители? Большей частью это первооткрыватели БАМа, первостроители. В то время, когда я был в Тынде, город отмечал свое десятилетие. Ребята из седьмой писали сочинение о родном городе: можно про будущее, можно о прошлом.

Большинство писало о прошлом. О том, как родители начинали здесь свое житье. С гордостью писали, с уважением, с желанием быть такими же.

Встречаясь с ребятами, я почти всегда спрашиваю: кем хотите стать? И здесь спросил.

Общее было: «Хочу работать на БАМе!»

А по профессиям: «Хочу дома строить», «Хочу, как мама, инженером по технике безопасности», «Хочу шофером на дальние рейсы», «шофером на грузовике», «педиатром — у меня папа детский врач», «плотником — мастерить люблю».

И никто не кинулся в киноартистки, в телепевицы... А может, это плохо? Может, это «бескрылая мечта»? Думаю, нет! Ребята из седьмой хотят быть такими, как их матери и отцы,— уверенными, спокойными, уважаемыми людьми.

Как это все-таки важно — выбрать профессию не по «престижности», а по душе!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

# ОТРЯД ГОВОРИТ

## ИМЯ, КОТОРОЕ НОСИТ ОТРЯД



Наш отряд носит имя нашего земляка, участника Великой Отечественной войны Софронова Прокопия Афанасьевича. Мы добились этой чести хорошей учебой, примерным поведением и еще — заслужили звание правофлангового отряда дружины.

О героическом подвиге Софронова рассказали центральные газеты, а газета «Социалистическая Якутия» писала 18 февраля 1942 года так: «Юго-Западный фронт. 15 февраля. (ТАСС). Н-ская часть получила приказ о наступлении. Первым ринулся в бой комсомолец Софронов. В пылу сражения он заметил, что фашист в упор нацелился в командира. Софронов в мгновение ока подбежал и своей грудью заслонил командира».

Родители героя получили известие: «...ваш любимый сын... геройски погиб в рукопашном бою, заслонив собою своего командира». Пришло письмо и от командира, лейтенанта Трифонова, который сообщал, что будет мстить фашистам за спасшего ему жизнь товарища. После войны лейтенант Трифонов снова писал родителям погибшего бойца, приглашал их к себе в гости.

Мы узнали, что по московскому радио шла передача, в которой Прокопия Софронова называли «якутским Данко», а подвиг его — интернациональным: он показал, как дружны между собою разные национальности нашей страны. Певец-импровизатор М. Н. Тимофеев-Терешкин написал балладу о подвиге героя. Художник А. Н. Кривошапкин геройскому подвигу солдата посвятил картину.

Софронов родился в крестьянской семье. Рассказывали, что у него с детства сложился характер твердый и волевой. Когда мальчишки играли в войну снежками, Прокопий всегда отбивался до последнего «патрона». Подрос и стал одним из лучших работников своего колхоза «Красный работник». А в 1936 году по призыву Якутского обкома ВЛКСМ, получив комсомольскую путевку, поехал работать на Алдан, на золотой прииск. Выдавал по две нормы, стал стахановцем, имел несколько благодарностей. Через три года Прокопий вернулся в свой колхоз. Не отказывался ни от какой, даже самой трудной работы. Много читал, занимался самообразованием.

Мы стараемся быть похожими на своего земляка, быть достойными его имени.

**Надя ЯВОРСКАЯ,**
**ЯАССР, В.-Вилюйский район,**
**п/о Хомустах, с. Налиды.**

Наш отряд 6-го класса «Б» носит имя летчика-космонавта Светланы Евгеньевны Савицкой. Наш класс дружный, и всегда мы придумываем новые, интересные дела. Сейчас вот организуем кукольный театр. Мальчики мастерят кукол, а девочки шьют им костюмы. Хотим показать первый спектакль младшим пионерам. А потом уж пойдем в детский сад. Нам во всем помогает наша классная руководительница Вера Эмильевна Соломонова. Мы с ней друзья. Мы стараемся оправдать своими делами и поступками имя, которое носит наш отряд.

С пионерским приветом
**Алтыншаш НУРПЕИСОВА,**
**Узбекская ССР,**
**г. Самарканд.**

## КОНКРЕТНОЕ, СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЕ ДЕЛО —

***каждому пионерскому коллективу, каждому пионеру!***

**Оля ЩЕКОТОВА, село Эльгяй, Якутская АССР.** Ребята нашего отряда все лето помогали старшим на ферме, на сенокосе, на детской площадке. А осенью мы все пошли собирать картошку. Две недели работали. Потом собирали листья березы. Это неплохой корм для коров. Пусть мы не так много сделали, но наш труд помог все же в зимовке скота. И пользу мы принесли.

**Наталья САРИЧЕВА, село Б. Знаменка, Запорожская область.** Моя мама доярка, работает на молочнотоварной ферме. Я часто прихожу к ней на ферму. Помогаю. Но больше всего я стараюсь помочь маме дома. Если у мамы хорошее настроение дома, она и на работе больше успеет.

**Оксана ЛЫСЕНКО, город Киев.** Наша дружина решила соб-

# С ОТРЯДОМ

рать 2 тонны макулатуры для выпуска газеты «Прапор комунізму» к XXVII съезду КПСС. И выполнила то, что наметила. Не могу сказать, чтобы все отряды работали одинаково хорошо. Но я верю, все подтянутся. Мы теперь будем зарабатывать деньги в Фонд мира, а забота о сохранении мира — это дело всех и каждого. Иногда младшие пионеры спрашивают, что им делать. Как что? А ярмарки солидарности? А сбор макулатуры, металлолома, лекарственных трав? Работа в мастерских, в библиотеке? А кто, как не мы, должен организовывать сбор семян для подкормки птиц?! Каждый пионер должен понимать, что его доля участия должна быть в деле борьбы за мир!

## ОБМЕНИВАЕМСЯ ОПЫТОМ

**Алла ПАРХОМЕНКО, город Кинешма, Ивановская область.** Наш класс раньше был недружный. Все жили сами по себе. От поручений отговаривались. Мальчишки девчонкам давали клички, девчонки мальчишек избегали. А потом кому-то пришла идея: раз уж все равно мальчишки и девчонки разделились, так устроить между ними соревнование. И стали соревноваться: кто учится лучше? Кто дело интереснее придумает? Стали однажды наши мальчишки с другим шестым классом соревноваться по баскетболу. Так мы так за них болели, что не заметили, как подружились. Потом мы решили с девчонками из того класса устроить соревнования в КВН. Волновались, что проиграем. Что тогда мальчишки скажут? А они захотели вместе с нами играть в КВН. И мы все выиграли. К Новому году уже проблем не было. Все вместе готовили спектакли для октябрят. И теперь учителя на нас не нарадуются: вот это, говорят класс, дружный, самостоятельный, и без классного руководителя со всем справляется!

**Наташа ЖИДКОВА, город Краснодар.** Многие ребята жалуются, что дружбы у них нет в отряде, что все отлынивают от отрядных дел. А я на своем опыте знаю, что ребят нужно заинтересовать делом. И помогать им его выполнить. Это роль командира. Еще очень помогает соревнование между звеньями. Никто же не захочет быть хуже других. А победившему звену можно вручать приз! Попробуйте, получится!

И еще, если у всех свои дела, все после уроков расходятся по своим любимым кружкам, секциям и т. д., не оттаскивайте их за уши от любимого дела, а, наоборот, поинтересуйтесь этим делом. Поддержите футболистов в их увлечении, они и для отряда устроят тогда спортивные соревнования, и не только футбольные. А техники! Это ж золотые ребята! Они для отряда многое могут сделать, если проявить настоящий интерес к их творчеству. Надо просто девочкам, если они председатели советов отрядов, учитывать интересы мальчиков, проявлять к их увлечениям и затеям интерес, а не быть примерными паиньками, которые сами ходят на все мероприятия, до которых никому в отряде нет дела. Надо всех, каждого вовлекать в то, что ему интересно, и использовать увлечение одного для общего дела, для всех. Вот и вся хитрость!

**ПИОНЕРЫ 5-го класса, с/з Ольгинский Аксайский район, Ростовская область.** Мы как боролись с кличками и прочими прозвищами, которые мешали нам подружиться?! Составили для начала анкету и на ее вопросы сами же ответили. Что такое дружба истинная и ложная? Какие ребята нам нравятся, а какие не очень? Что такое кодекс чести друзей? Прочитали, подумали и поняли, какого друга хочет каждый иметь, чего нам не хватает для дружбы. А кодекс чести, который мы составили, предлагаем прочитать и вам.

### КОДЕКС ЧЕСТИ

**1. Мальчики и девочки отказываются от грубости по отношению друг к другу.**
**2. Отказываемся от кличек и прозвищ.**
**3. Обращаемся друг к другу по именам.**
**4. Мальчики по-рыцарски вежливы с девочками.**
**5. Девочки проявляют заботу о товарищах-мальчиках.**
**6. Все воспитывают в себе качества, необходимые для дружбы: честность, доброту, справедливость, искренность, умение помогать и хранить тайну.**

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.




101459 ГСП, Москва
Бумажный проезд,
14, 11 этаж.
«Отряд говорит с отрядом»

Степан ЖУПАНИН

# *Весенние заморозки*

Заморозки в мае!
Ночью — ветер злющий!
Звенья подымаем
Сад спасать цветущий.
Драться с холодами
Мы привыкли сами,
Сад наш белопенный
Окружим кострами,
Чтобы клубы дыма
Не летели мимо,
Чтоб над каждой кроной
Встали обороной,
Чтоб гудело пламя
Жаркою грядою!
Сами,
сами,
сами
Справимся с бедою!
Сад наш белопенный,
Согревайся, слышишь!
Тихо, постепенно...
Ты уж легче дышишь.
Тихо, постепенно
Иней тает, тает...
Пусть наш белопенный
Пуще расцветает!
Утром всем отрядом
Видим: мимо школы
На свиданье с садом
Полетели пчелы.

Перевел с украинского
А. КРЕСТИНСКИЙ.

С. МАКСИМОВ

# *Перед грозой*

Теплый вечер обманчив,
Ночью будет гроза.
Золотой одуванчик
Закрывает глаза.

Сникли тихие травы,
Все замолкло вокруг,
Лишь за ближней дубравой
Слышен трактора стук.

Ходит туча ворчливо,
Полыхает закат.
И, как дивное диво,
В белых яблонях сад.



Рисунок А. БОРИСОВА.

# УРОК СОЛИДАРНОСТИ



*Янник Грэндорж в Артеке.*

Январь на атлантическом побережье Европы безрадостный месяц. Туман, дождь, переходящий в снег, пробирающий до костей сырой, промозглый ветер... Особенно не по душе январская распутица водителям автомашин. Уж на что спокоен и невозмутим Ролан, а и он то и дело хмурится, вглядываясь в густо стелющийся над шоссе туман, покачивает головой. Будто осуждает кого-то.

Янник кажется, что осуждает он своих пассажиров: понесла их нелегкая в такую даль да по такой погоде. Как будто почты нет!

Янник искоса глядит на загорелое, поросшее густой черной бородой лицо Ролана. Поймав ее взгляд, Ролан улыбается, лукаво подмигивает. Нет, думает Янник, Ролан понимает, почему их дело нельзя перепоручить почте. Эта поездка нужна не только для того, чтобы довезти и передать детям бастующих английских шахтеров игрушки, собранные бельгийскими пионерами. Эта поездка — визит дружбы. Пусть дети шахтеров знают, что бельгийские пионеры солидарны с ними и их отцами. Пусть знают, что в Бельгии у них много добрых друзей, которые с волнением следят за схваткой шахтеров с капиталистами и готовы протянуть руку помощи...

Откинувшись на спинку сиденья, сладко посапывает Николя Дандуа. Его одноклассник Ив Пиндн прильнул к окну и что-то жует. Между ними Эрик Янс шуршит газетой. Эрик — коммунист, руководитель пионеров Бельгии. Это он поддержал ребят, когда они предложили собрать игрушки для детей бастующих английских шахтеров.

Осенью 1984 года, ссылаясь на кризис в угольном производстве, английские капиталисты уволили тысячи шахтеров. В ответ на это шахтеры захватили шахты. Трудящиеся всего мира следили за их борьбой. Из всех уголков планеты летели телеграммы и письма солидарности. Рабочие собирали деньги, одежду, еду и посылали английским пролетариям.

Однажды вожатый пионерской группы городка Намюр, что в провинции Льеж, Пьер Сетон рассказал, что рабочие Намюра решили собрать деньги для английских шахтеров.

— А можем ли мы чем-нибудь помочь шахтерам? — заволновались ребята.

— Можем, — кивнул вожатый. — Пионеры Арден начали собирать для детей английских горняков игрушки... Центральный совет Союза пионеров Бельгии одобрил их почин...

— Игрушки? — вразнобой заговорили ребята. — А что, это идея!..

Первый ящик игрушек собрали в тот же день. Янник принесла свои некогда любимые куклы, волейбольный мяч и ракетку для бадминтона. Кто-то притащил поломанный самокат, и его тут же принялись чинить. А потом так и пошло: какая игрушка нуждалась в ремонте, попадала в руки «ремонтников».

Спустя два месяца Янник Грэндорж и ее друзей пригласили в Брюссель. Здесь, на Сталинградской улице, названной так в честь Победы Красной Армии над фашистами под Сталинградом, в доме № 21, разместился Центральный совет Союза пионеров Бельгии.

— Собранные игрушки, — сказал им Эрик Янс, — мы предлагаем отправить на грузовике. А сопровождать их поручаем вашей группе, самой-самой деятельной в этой акции. Не всей, конечно, но три человека поехать могут.

Выбор пал на Янник Грэндорж, Ива Пиндна и Николя Дандуа. Они не только больше других возились с игрушками. Во всех делах пионеров Намюра эта троица — заводилы. Чего стоит хотя бы кампания сторонников мира в апреле 1985 года! Часами ребята бродили тогда по улицам городка, распространяя антивоенные листовки...

...Английский берег салютовал огнем маяка. Выгрузились в порту города Дувра и двинулись на север, в графство Йоркшир. Там, в горняцком городке Барнслее, конечный пункт их путешествия.

— Интересно, как нас встретят? — озабоченно проговорил Николя. — Мы же по-английски ни слова. Кроме Эрика...

— Встретят, — успокоил Ролан и улыбнулся. — Доброе дело перевода не требует.

Признаться, Янник тоже мучил этот вопрос. Николя выдал ее тайные сомнения. Действительно, как они будут общаться с шахтерами и их детьми, если не говорят по-английски? Им же целых три дня предстоит провести в Барнслее!




На подъезде к Барнслею они заметили толпу людей. Люди что-то сердито выкрикивали и потрясали кулаками. Ролан притормозил и хотел было выяснить, в чем дело, как вдруг в грузовик полетели камни. Один, другой, третий...

— Ложись! Голову пригнуть! — закричал Эрик и вмиг свалил на сиденье Ива и Николя.— Ролан, поворачивай назад! Быстро!..

Когда отъехали от городка и пришли в себя, Эрик возмущенно процедил:

— Штрейкбрехеры! Их наняли владельцы шахт, чтобы сорвать забастовку...

— А как они узнали, что мы едем к шахтерам? — удивилась Янник.

— Да у нас же транспарант во весь кузов! — сокрушенно пробормотал Ролан.— «Привет английским шахтерам!»

Транспарант сняли, а потом долго кружили по проселкам, норовя въехать в Барнслей по какой-нибудь иной дороге.

...Грузовик с игрушками встречал весь Майнинг кэмп — Шахтерский квартал. Стихийно возник митинг. Ролан снова водрузил транспарант на свой «форд» и стоял возле него, как часовой.

Не беда, что английские шахтеры не говорили по-французски. Не скрывая волнения и радости, они пожимали руки Янник и ее товарищам, приглашали к себе в гости, норовили угостить ребят чем-нибудь вкусным. Их улыбки и рукопожатия были понятнее всяких слов.

А сколько радости было у детей шахтеров, когда вручили им игрушки! Забастовка коснулась и ребят, лишив их прежних игр и забав. Приезд гостей и нехитрые подарки на время отвлекли детей горняков от суровых будней.

Два дня пути от Брюсселя до Барнслея казались Янник вечностью. А три дня среди шахтеров пролетели в одно мгновение. И все же эти дни Янник надолго сохранит в памяти.

...Мы сидим в холле Международного молодежного центра ЦК ВЛКСМ «Олимпиец», где во время XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве разместился детский фестивальный лагерь.

— Скажи, Янник, страшно было, когда вас атаковали штрейкбрехеры?

— Страшно...— хмурится Янник.— Хотя мне хотелось броситься на них с кулаками...

— Защищать шахтеров? Или себя?

— Себя? — удивляется Янник. Качает головой: — Не-ет. Там, в Англии,— говорит, раздумчиво,— я поняла, что на месте английских шахтеров могли быть бельгийские докеры или французские крестьяне, голландские металлисты или итальянские строители... Никто не застрахован от произвола капиталистов. И только все вместе, объединившись, мы можем постоять за себя... Для меня это был урок классовой борьбы и солидарности... Кстати,— Янник улыбается,— знаете, какой девиз у бельгийских пионеров? «Пионеры всегда готовы объединяться и строить!» Строить — в смысле улучшать жизнь.

**В. РЫБИН**

# ДОЛОЙ АПАРТЕИД!

Мамелоди — пригород столицы ЮАР Претории — застилает едкий черный дым. Горят подожженные дома, пылают автомобильные покрышки, из которых построены баррикады. На немощеных мостовых — кровавые пятна. Здесь было побоище — полицейские «силы по борьбе с мятежниками» без предупреждения открыли огонь по 50-тысячной демонстрации мирных жителей. 15 человек убиты на месте, десятки ранены и изувечены, сотни брошены в тюрьмы.

Ареной ожесточенных столкновений стал и Соуэто — африканский пригород Йоханнесбурга. Здесь вооруженные до зубов полицейские атаковали безоружных людей, которые собрались на похороны 13-летнего Лоуренса Синди, зверски убитого во время демонстрации. Власти освободили полицию и солдат от ответственности за убийства во время разгона демонстраций и «обработки бунтовщиков» в тюрьмах. Поэтому безнаказанно орудуют в стране банды полицейских. Поэтому гибнут ни в чем не повинные взрослые и дети.

11-летний Майкл Миранд из поселка Атхлон, 16-летний Шуан Магмоет — эти мальчики, как и Лоуренс Синди, как и сотни их сверстников, вышли вместе с родителями и учителями на демонстрацию. Они требовали от правительства отменить чрезвычайное положение в стране, вывести войска из африканских кварталов, требовали покончить навсегда с расовой дискриминацией.

...Вот к полицейскому участку в Кейптауне подъезжают автофургоны с зарешеченными окнами. Вооруженные солдаты распахивают дверцы и выволакивают из машин африканцев и цветных (так в ЮАР называют метисов). Большинство из них дети — испуганные, окровавленные мальчишки и девчонки. Их арестовали за «нарушение общественного порядка», за «насильственные действия», как заявляют власти.

В Соуэто полиция схватила 160 школьников. 510 арестованных подростков и детей, некоторым не исполнилось еще и семи лет, — таков результат «успешно проведенной» полицией Кейптауна карательной операции против школьников, бойкотирующих занятия.

Введя в ряде районов страны чрезвычайное положение, власти ЮАР приказали всем учащимся посещать занятия. Они думали таким способом сбить волну протеста, охватившую учащуюся молодежь, но бойкоты принудительных занятий не прекращаются.

Полицейские и солдаты прочесывают улицы, вламываются в дома африканцев, избивают детей, заставляя их идти в школы. Учителей, которые отказываются вести уроки под дулами автоматов, бросают в тюрьмы. И все-таки, несмотря на расправы, число учащихся, бойкотирующих занятия, в иные месяцы вырастает до 200 тысяч.

Вот как выглядит африканская школа сегодня — полуразрушенный гараж, где 80 малышей рассаживаются прямо на цементном полу. Учительница с трудом протискивается к самодельной доске. Вместо парт деревянные ящики и картонные коробки, не хватает учебников, нет пособий, лишь один из трех учителей имеет специальное педагогическое образование. Но в этой же самой стране в «белых» городах ЮАР есть хорошие школы для детей белых. Здесь все как полагается, 20—30 учеников в светлом, хорошо оборудованном классе, преподаватели-профессионалы. На белых учащихся распространяет-



ся закон о всеобщем бесплатном образовании. На обучение каждого из них государство тратит в 13 раз больше средств, чем на одного темнокожего школьника.

Вот что такое режим апартеида в системе образования («апартеид» в переводе с африкаанс означает «раздельное развитие рас»). Более трети темнокожих детей школьного возраста из-за нищеты, безработицы, голода, болезней вообще не начинают ходить в школу. Более половины из тех, что идут в школы, по тем же причинам бросают учебу в первые два года. Уровень преподавания в начальной школе для африканцев так низок, что далеко не все окончившие ее могут продолжить учебу. Среднего образования не получают и 10 процентов детей африканцев. Более половины коренных жителей ЮАР неграмотны. А значит, им уготовано нищенское существование.

«Амандла нгаветху!» — звонко выкрикивает темнокожий мальчишка, вскидывая над головой кулак. «Власть народу!», «Долой апартеид!» — вторят ему его товарищи, занявшие место в рядах демонстрантов вместо Лоуренса, Майкла, Мозеса и десятков других погибших сверстников.

**Н. БАРАТОВА**

# «ТОВАРИЩ» ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО

«Здравствуй, наш любимый журнал «Пионер». Мы, ученики основной школы чехословацкого шахтерского города Орлова, члены Клуба интернациональной дружбы, хотим рассказать вам о нашем клубе. Вот уже десять лет мы дружим с советскими пионерами из 72-й средней школы города Устинова. В письмах мы рассказываем друг другу о соревнованиях наших отрядов, работе КИДов, о наших праздниках и дружинных митингах.

Каждый год в нашей школе проходит олимпиада «Что ты знаешь о СССР?». Почти всегда мы занимаем в ней 1—2-е места, а в районной олимпиаде по русскому языку наши ученики занимают 3—4-е места. Мы гордимся этими достижениями, ведь в районе у нас 75 школ.

Мы любим советский народ и хотим как можно больше знать о нем. Всем классом мы посещаем советские фильмы, читаем на уроках внеклассного чтения русскую литературу. Недавно к нам приходили студенты педагогического факультета из Остравы, которые свою практику проходили в Волгограде. У нас была долгая интересная беседа об этом легендарном городе.

У нас в школе есть такой обычай: каждый год в ноябре — декабре проходят во всех классах «Вечера около самовара». На этих вечерах мы танцуем, поем, читаем стихи, соревнуемся в знаниях о Советском Союзе. Мы знаем, что Советский Союз — главный защитник мира, он стоит во главе передовых людей планеты, которые борются за свободу и счастье всего человечества.

В нашем клубе на самом почетном месте стоит кукла Настенька, которую нам подарили наши друзья из Устинова. Она очень красивая в своем национальном удмуртском костюме. Мы хотим, чтобы все дети Земли играли в такие красивые игрушки. Мы хотим, чтобы всегда были мир и дружба.

Пусть всегда будет солнце!

**Члены КИДа г. Орлова, ЧССР,**
**ул. Маркса, 850.**



Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

*Манфред Штройбель — лауреат нескольких литературных премий ГДР. Первая его книга вышла в свет ровно тридцать лет тому назад, когда он был еще студентом.*

*Манфред Штройбель много пишет для детей и о детях. Из его книг мне особенно нравится сборник «За медом» с подзаголовком «Азбука находок» — поэтический букварь. Стихи, здесь напечатанные, взяты из этой книги.*

***Борис Хлебников***

**Манфред ШТРОЙБЕЛЬ, ГДР**

# Фонарик

Средь темной ночи мы
зажжем с тобой фонарик.
Он светит, смел и ярок,
и не боится тьмы.

Фонариком своим
мы людям шлем сигналы,
чтоб все на свете знали,
что мы еще не спим.

Мы выйдем из тепла
к озябнувшим соцветьям,
фонариком посветим,
и перед светом этим
отступят страх и мгла.

Прекрасен ясный луч,
и лучше дела нету,
чем свет нести по свету
средь холода и туч.

# Запас

Кто, как мальчишка, занят
по горло каждый миг,
тот многое в кармане
носить с собой привык.

Какие только вещи
в кармане не найдешь:
поломанные клещи
и выброшенный нож,

дождинку и снежинку,
улитку, мотылька,
от тополя пушинку,
рогатого жука,

редиску и ириску,
пяток цветных камней,
для девочки записку,
не отданную ей.

Что ж, вещи не обуза,
когда они нужны.
Вот только бы от груза
не съехали штаны...

Копи свои богатства,
подольше их храни,
быть может, пригодятся
когда-нибудь они.

# Окна

Покрылось пыльным слоем
оконное стекло.
Давай окно откроем,
давай стекло отмоем,
чтоб стало нам светло.

Окна мою, окна мою,
устает рука.
Надо мыть другой рукою,
не отмыл пока.

Ведь мы хотим, чтоб дали
не затемняла тень,
чтоб люди правду знали,
а все обманы стали
ясны, как ясный день.

Окна мою, мою, мою,
устает рука.
Буду мыть другой рукою,
не отмыл пока.

# Зимний день

У нас стоит зима,
упали снегопады
на ветки и ограды,
сараи и дома.

Мы протопили дом,
и не боимся вьюги,
и можем на досуге
подумать обо всем.

А улица в снегу
прекрасным служит фоном
для сумрачной вороны,
сидящей на суку.

**Перевел с немецкого Борис ХЛЕБНИКОВ.**






## Приключения на берегу

Санька с Одиссеем бродили по тесным переулкам и по площадям, лазили на верхние площадки крепостных башен, где добродушно ворчали на мальчишек старые воины.

Интересно и весело было на шумливом рынке, где в толпе хватало всякого народа: богачей в пестрых одеждах, и нищих в лохмотьях, и полуголых костлявых рабов. Люди шумели, торговались, ругались, рассказывали новости. Звонко щелкали ногтями по бокам выставленных на продажу больших и маленьких амфор. Пахло рыбой и раздавленными фруктами...

В порту было тоже многолюдно. Рабы тащили на разукрашенные корабли тюки и громадные глиняные пифосы с зерном. Хриплые матросы шатались по пристани и рассказывали небылицы о заморских циклопах и сиренах...

Одиссей и Санька сновали между людьми, приглядывались ко всему и прислушивались. И никто не обращал внимания на Саньку, все думали, что он здешний.

Но однажды Одиссей сказал:

— Знаешь что... Ты только не обижайся... но лучше тебе пока не приходить к нам.

— Почему? — огорчился Санька.

— У нас есть кривой сосед по кличке Полифем, он пьяница и доносчик. Он меня уже два раза спрашивал: «А что это за незнакомый мальчишка к тебе повадился?»

— Ну и что? Кому какое дело?

— Боюсь я... Если будут лишние подозрения, за мной станут следить и догадаются про мою тайну...

— Какую тайну? — удивился Санька. И даже обиделся. Оказывается, у Одиссея есть тайны, отдельные от него, от Саньки.

Одиссей виновато посопел и проговорил:

— Ты не думай, что я навсегда скрывал. Просто я хотел рассказать, когда все уже будет готово... Послушай, а твоя машина времени нормально работает?

— Конечно, нормально! Ты про тайну давай...

— Сейчас... А в ней в любую сторону, то есть в любое время, можно уехать?

— Не в любое, — вздохнул Санька. — Дальше нашего вперед не получается... А назад — сколько хочешь! Можно нарисовать на циферблате деления с миллионами лет, и пожалуйста — хоть к динозаврам!

— К кому?

— Да это я так... Потом объясню. А что за тайна?

Одиссей шепотом сказал:

— Я теперь нарушитель законов и заговорщик...

Оказалось, что Одиссей взялся помогать рабам (не прошли зря Санькины разговоры!). У соседа, богатого винодела, есть среди рабов целая семья: отец, мать, двое дочерей и сын — ровесник Одиссея. Зовут его Филипп. Они с Одиссеем тайные приятели. Тайные, потому что свободному мальчику дружить с презренным рабом не полагается. Не то

чтобы закон это специально запрещал, но все смотрят на такую дружбу косо, и дома за это может крепко влететь... Но Одиссею Филипп всегда нравился, он веселый, добрый и сообразительный. Гораздо умнее многих ребят, с которыми Одиссей учится в школе. Одиссей часто играл с ним, когда поблизости не было непрошеных глаз и ушей. Он даже научил Филиппа грамоте...

До недавнего времени Филиппу и его родным жилось не так уж плохо. Они были у винодела, можно сказать, любимцами. Мать ведала в доме кухней, отец был старшим над другими рабами. Ребятишек непосильной работой не загружали и за мелкие шалости не наказывали.

Но недавно случилась беда. Из Греции (чуть ли не из самих Афин) прибыла в херсонесский театр актерская труппа. На гастроли. И ее хозяину приглянулся ловкий и грамотный Филипп. Хозяин решил, что такой мальчишка будет очень полезен для театра. Он предложил виноделу за Филиппа порядочную сумму.

Мать зарыдала, сестры тоже, отец кинулся умолять винодела. Тот любил строить из себя добряка и сперва отказался продать Филиппа. Но хозяин театра добавил еще денег. И винодел сказал:

— Нечего лить слезы. Здесь мальчишка растет баловнем и бездельником, а там научится уму-разуму...

Больше никакие мольбы не помогли. Отца и мать Филиппа винодел отправил в загородную усадьбу. А его самого посадил под замок в сторожку: чтобы мальчишка не вздумал удрать куда-нибудь.

Удрать из сторожки — дело нехитрое. Но куда потом деваться? Податься в степь и сделаться пленником у скифов? Или пробраться на корабль, плывущий в дальние страны? Там все равно продадут в рабство. И отца с матерью жалко и девчонок...

Одиссей сказал Саньке:

— Вот я и подумал: давай твоей машиной отвезем их в самые старые времена, когда здесь еще не было греков, а жили одни свободные тавры...

— А тавры их не захватят в рабство?

Одиссей нерешительно сказал:

— Да нет... У них, по-моему, не было рабов, они же еще не очень развитые... Отец Филиппа будет учить их всякому ремеслу. Потом всей семьей построят дом, заведут виноградники, станут жить свободно...

— Давай! — решительно сказал Санька.

Они с Одиссеем договорились встречаться только на берегу моря. Ни в Одиссеевом времени, ни в Санькином, а просто у моря. Потому что море, оно во все времена. Вечное.

Надо было подготовить побег. Одиссей сказал, что проберется в загородную усадьбу винодела и приведет оттуда отца и мать Филиппа. Затем освободит самого Филиппа и прихватит его сестренок. А потом на берегу они с Санькой включат машину. Примерно на пять тысяч лет назад...

Только надо все продумать. Выбрать подходящий день, приготовить в дорогу кое-какое имущество, еду, инструменты. А то в первые дни среди голой степи беглецам придется несладко.

— Давай встречаться в маленькой бухточке, где... ну, ты знаешь, — предложил Санька.

Бухточка была даже не бухточка, а закуток среди желтых скал. Недалеко от галечного пляжа под колоколом. Это углубление в обрывистом, слоистом берегу выломали зимние штормы. Попасть в этот затененный, пахнущий водорослями и сырым ракушечником уголок можно было только в обход отвесного мыса, по скользким, покрытым зеленью камням. Камни даже в тихую погоду заливало мелкой прозрачной зыбью. А если волна, лучше и не соваться.

С обрывистого берега не вело ни лесенки, ни тропинки, и на спуск могли решиться только отчаянные люди.

К счастью, погода в начале августа стояла тихая. Санька пробирался по камням без больших трудов. С последнего плоского камня он прыгал на берег и шагал, увязая мокрыми кедами в грудах бурых водорослей, которые накидало волнами. По водорослям сотнями скакали прозрачные морские блохи...

В желтой, источенной морем и ветрами глыбе, на уровне поднятой руки у Саньки и Одиссея был «почтовый ящик». Аккуратное такое углубление — как потайная полочка. Одиссей на встречи теперь не приходил, но оставлял для Саньки письма. Вернее, не письма, а условные знаки — гладкие каменные голыши. Если темный голыш, значит: «Надо быть осторожными, за мной следят». Если белый, мраморный, значит: «Дело идет на лад».

Конечно, Санька сам подкладывал голыши, но потом, когда снова пробирался в бухточку, почти забывал об этом. Забывал, что игра. И сердце стукало, когда он запускал руку в тайник...

...Он, прижимаясь грудью к прохладному ракушечнику, встал на цыпочки и сунул в «почтовый ящик» пальцы. Сейчас они нащупают мраморный окатыш. Надо будет кинуть его в море, потому что считается, что этого камня с Санькиным письмом здесь уже нет, его взял Одиссей и прочитал нацарапанные грифелем строчки: «Машина времени готова. Скоро вы соберетесь или нет? Положи столько черных камешков, сколько дней осталось до побега».

Три темные гальки лежали у Саньки в кармане. Сейчас он положит их в тайник, а завтра, волнуясь по-настоящему, найдет здесь этот ответ Одиссея.

Надо только выкинуть голыш с письмом... Где он?

Санька зашевелил пальцами в каменном углублении. Круглого большого голыша не было. Зато нащупал он два камешка.

Санька растерянно взял их на ладонь.

Это были гальки. Темно-серые, с белыми прожилками. Такие же, как в Санькином кармане.

Значит, Одиссей прочитал письмо и уже принес ответ? Сам?

Какой Одиссей? Опомнись, Санька...

Но ведь кто-то же выследил, разгадал Санькину тайну, влез в их с Одиссеем дела! Кто?

И зачем? Чтобы посмеяться?

«А может, он ничего плохого не хочет?» — подумал Санька.

Да, в самом деле. Не у всех же дразнилки на уме. Может, кто-то случайно нашел Санькино письмо и тоже решил поиграть...

Санька нашарил в кармане карандашный грифелек. Поднял гладкий черепок старинной посудины, вытер о рубашку. Почему-то застеснялся и почти через силу написал на черепке:

«Ты кто?»

Он оставил свой вопрос (и свое удивление, и непонятное смущение) в тайнике, выбрался из бухточки, а потом несколько раз в течение дня пробирался к ней поверху и следил: не появится ли таинственный человек?

Никого не было.

— Фаня, тавай кхать,— сказал Тарасик. Это означало: «Саня, давай играть». Санька послушно опустился на четвереньки. Тарасик признавал только такую игру: когда он — всадник, а Санька — конь. При небольшой скорости Тарасик сохранял важность, но начинал испуганно и радостно верещать, когда Санька переходил на рысь. Люся покрикивала на них по привычке и сама смеялась.

А Гриша снова был на учениях...

Наконец Санька ощутил спиной подозрительную влажность.

— Люся, у него опять штаны мокрые!

— Стыд какой! — Люся сдернула «всадника».— Большой парень уже... Как теперь Саня домой пойдет?

— Ладно, высохнет,— сказал Санька.

— А может, у нас переночуешь? — предложила Люся.

— Пойду,— вздохнул Санька.

— Послушай, а чего ты... какой-то не такой сегодня?

— Нет, я такой,— поспешно отозвался Санька.— Я все в порядке.

А на самом деле в нем сидело ощущение тайны и тревожного праздника. Ожидание необычного знакомства. Играл Санька с Тарасиком, разговаривал с Люсей, потом ехал домой в троллейбусе, потом вечером книжку читал про полет на ужасно далекую звезду, а это ожидание не проходило. И неотступно вертелась мысль: «Кто он? Кто он?» Санька был уверен, что завтра получит ответ.

...И он ужасно огорчился и даже растерялся, когда пальцы его нащупали в тайнике глиняный черепок. Тот самый.

Санька несколько раз перечитал на черепке свой собственный вопрос: «Кто ты?» Потом поник плечами, потерянно сел на камень, а черепок отбросил. Тот перевернулся. И тогда-то Санька увидел на обратной стороне аккуратные черные буковки:

«Я твой друг. Приходи сюда завтра в полдень».

...И еще сутки звенело в Саньке радостное нетерпение.

Тайна звенела и ожидание праздника. «Я твой друг...» Может, и в самом деле друг? Не такой, как Одиссей, а... ну, в общем, нынешний, постоянный, не из древних времен.

Конечно, с одноклассниками и с приятелями из соседних домов Саньке хорошо. Но... если по правде говорить, не очень-то они горевали, когда Санька уехал в Стрелецк. Вернулся — обрадовались, а пока его не было, наверно, и не вспоминали. Или так вспоминали, между прочим... Ребята, конечно, не виноваты, такая уж человеческая жизнь. Но насколько жизнь была бы лучше, если бы с кем-нибудь подружиться накрепко и на веки вечные...

Санька трогал в кармане выпуклый черепок и тихонько говорил:

— Ладно, я приду...

Он пришел, а море закапризничало. Почему-то не хотело пустить Саньку на встречу с незнакомым другом.

Нет, оно не хмурилось, не штормило, день стоял безоблачный, синий. Но шла на берег ленивая волна, по пляжам вытягивались пенные языки, гальку слегка перемывало, зеленая вода перекатывалась через камни, и у них вскипали гребешки. Этого было достаточно, чтобы сделать бухточку с тайником недоступной.

Но как это недоступной? Зря, что ли, Санька шел? А если друг уже добрался туда и ждет?

Санька промчался над обрывом и заглянул в бухточку сверху. Там было пусто. Но друг придет и увидит, что Саньки нет. Тогда что?

А может, в тайнике лежит для Саньки новое письмо?

Санька просто заметался. Спуститься с обрыва? Ну... Санька же не альпинист. И хотя бы веревка была... А может, все-таки пробраться по камням?

Санька по бетонной лесенке сбежал на пустой пляж под колоколом. Ярко-желтый от солнца мыс — неровный, с обглоданными горизонтальными пластами — закрывал от Саньки *его* бухточку. Камни тянулись вдоль этого скалистого выступа, и весь путь по ним был метров пятьдесят. Волны то откатывались, то накрывали камни будто полуметровым слоем стекла. И тогда у обрыва взлетали брызги.

Но были моменты, когда море делало передышку. Волны становились слабенькими и словно приглашали Саньку: «А ну, рискни».

И, конечно, он рискнул. Просто ничего другого не оставалось. Переждал Санька очередной накат крупных волн и прыгнул на первый камень. На второй, на третий...

Залило кеды, но это ерунда. Наверно, он проскочит. Скользя, балансируя, хватаясь за ребра скалы, Санька шагал и прыгал по облепленным зеленью плитам и верхушкам камней. Над ним нависали козырьки обрыва. Берег был в тени, и от него больше, чем от моря, несло соленой сыростью.

Море перехитрило Саньку. Сперва оно только слегка пугало его, заливало ноги по щиколотку, но вдруг подкатило плоскую, без гребня, волну, и вода сразу оказалась выше колен. Она толкнула Санькины ноги к берегу, потом отступила и сильно потянула их за собой. Хорошо, что Санька стоял на плоском шероховатом камне. Он замахал руками, вцепился в щель на скале и удержался. Но тут же поднялась другая волна — Саньке по пояс. Она мягко, но властно качнула Саньку к обрыву, и он трахнулся плечом и головой. Но снова успел вцепиться. Однако это не помогло. Уходя, волна рванула Санькины ноги за собой, он не удержался. Вода поволокла его от берега. Он упал на спину и застрял в камнях.

Волна откатилась. Тело сразу отяжелело и застонало от ссадин и ушибов. Но Санька вскочил и рванулся вперед. Сейчас уже было не до игрушек, речь шла о его, Санькином, спасении.

А море шутило с мальчишкой опасные шутки. Такое ласковое, синее вдали, оно подогнало к берегу волну выше прежних. Волна эта играючи сняла Саньку с камня, приподняла и ударила о скалистую стенку со слепой, нерассчитанной силой. Рядом крыльями взметнулись брызги. А волна с насмешливой легкостью отнесла обалдевшего Саньку от скалы метров на пять. На глубину.

И он понял, что теперь надо только одно: подальше от берега! Если его еще раз так грохнет, руки-ноги переломает!

Санька замолотил руками, рванулся от обрыва, нырнул под новый накатившийся гребень. Этот водяной вал опять поднес его к обрыву, но Санька оттолкнулся от скалы ступнями и, забыв про боль от ушибов, поплыл вразмашку. Скорее, скорее!

Следующая волна то ли пожалела его, то ли была послабее. А может, он, и правда, успел отплыть далеко. В общем, о скалу его больше не било. Но Санька махал руками, пока не выдохся.

Наконец он остановился. Очередной гребень приподнял Саньку, он оглянулся. Можно было возвращаться. Надо взять чуть левее, и волны са-



ми выкатят его на пляжик в их с Одиссеем бухточке.

Санька отдышался, отплевываясь от горькой воды, и метров двадцать неторопливо плыл вдоль берега. Берег был совсем недалеко, но волны теперь не толкали к нему Саньку. Они лишь покачивали мальчишку, который перехитрил их.

Санька повернул к бухточке. Он по-прежнему плыл не торопясь. Волны сами должны были помочь ему. Они сделались ласковыми и послушными, теплые такие, мягкие. Правда, при этой тихой мягкости и ласковости начали болеть отбитые места и царапины. Однако Санька знал: это пройдет. Вот выберется он на берег, потрет синяки и шишки, разомнет стукнутое плечо... Сейчас...

Но берег не делался ближе.

Совсем недалеко был берег, но... он нисколечко не приближался! А может быть, даже отодвигался потихоньку.

Когда Санька понял это, он сперва просто удивился. Но почти сразу чуть не захлебнулся от удара страхом. Он вспомнил разговоры о коварстве прибрежной волны, которая вроде бы толкает к земле, а на самом деле потихоньку относит пловца в море.

Санька не был умелым пловцом. Конечно, он еще в дошкольном давнем детстве научился не бояться воды, нырять с открытыми глазами, плавать вразмашку и брассом, качаться на волнах, но он никогда не заплывал далеко. Сколько он сейчас продержится? Сразу Санька почувствовал, какие тяжелые кеды, как мешает рубашка... Что же будет?

«Ну-ка, без паники!» — велел себе Санька. Перевернулся на спину, чтобы отдохнуть. Но тут же небольшой, почти шутливый гребешок плеснул ему в глаза и в рот. Санька закашлялся, ушел под волну. Его перепуганное сердце забухало с такой силой, что под водой он услышал будто гулкие удары молотка. Рванулся вверх.

Да что это?! Так глупо, ни за что, потонуть рядом с берегом? В такой солнечный день, когда так все хорошо кругом? Вон яхта бежит под цветным пузатым спинакером, вон в ста метрах резвятся у камней аквалангисты, вон туристы и всякие купальщики-загоральщики рядом с колоннами базилики...

Крикнуть? Стыдно... Да и не услышат за волнами.

Тогда он пружиной расправил тело, бросил его вперед, отчаянно заработал руками и ногами. Еще, еще, еще! Изо всех сил!

И волны словно поняли, что их коварство не удалось. А может, они просто шутили, и теперь им стало неловко. Они принялись помогать Саньке. И скоро шумливый гребень выкатил его, измученного и побитого, на мокрую гальку.

Ух, как болели руки, плечи, лоб! И сердце все еще бухало. Но страха уже не было, осталась от него только противная слабость. Санька, постанывая, встал. Оглянулся. Он был здесь один. А ведь наверняка уже есть двенадцать часов.

Боль сразу притупилась, стала неглавной. Главной сделалась тревога: значит, *он* не пришел!

А может быть, есть письмо?

Санька дотянулся до тайника. Нащупал круглый камень размером со свою ладонь. Выхватил его.

Это был кусок сахарно-белого мрамора. Когда-то он откололся от статуи или колонны, а за тысячи лет волны превратили его в отполированный кругляш. Тонким черным фломастером, печатными буквами на кругляше было написано:

«Приходи ко мне! Мой адрес...»

Санька озадаченно смотрел на черные строчки. Улица в этом адресе была знакомая. Она лежала неподалеку, в двух кварталах от Люсиного дома. Номер квартиры — большой. Значит, незнакомец живет в новых корпусах. Санька отчетливо представил многоэтажные громады, и эта привычная картина разбила тайну. Санька растерянно и устало опустил руки (они сразу заболели).

А чего он, собственно, ждал? Не Одиссея же в конце концов! Да, но и не такой скучной записки... Он думал, что незнакомец придет сам. Конечно, это будет мальчишка, взрослые такими тайнами не занимаются. Мальчишка будет, наверно, молчаливый, серьезный. Санька, не промолвив ни слова, покажет ему черепок с прежним письмом: «Ты кто?» «Я твой друг...» Тогда мальчишка чуть-чуть улыбнется, и Санька улыбнется. И это будет как пароль...

А вместо этого адрес.

Не пойдет Санька. Если бы тот мальчишка хотел, он пришел бы сюда сам. Наверно, кто-то решил просто посмеяться, поводить Саньку за нос. Позвонит Санька перед незнакомой дверью, а там свирепая старуха: «Опять за макулатурой! Осточертели, окаянные!» Или какая-нибудь девчонка в бантиках: «Мальчик, вам кого?»

И все же Санька не бросил камень. Он сунул его в мокрый карман. Поежился. Здесь была влажная тень, одежда зябко липла к коже. Волна пенистыми языками подползла к ногам и заставила отступить. Эта волна будто напоминала: «Если море раскачается посильнее, здесь будет опасно».

И только теперь Санька подумал: а как выбраться?

Плыть обратно он ни за что не решится. А наверх забраться можно только до середины. Дальше — отвес и каменный козырек. Санька досадливо сощурился.

И тогда... из-за кромки выдвинулась голова в странной шляпе и узкие плечи. Они казались черными на солнечном небе.

## Санькин ответ

Санька распахнул глаза. Силуэт шевельнулся.

— Эй,— долетел сверху мальчишечий голос. — Ты уже здесь?

— Да! — радостно сказал Санька.— Да, это я!

Он тут же забыл свою досаду. К нему вернулось ожидание праздника. Потому что незнакомый друг пришел!

— Я сейчас брошу веревку с узлами! — крикнул мальчишка. — По ней легко забраться! Сможешь?

— Да! — опять сказал Санька с нетерпеливой радостью. — Да!

Белый капроновый трос упал к Саньке. Он был толщиной в палец, с частыми крупными узлами.

— Я его здесь крепко привязал, не бойся,— говорил наверху мальчишка в шляпе. — Он не сорвется.

Санька не боялся. Конечно, его новый друг привязал веревку намертво. Конечно, все будет отлично!

Хватаясь за узловатый трос, как за поручень трапа, Санька по каменным выступам за полминуты вскарабкался до половины высоты. Потом полез по самой веревке. Да чего тут лезть-то? Будто по лесенке! Узлы — как ступеньки... Ну, крутнулся разок, ну, стукнулся локтем о скалистую стенку. Подумаешь! Вот и вверху... Мальчишка схватил Саньку за руку, за рубашку, потянул... И вот они

рядом! Сидят они в траве и смеются. Санька смеется, и...

И Димка Турчаков смеется.

У Саньки опять заболели все синяки и ссадины. И кости заломило. Как только он узнал Димку. А узнал не сразу. Из-за шляпы. Вернее, это была не шляпа, а шлем, какой носят на юге солдаты.

— Шпион,— сказал Санька. Это первое, что он сказал. И подумал: «Только бы не разреветься». Стало до жути обидно и тоскливо. Словно украли у Саньки все, что было хорошего.

Морщась от боли, Санька встал. Димка тоже поднялся — неловко и торопливо. Он был в зеленой рубашке, в брюках защитного цвета. «Вырядился под пограничника, а на самом деле...» — подумал Санька. И опять сказал:

— Шпион...

— Почему? — тихо спросил Димка.

Надо же, он еще спрашивал! Выследил Саньку, влез в его тайну, подложил обманное письмо, а теперь...

— Потому что ты такой...— сказал Санька и глотком загнал злые слезы поглубже.— Потому что ты...

Димка сощурил глаза — то ли обиженно, то ли сердито,— но вдруг опустил голову и проговорил совсем шепотом:

— Какой?

Санька вынул из кармана мраморный голыш с размазанными от сырости буквами и презрительно спросил:

— Это ты писал?

Димка не заметил презрительности. Он, кажется, обрадовался.

— Да! Я подумал, что вдруг мы здесь не встретимся, тогда ты ко мне придешь.

«Чтобы ты опять поиздевался»,— подумал Санька. Но отозвался почти спокойно:

— Зачем?

Димка глянул исподлобья. Сказал с запинкой:

— Ну, я думал... может, ты уже не злишься... на меня.

Санька помолчал. Димка был другой какой-то, не тот, что в классе. Но все равно он был враг Турчаков.

Медленно и обстоятельно Санька разъяснил:

— Я, Турчаков, и не злился на тебя после того, как из вашей школы ушел. Я тебя даже и не вспоминал... Я про хорошее вспоминать люблю, а про таких, как ты, зачем?

Димка пнул камешек и сказал вполголоса:

— Ну и ладно...

То, что он не злился в ответ, еще больше раздосадовало Саньку.

— Я бы тебя вообще никогда не вспомнил,— добавил Санька тихо и непримиримо,— если бы ты не занялся шпионством.

— Да это не шпионство! Просто я играл! Ты играл, и я тоже...

— А я тебя в свою игру звал?!

— Не звал... — вздохнул Димка. Сжал губы и стал смотреть в сторону. — Я думал, нам обоим интересно будет. Я же не для того следил за тобой, чтобы навредить. Я наоборот...

— Ага,— невесело усмехнулся Санька. — Ты всегда мне делал «наоборот».

— Я не виноват, что так получалось...

— А кто виноват? Я?

— Да нет... я, конечно,— выдавил Димка. — Только я не нарочно.

Санька молчал. Боль в руках и ногах опять приутихла, одежда стремительно высыхала под полуденным солнцем. Санька с каждой минутой делался тверже и спокойнее. Он был сейчас сильнее странного, смущенного Турчакова. В душе сильнее. Димка встретился с ним глазами, опять отвернулся и сбивчиво объяснил:

— У меня характер такой... Я в том году сперва даже обрадовался, когда нас за одну парту посадили, а потом как-то стало получаться, что тебе назло...

Санька презрительно сказал:

— Как в первом классе...

Димка вопросительно поднял глаза. Санька объяснил:

— Я в какой-то книжке читал, что у первоклассников, если девчонка мальчишке нравится, он ее толкает и за косы дергает... Только я же не девчонка, и мы не в первом классе... И вообще это вранье. Зачем человеку вредить, если ты к нему по-хорошему?

Но Димка упрямо сказал:

— Я не хотел ссориться. Это само...

— Это не само. Тебе хотелось перед ребятами повыхваляться. Показать, какой ты ловкий и остроумный. Других нельзя было задевать, они там все свои, а меня можно. Да?

— Я же потом не стал...

— Ага. После драки.

— Да не в драке дело. Если бы я хотел, я бы сразу тебя свалил. Ты же после болезни был...

— Ах, какой благородный Дима Турчаков! — усмехнулся Санька.

— Нет, я не благородный... А ты тоже...

— Что я? — окрысился Санька. — Я кого-нибудь задевал?

— Я же не про это говорю... Просто ты не понимаешь. Если бы ты не ушел из класса, все теперь было бы хорошо.

— А мне и так хорошо,— совершенно искренне сказал Санька. — Мне сейчас в сто раз лучше, чем тогда.

— Тебе-то, конечно... А ребята жалели, что ты уехал.

— Ну и врешь же ты, Турчаков! — изумился Санька.

— Не вру,— вздохнул он.

— Жалели, что дразнить некого.



— Да ты вспомни! Тебя потом никто уже и не дразнил!

— Это было «потом»,— грустно проговорил Санька.— И хорошо, что все кончилось. Я теперь мимо вашей школы и близко не хожу.

— Ну и не ходи,— покладисто сказал Димка.

— Ну и не хожу! У нас, знаешь, какой класс! Попал бы ты к нам...

— Это же все равно,— вполголоса произнес Димка. Он опять смотрел куда-то мимо Саньки, быстро облизывал губы, и лицо у него было непонятное.— Это же совсем все равно...

— Что все равно?— с сердитым непониманием сказал Санька.

— Ну... если люди подружатся, это же неважно, что они в разных школах.

— Так это же если подружатся,— тихо, но неумолимо сказал Санька.

И отвернулся. И пошел.

Обиднее всего было, что нахальный этот Димка пролез в их с Одиссеем тайные дела, узнал про «почтовый ящик» и теперь может хихикать и разбалтывать чужие секреты.

Нет, не будет он разбалтывать — Санька это понимал. Во-первых, Димка ничего, конечно, в Санькиных и Одиссеевых секретах не понял. Во-вторых... Санька чувствовал спиной Димкин взгляд, и во взгляде этом не было ни угрозы, ни вражды. Печаль только была. А может быть, и слезы были... Ну что же, поплачь, Димочка, твоя очередь.

Санька шел по краю обрыва все быстрее, словно старался оторваться от Димкиного взгляда. Потом рассердился: что он, убегает, что ли, от Турчакова? Остановился и вдруг заметил, что все еще сжимает в пальцах камень с Димкиным адресом. Санька покачал круглый камень в ладони, перечитал зачем-то полуразмытые строчки и швырнул мраморный окатыш в море.

После встречи с Димкой играть в Херсонесе Саньке уже не очень хотелось. Но свое дело с Одиссеем они довели до конца: быстро и без всяких затруднений отправили мальчика Филиппа и его семью в глубокое прошлое, к свободным таврам. А потом Одиссей ушел в далекое плавание с отцом: надо было приучаться к будущей моряцкой работе.

А Санька понемногу начал готовиться к школе и привыкать к мысли, что каникулы кончаются.

...Но до школы случилось еще одно важное событие. В море.

## Шквал

Санька уже несколько раз выходил с отцом в море. На яхте «Кодор». Конечно, не только с отцом, а с экипажем в пять-шесть человек. Яхта была большая — с кубриком, камбузом и машинным отделением. В слабый ветер она двигалась медленно, а когда закипали барашки, бежала резво, с креном и бурунами у форштевня.

В крепкий ветер Санька не попадал ни разу (это лишь мама любой ветерок считала сильным). В тот августовский выходной дуло тоже так себе. Правда, по клубному радио пообещали, что во второй половине дня ожидается усиление ветра, но «добро» на выход дали. Никто в усиление ветра особенно не верил. Такие предупреждения делались и раньше — видимо, на всякий случай.

Но, когда возвращались от устья Качи и уже прошли Учкуевку, засвежело неожиданно и крепко. При ясном небе! Яхта резко легла на левый борт, у носа вздулись пенные усы.

— Грот потравите, черти! — громко сказал капитан дядя Сережа. Тонко запели блоки гика-шкота.

Санька стоял на подветренном борту. Он вдруг увидел, что зеленая вода приблизилась вплотную и мчится у самых его ног. Потом яхту подняло на гребень и опустило снова. Санька вцепился в стальную трубку релинга.

— Петрович, обряди-ка юнгу в жилет,— вроде бы шутя сказал дядя Сережа.— Смоет самого главного человека, и будет некомплект...

У Саньки захолодело под желудком, и он без споров дал отцу застегнуть на себе надувной жилет.

— Иди-ка на тот борт,— сказал папа.

Санька на четвереньках, через рубку, выбрался к противоположному борту. Яхта взлетела и пошла вниз опять. Ее и раньше качало, но не так. И не было тогда летучей пены, которая теперь шмякнула Саньке в лицо. Санька вцепился в поручень.

Ничего особо страшного не случилось. Никакое крушение, конечно, не грозило. Просто Санька впервые ощутил, какое оно всемогущее, море, и как шутя кидает яхту в ладонях. Такую большую, тяжелую, которая совсем недавно казалась надежной, как линкор.

Ветер нарастал, негромко и басовито запели ванты и штаги.

«А крен-то...» — подумал Санька.

В двух кабельтовых с таким же креном летел «Орион» с громадными треугольниками парусов...

Они были на траверзе Константиновского равелина, когда Санька услышал дяди Сережину команду:

— К повороту фордевинд...

Один из матросов сказал что-то неразборчивое.

— Людей-то смешить... Повернем,— ответил дядя Сережа.

Рядом с Санькой остановились двое: отец и молоденький студент Миша. Отец взял Саньку за жилет. Яхта вдруг круто пошла влево. Стальное бревно гика по размашистому полукругу пронеслось над головами и грянуло по вантам правого борта.

— Вы что, спите! Почему не одержали?! — отчаянно заорал дядя Сережа.— К медузам захотели?

Яхта вздрогнула и загудела, как громадная гитара. Правый борт стремительно клонился к воде, и она залила палубу, Санькины ноги. И было ясно, что этот неудержимый крен будет нарастать и «Кодор» уйдет в воду совсем. Сейчас!

Санька вцепился в отца и завопил:

— Папа!!

— Ты что?! — крикнул отец.

Яхта медленно выпрямлялась.

Дядя Сережа сказал от штурвала:

— Петрович, наветренный стаксель-шкот потрави. Кроме тебя, тут все салаги.

«Салаги» нерешительно хихикали. Отец оттолкнул Саньку к Мише и шагнул к лебедке стаксель-шкота.

«Кодор» полным курсом мчался к проходу в портовых бонах. Он звенел от ветра. Но это был уже неопасный звон. Санька рванулся из Мишиных рук и, коченея от стыда, замер у релинга...

Потом, когда ошвартовались у бочки под защитой Александровского мыса, Санька помогал убирать паруса, сматывал шкоты, но никому в глаза не глядел. Только в палубу глядел.

Папа сказал:

— Ну, хватит уж переживать.








ТЫ КТО?


ПРИХОДИ
КО МНЕ
МОЙ АДРЕС

Дядя Сережа спросил:
— Что закручинился, гардемарин?
Санька краснел и сопел.
— Перепугался маленько, а теперь страдает,— сказал папа.
— Ну и что за беда? — усмехнулся дядя Сережа. — Я и сам перепугался. Думал, мачта полетит.
Со стыдом и беспощадностью к себе Санька проговорил:
— Вы думали, мачта, а я думал, что потонем.
— Вот беда-то! — возразил дядя Сережа. — Спроси отца, сколько раз каждый моряк думал, что потонет. С каждым случается.
— Но любой не орет, как я,— добивая себя за трусость, сказал Санька.
— А разве ты орал? — удивился дядя Сережа. — Петрович, он разве кричал что-то?
— Я не слыхал,— сказал папа.
— Саня, это ты, наверно, мысленно крикнул. — Дядя Сережа похлопал его по плечу. — Это ничего, бывает...
Но Санька себя казнил до конца:
— «Мысленно!» На все Черное море...
— Ты вот что скажи...— Дядя Сережа стал серьезным.— Ты так испугался, что больше не пойдешь с нами? Или пойдешь?
Санька с надеждой глянул в бородатое лицо капитана:
— А возьмете?
Дядя Сережа и отец засмеялись.
Санька повздыхал и тоже улыбнулся.
Но вечером, уже в постели, он думал: «Это даже и не шторм, а так, шквал небольшой... А как же было там, на «Везуле»?»

## Девятый бастион

Ночью разгулялся ветер. Утро было без дождя, теплое, но облачное. Ветер градом сыпал на асфальт созревшие каштаны, срывал с акаций мелкую чешую листьев, а большие подсохшие листья платанов (похожие на игрушечные дельтопланы) кружил над мостовыми и чиркал ими по скользким крышам разноцветных машин. Облака были быстрые и неплотные, мелькало чистое небо.
С причала у Графской пристани я поехал на катере на Северную сторону. Там надо было встретиться с ребятами в одном школьном музее. Катер сильно болтало, а за грядой волнолома вздымались взрывы прибоя. К Константиновскому равелину неслись из открытого моря белогривые табуны громадных волн.
Я подумал, что, если шторм еще поднажмет, рейд, чего доброго, закроют. Добирайся тогда в центр города вокруг бухты.
Эта беспокойная мысль царапала меня все время, пока шел разговор в музее. И к причалу на Северной я возвращался с тревогой. К счастью, катера ходили. Но болтало их так, что было даже удивительно: почему рейд все еще открыт? Палубу захлестывало, немногочисленные пассажиры укрывались в салоне...
В гостинице пожилая добродушная дежурная сказала мне:
— К вам тут мальчики приходили. Цветы принесли да еще что-то... Я вам в номер унесла.
В номере в бутылке из-под кефира стояли три пунцовых георгина — каждый размером чуть не с арбуз. А рядом лежали несколько раковин-рапан. Одна — очень большая, с кулак. Оранжевая внутренность рапаны еще пахла морем, там был мокрый песок.
Раковины я вымыл под краном. В двух оказались глубоко спрятавшиеся моллюски. Я пожалел живых тварей и решил потом выкинуть эти две раковины в море.
В дверь постучали.
— Вот они, гости-то, опять припрыгали,— сказала дежурная.
Смущенно посапывая и улыбаясь, в дверь проникли Санька и Юрос. Разом сказали «здрасте».
Я обрадовался и удивился. Удивился, что они вместе. При первой встрече мне показалось, что Юрос глядел на Саньку с ревнивой подозрительностью. И я знал, что прежде они были едва-едва знакомы.
Может, и сейчас Юрос увязался за Сандаликом из ревности? Или из принципа: почему, мол, этот идет, а мне нельзя?
Но нет, они смотрели друг на друга по-хорошему. А на меня весело, но капельку виновато: все-таки непрошеные гости.
— По берегу шастали? — спросил я.
Мятые длинные брючины Юроса снизу промокли. Санькины кеды и носки тоже сырые, а на поцарапанных ногах нитки водорослей.
— Ага,— выдохнули Санька и Юрос вместе. Юрос показал громадную крабью клешню.— Вот... Там за Хрусталкой много чего накидало волнами. И раковины, и это... Это тоже вам.
— Спасибо... Какая кусачая лапа!.. И за раковины спасибо, и за цветы... Где вы такие большущие георгины добыли? Их-то, наверно, не море выбросило?
— Не,— сказал Санька.— Это в школе...
— Сегодня сбор, ветераны придут,— разъяснил Юрос.— Там для них целые клумбы нанесли.
— Ничего себе,— хмыкнул я.— Значит, эти цветы... как бы это выразиться... не совсем для меня были предназначены?
— Мы же не стащили! — Они одинаково раскрыли честные глаза. Юрос объяснил:
— Мы попросили, потому что там все равно целый воз!
— Да, нам дали,— подтвердил Санька.
А я вдруг заметил, что они похожи. Совершенно разные — темноволосый, с глазами-углями, весь какой-то колючий чертенок Роська и светлоголовый, сероглазый, всегда немного смущенный Сандалик. Чем все-таки похожи? Может, одинаковостью интонаций, когда начинают говорить разом? Или уверенностью, и легкостью движений, и смелостью глаз (у Саньки, несмотря на его стеснительность) — тем, чем отличаются многие севастопольские мальчишки? Или еще какой-то, неуловимой пока, общностью?
Я усадил их на кровать и попросил дежурную принести чаю.
— А чего это вас, голубчики, понесло на берег? Уроки ведь...
Они наперебой рассказали, что уроки сегодня наполовину отменили, потому что сбор. И они пошли посмотреть, какой прибой. А на берегу свист, брызги, шум. У клуба яхты пляшут у причальных бочек, как черти в аду (это Юрос, конечно, сказал).
Они набрали раковин, прибежали сюда, меня не было, они отнесли домой портфели и снова сюда...
— Ой, а сколько времени? — подскочил Юрос.
Я показал часы.
— Через два часа сбор,— сказал Юрос.— Надо еще домой зайти, себя в парадный вид переделать...
— Я вас провожу.

Времени было достаточно, и мы зашагали не торопясь. По улице адмирала Октябрьского поднялись до площади Восставших и свернули на Шестую Бастионную. Но по ней напрямик не пошли, а начали петлять по старым переулкам.

Ветер трепал на мальчишках галстуки, ерошил и ставил торчком волосы. Это был озорной, не сердитый шторм. Проблески солнца летели по улицам, словно сорванные где-то желтые флаги.

В переулке Бутакова, что тянется между заборами из серого пористого камня, Санька поддал ногой обломок черепицы и задумчиво сказал:

— Тут все еще иногда ядра находят. И бомбы старинные...

— Не только старинные,— хмуро заметил Юрос. Он знал, что такие находки не шуточки. Санька тихо возразил:

— Не старинные — это понятно. А с Первой обороны сто тридцать лет прошло.

— Те старые бомбы тоже иногда взрываются,— заметил Юрос.— Если нечаянно уронить или стукнуть. А просто так не взрываются. У них взрывателей не было, а фитили...

— И пушки были гладкоствольные,— сказал Сандалик и быстро глянул на меня: помню ли прошлогодний разговор о Стрелецкой бухте, Тотлебене и залпах с французских судов? Я улыбнулся ему.

— А я в Андрюшкином сарае старую самоварную трубу нашел,— сказал Юрос.— Теперь, когда крепость построим, можно из нее главный калибр сделать.

— Что за крепость? — спросил я.

— Да мы за гаражами ее делаем, вроде бастиона. Такая игра будет, штурм. Одни нападают с мечами и щитами, а другие отбиваются. И бомбы из песка. Если они наш флажок собьют, значит, их победа. Если мы их всех повышибаем, тогда наша...

— Надо каски сделать,— вдруг сказал Санька.— А то я вчера целый вечер песок из волос вытряхивал.

— У Альки есть одна железная! — вспомнил Юрос.— Наша, военная. А в кладовке где-то пластмассовая была, папина, он в ней в порту работал... Тебе какую дать?

— Да хоть какую! — весело сказал Санька.

Они обменялись быстрым взглядом. И я снова подумал, что они похожи! У них одно на двоих дело, одинаковые мысли об этом деле, одинаковое понимание. Когда успели? Всего-то несколько дней назад завязался между ними первый узелок...

Может быть, случилось наконец-то, о чем мечтал Сандалик? Может, встретился ему непридуманный Одиссей? А Юрос теперь меньше будет печалиться о давнем друге Андрюшке, который уехал с родителями в далекий Мурманск? Хотя нет, новый друг старого не заменит. Но ведь может стать таким же настоящим!

Все-таки хорошо, что так получилось и есть у Сандалика и Юроса теперь общий бастион.

— Значит, Девятый бастион строите в этой линии...— сказал я.

Санька вскинул выгоревшие ресницы:

— Почему Девятый? Их же здесь раньше семь было. Восьмая батарея не считается, она уже для морской обороны...

— Семь — это те, что с номерами. А еще Корниловский, на Малаховом. Забыл?

— Ой...— Санька даже остановился и крепко треснул себя ладонью по лбу.— Вот голова дырявая! Самое-то главное...



— Значит, все же наш Девятый,— полувопросительно заметил Юрос. Он сказал «Девятый» уже как название, с большой буквы.

— Вы его не забудьте на карте отметить,— напомнил я Саньке.— Цела у тебя карта штабс-капитана Моткова-второго?

— Да ну его, этого Второго,— хмуро сказал Санька.— Там одна путаница... Нарисовано, будто французские траншеи даже за Артбухту продвинулись. И будто Восьмую батарею и Седьмой бастион французы захватили. А их там сроду не было. Наши сами все там взорвали, когда отошли на Северную... Французы только Курган заняли.

Видимо, вспомнив о Малаховом кургане, Санька подумал и о памятнике Корнилову. И о злополучных твердых знаках, которых не хватало в надписях, и о той старинной букве, которая «о» с палочкой поперек. По крайней мере я подумал именно об этом. И Санька мою мысль моментально учуял.

— Я уж про это скольким людям говорил,— тихо сказал он.

— Ну и что? — спросил я.

— Ну... по-всякому. Некоторые не понимают. Некоторые соглашаются. Один экскурсовод хотел даже в газету написать... А вы?

— Что я? — спросил я неловко.

— Говорили кому-нибудь?

— Да...

«Ну и что?» — глазами спросил Сандалик.

Я виновато вздохнул:

— Как-то странно. Вроде бы все считают, что старинная грамотность не так уж важна.

— А может, и правда? — глядя под ноги, спросил Сандалик.

— Н-не знаю,— сказал я.

— Нет, по-моему, надо, чтобы всегда было правильно,— вздохнул Сандалик.— Наверно, надо было, как я сперва хотел...

— А что ты хотел?

— Я думал: с кем-нибудь заберемся и краской исправим... Но я не знал, с кем. А одному не забраться...

— Давай! — молниеносно зажегся Юрос.

— Такие дела уже случались,— сказал я.— Не так уж давно. С баркентиной.

— С какой? — разом спросили Сандалик и Юрос.

— Ну, с «Кропоткиным». Из которого ресторан у Артбухты сделали... Когда его только открыли, в Севастополь как раз приехал один молодой поэт. Димой его звали... Купил он банку масляной краски и ранним утром во-от такими буквами написал на борту: «Севастопольцы! Зачем превращать корабли в кабаки?» Или что-то в этом роде.

— А дальше? — сказали Сандалик и Юрос опять вместе.

— А дальше была милиция, скандал. Выставили из города. Потом грандиозный штраф... Но не в скандале дело.

— Дело в том, что ресторан там по-прежнему шашлыками воняет,— с отвращением сказал Юрос.— Мы тогда хотели поиграть на палубе, а какой-то дядька как заорет...

— Самое обидное вот что,— сказал я и как бы увидел перед собой живого Диму — черного, худого, веселого, с непримиримыми и бесстрашными глазами (в детстве он был, наверно, похож на Юроса).— Получилось, будто он сделал вред городу. А на самом деле он любил Севастополь отчаянно.

По Катерной, где ветер толкал нас в спину, мы вышли опять на Шестую Бастионную и у маленькой оборонительной башни свернули налево, к лестнице Крепостного переулка.

— А все-таки правильно он написал,— вдруг сказал Санька.

Юрос встряхнул головой:

— Что?

— Там, на борту...

— А-а,— понимающе отозвался Юрос.

«Правильно,— подумал я, потому что в глубине души всегда верил в правоту таких яростных и бескорыстных поступков.— Но сам я не решился бы...»

Санька словно опять угадал мои мысли:

— Вы ведь сами про такую баркентину писали в своей книжке. Что нельзя так с кораблями поступать...

— Да. Но в книжке проще. Все можно свалить на ее героев: это, мол, не я, а они...

— А вы и про памятник напишите в книжке,— вроде бы шутя, но с настойчивой ноткой предложил Санька.

Я усмехнулся:

— Ладно. Вот буду про тебя писать, и тогда...

— А что про меня писать? — искренне испугался Сандалик.— Я же... обыкновенный.

— Я тоже обыкновенный,— сообщил Юрос.— А про меня есть рассказ. «Вечерние игры» называется, в «Пионере» печатали... Только там все перепутано.

— Во-первых, не все,— уязвленно произнес я.— Во-вторых, не перепутано, а творчески переработано. Рассказ — это тебе не заметка в стенгазете. В нем главное — художественный образ. А из тебя без переработки какой образ? Одна дурь да царапины...

— А в рассказе что? — выдал критическую мысль Юрос.— То же самое. Мама говорит, что надо было еще про двойку по математике написать.

— Еще не поздно...

— Поздно уже,— проницательно заметил Юрос.— Теперь у Сандалика очередь в это самое... в образ влезать.

Я пообещал Юросу, что сейчас надеру ему уши. Он захихикал, обормот. А Сандалик по-прежнему был серьезный. Видимо, он оставался мыслями на бастионах, потому что вдруг сказал мне:

— А я раньше думал, что вы про старину пишете, про Нахимова и Корнилова... Это когда мы еще не совсем познакомились.

— Нет,— вздохнул я.— Пытался только про фрегат «Везул», да и то не вышло.

— А про войну вы тоже не пишете? Ну, не про старинную, а про последнюю?

— Нет...— снова сказал я. Долго было бы объяснять, что последнюю войну помнит множество людей, которые могут рассказать о ней лучше меня. Они сами тогда воевали, а я был мальчишкой — меньше Саньки и Юроса. Когда книга пишется о жизни и смерти, рассказывать надо о том, что испытал сам.

«К тому же,— вдруг подумал я,— все, что было, это уже было. А когда я пишу о вас, я пишу о будущем...» Но, конечно, ничего такого я им не сказал. Это прозвучало бы трескуче и явно не к месту. «Будущее» с растрепанными ветром волосами шлепало рядом со мной просохшими кедами и сандалетами и хотело более простого разговора. Я объяснил слегка насупленно:

— Что поделаешь, кто-то должен писать и про ваш Девятый бастион.

— Конечно,— сказал Юрос, будто все само собой разумелось.

В это время мы вышли к верхней площадке лестницы. Лестница убегает вниз вдоль желтой стены с бойницами, которая осталась от Седьмого бастиона.

Здесь я всегда останавливаюсь хоть на полминуты. Видно отсюда полгорода, и красотища такая, что радость подкатывает и в то же время тоска: почему опять надо уезжать?

Облака с солнцем вперемешку неслись над большими домами и грудами деревьев, над мачтами судов и сигнальными вышками. И над куполом собора, где нашли последнюю гавань четыре знаменитых адмирала — те, кто до конца отдал себя флоту и этому городу. И может быть, не случайно собор казался похожим на вставший из-за края моря корабль...

Мальчишки смотрели туда же, куда и я. Сандалик почесал об острое плечо подбородок, быстро глянул на меня и спросил:

— А как вы думаете, если бы Корнилова и Нахимова не убили, наши отдали бы тогда Севастополь?

— Но его и не отдавали,— сказал я.

Санька удивленно вскинул белые ресницы.

— Ну, посуди сам,— начал я.— При последнем штурме наши отбили противника от всех укреплений, кроме Кургана... На Кургане уже ничего нельзя было сделать, брустверы начисто были срыты огнем... А почти вся линия обороны оставалась в наших руках. Просто было решено, что нет смысла удерживать ее, там ежедневно гибло от обстрела больше тысячи человек. Вот Горчаков и приказал отойти через наплавной мост с Южной стороны на Северную.

— Кто приказал? — сунулся Юрос.

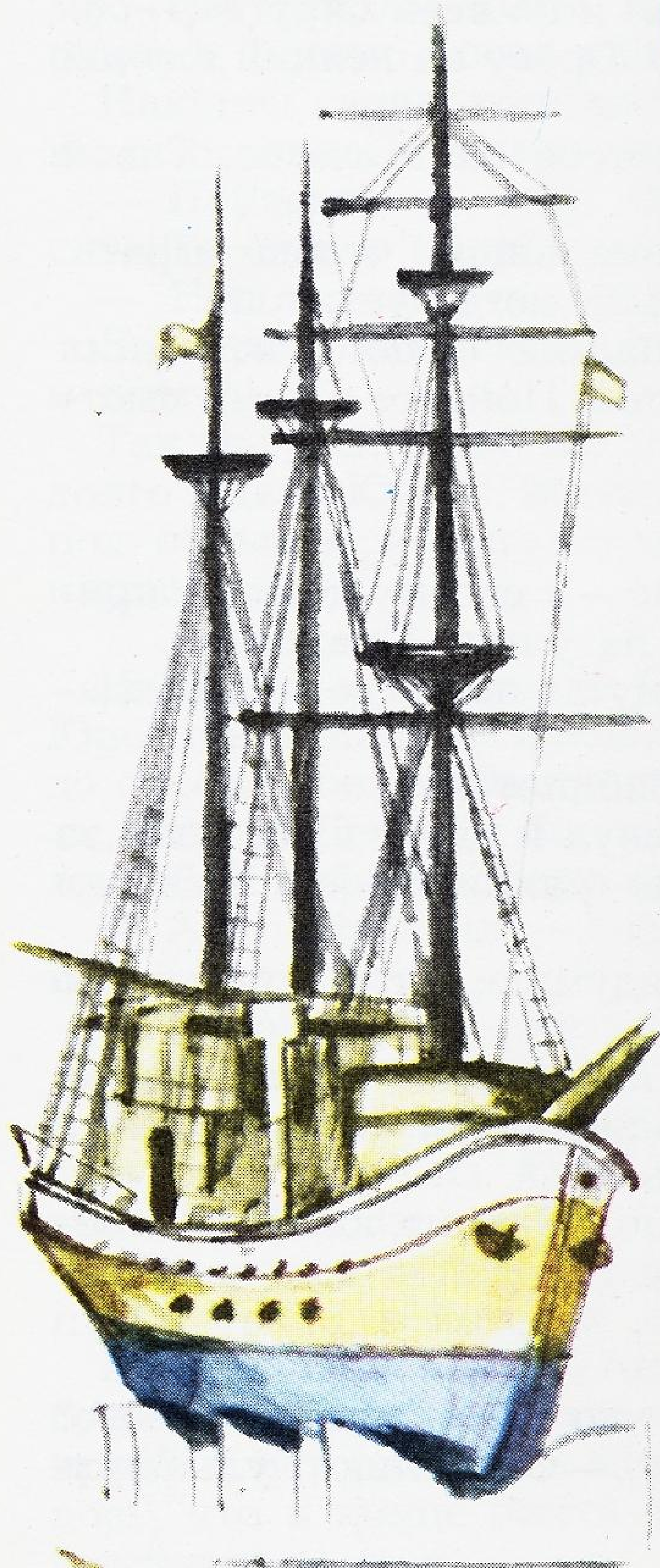
— Князь Горчаков. Главнокомандующий. Книжки надо читать, дорогой товарищ. И не только про шпионов и пиратов.

— Я просто не расслышал,— нахально заявил Юрос.

Я сказал:

— Северная сторона — это ведь тоже был город. А на Южной оставались одни развалины. Французы и англичане их и получили. Они считали, что взяли Севастополь! А о каком взятии города можно говорить, когда половина береговых фортов остава-







лась в наших руках? Враги не могли ввести в бухты ни одного судна. С северного берега на них смотрел сплошной фронт батарей, семьсот орудий...

— Сколько? — переспросил Юрос.

— Больше семи сотен.

— Это хорошо,— сказал Юрос и задумался.

А Сандалик посопел и с сожалением уточнил:

— Но все же Южная часть была в городе главная. Там были самые важные улицы и дома.

— Главное в любом городе — это люди,— возразил я.— Не дома, не улицы, а те, кто там живет. Город не раз бомбили, сжигали, разрушали, а люди оставались, и город — опять вот он... Пока людей не победили, нельзя сказать, что город сдан...

По лестнице взбежала стайка третьеклассников. Один из них — Владик Палочкин, сосед Вихревых,— помахал нам рукой и пульнул в Юроса из пластмассовой трубочки сухой ягодой. Юрос обрадованно погнался за ним, но вдруг остановился и вернулся задумчивый.

— Надо идти,— сказал Сандалик,— скоро сбор. Юрик, ты за мной зайдешь? Или я за тобой?

— Я за тобой,— быстро откликнулся Юрос. И глянул на меня: — А вы сейчас куда? К нам?

— Я здесь постою. Посмотрю... Вам-то хорошо, а мне уезжать.

— Когда? — одинаково огорчились Юрос и Сандалик.

— Послезавтра.

Юрос подскочил:

— А завтра пойдем с нами на яхте? Мы на «Фиоленте» пойдем, папа обещал!

— Если будет так дуть, ни одну яхту не выпустят...

Сандалик посмотрел на небо.

— Не будет,— решил он. И правда, ветер сделался послабее, а чистого неба становилось все больше.

— Стихает,— сказал Юрос.— А недавно еще так свистело. На берегу такой грохот...

Санька улыбнулся:

— Мы еле-еле пушку услыхали, когда она в двенадцать часов на равелине бухнула.

Юрос поглядел на нас по очереди и довольно сказал:

— Понял! Меня Владька своей трубкой надоумил! Нужен пылесос!

— Зачем? — разом удивились мы с Сандаликом.



— Для пушки. Для нашей, на Девятом бастионе. Мы к самоварной трубе пылесосный шланг подсоединим, он как дунет! Будто воздушное орудие! То есть пневматическое.

— Бомбы не полетят, песок тяжелый,— возразил Сандалик.

— А не надо бомбы. Мы победный салют устроим, когда бой кончится! Всяких разноцветных звездочек из бумаги нарежем и зарядим... Они-то полетят! По всем дворам!

«По Шестой Бастионной и по всей округе»,— обрадованно подумал я. Но Юросу на всякий случай пообещал:

— Мама вот покажет тебе за пылесос. Такой салют будет...

— А у нас есть специальный, чтобы играть. Андрюшка оставил старый, когда уезжали...

— Завтра будет настоящий салют,— вспомнил Сандалик.— День танкистов. Пойдете с нами смотреть?

— Конечно.

Они разбежались. Юрос — к своему дому на пригорке, Сандалик — вниз, на улицу Очаковцев.

Я постоял еще с полминуты, потом догнал Сандалика.

— Нам по пути, я в библиотеку.

Сандалик серьезно кивнул и вдруг взял меня за руку. Как Юрос, когда мы гуляли вдвоем. И сказал чуточку смущенно:

— А вы хорошо придумали, что город — это люди...

— Здрасте! Разве это я придумал? Я эту мысль еще в самые детские годы вычитал. Кстати, тоже в книжке про Севастополь...

— Ну, все равно хорошо... Значит, каждый человек — это будто капелька города?

— Конечно.

— Все-все?

— Ну разумеется... А что здесь удивительного?

— Просто интересно...— Сандалик улыбнулся.— Значит, и Тарасик?

— Само собой.

Санька помолчал и вдруг спросил, глядя под ноги:

— И Димка?

— Какой Димка?

— Ну... Турчаков.

— Что поделаешь,— сказал я.

Санька пнул кожуру каштана и шепотом проговорил:

— Ну и ладно...

— Что «ладно»?

— Да так, ничего... А здорово Юрик про салют придумал! Да? — Он еще не решался называть нового друга боевым именем Юро́с.

— Да, Сандалик,— сказал я.— Замечательно.

Пойти на яхте я не смог: в библиотеке меня уговорили поехать на встречу с ребятами в ближний совхоз. Встреча получилась интересная, но о том, что не пришлось выйти в море с Юросом, Алькой и Сандаликом, я все равно жалел. Главное, и погода была очень подходящая: солнце и ветер самый «тот»... Зато мы встретились вечером и пошли смотреть салют. Пошли на берег между Хрустальным мысом и яхт-клубом, в недавно посаженный парк.

Громадные букеты салюта вставали над берегами и опрокидывались в черной воде рейда. Делалось очень светло, и тогда было видно, как много на берегу людей.

Сандалик взял меня за рукав и шепотом сказал:

— А пойдемте, я познакомлю...

Я увидел в нескольких шагах высокого флотского лейтенанта с малышом на руках и молодую женщину. Мы подошли.

— Вот...— засмущавшись, пробормотал Сандалик.— Это Люся, а это Гриша.

— А это Тарасик,— понял я.— Здравствуйте...

Тарасик тихо ликовал на руках у отца. Салют отражался в его глазах восторженными вспышками. При каждом залпе Тарасик молча взмахивал руками, словно хотел улететь вслед за ракетами.

Наконец салют кончился, и теплая ночь с неяркими огоньками мягко накрыла город.

— Пойдемте к нам пить чай,— сказала Люся.— То есть к нашим маме и папе...

— Нет, к нам! — заявил Юрос.

Я сказал, что провожу ребят и мы заглянем к тем и другим.

Так мы и сделали. Но сначала мы с Сандаликом долго ждали Юроса, который дурачился: спрятался под обрывом и мигал нам из темной травы фонариком.

Назавтра я уезжал из Севастополя. Сандалик и Юрос прибежали на вокзал, конечно, за пять минут до отхода поезда. Растрепанные и веселые. Сказали, что на Девятом бастионе только что закончились бои и был победный салют.

— А кто победил? — спросил я.— Вы или те, кто штурмовал?

— По очереди,— сказал Юрос.

— А салют был общий,— сказал Санька.

На прощание они подарили мне две звездочки от салюта. Одна — из алой глянцевой бумаги, другая — из фольги.

...Звездочки лежат сейчас между страницами общей тетради, в которой я пишу эту повесть.

Я хотел написать про год из жизни обыкновенного севастопольского мальчишки и вот написал. Год прошел, историю тоже можно кончать. Но получилось, что в конце опять прощание, а я не люблю грустных концов.

И к тому же мне хочется рассказать еще про один день из жизни Сандалика. Про то, что случилось уже после моего отъезда.

* * *

...А в общем-то ничего и не случилось. Просто в конце октября ветреным и неласковым днем Саньку потянуло в Херсонес.

Он и сам не мог понять, почему потянуло. Такое случалось и раньше, но в хорошие летние дни, в ту пору, когда можно было встретиться с Одиссеем. А сейчас что? Одиссей в далеком плавании, под скалистыми обрывами наверняка грохочет тяжелый шторм. Вон какие низкие и беспросветные облака бегут с моря.

Но все равно хотелось оказаться на берегу. И Санька не стал спорить с собой. После уроков сел у рынка на шестой троллейбус и доехал до кинотеатра «Мир».

Самая короткая дорога вела к Херсонесу мимо школы. Той самой, где Санька в прошлом году хлебнул немало обид. Летом Санька обходил школу стороной, но сейчас была такая хмурая погода, что не хотелось удлинять путь.

Нагибаясь навстречу ветру, Санька пошел вдоль школьной изгороди. У бетонных решеток стелились по ветру кусты.

Из боковой калитки вышла на тропинку высокая девчонка. На ней трепыхался светлый плащ. Санька подумал, что девчонка похожа на мачту, вокруг которой запутался парус. И тут же узнал ее.

Она остановилась и сказала чуть нараспев:

— Ой, Дальченко... Откуда ты?

Саньке не хотелось огрызаться. Все-таки с Эмкой он просидел за одной партой чуть не полгода, и она к нему относилась лучше других. Но и заводить долгий разговор не хотелось.

— Гуляю,— хмуро сказал он.

— В такую-то погоду!.. А я думала, ты нас навестить решил.

— Нет, просто мимо шел,— сдержанно проговорил Санька.

— А как ты сейчас живешь? — вежливо спросила Эмка.

— Отлично! — искренне сказал Санька.— Не то что...— Он замолчал, но Эмка все поняла.

— Все-таки ты слишком обидчивый,— вздохнула она.— Просто еще совсем ребенок.

— А я и есть ребенок,— ядовито ответил Санька.— А ты, если длинная такая, значит, взрослая?

Эмка не рассердилась. Наверно, она и в самом деле была взрослей Саньки. Она сказала примирительно:

— Наверно, класс тоже в чем-то был не прав. Это и Александра Самойловна говорила. Она тебя хорошо вспоминала...

— Очень приятно,— усмехнулся Санька.— Пускай и дальше вспоминает. Передай привет.

— Да ее уже нет у нас... Она в больнице с лета.

— А что с ней?

— Ну, ты разве не помнишь, какая у нее шея была? Это опухоль... Говорят, состояние очень неважное.— Эмка, совсем как взрослая тетушка, покачала головой.

А Санька ощутил, какой сейчас холодный ветер. Поежился.

«А я думал: как жаба горло раздувает, чтобы квакнуть»,— вспомнилось ему. И еще вспомнилось, как после его драки с Димкой она сказала: «Ну, вам-то чего не живется?»

Наверно, уже знала, что у нее такая болезнь. А надо было все равно вести уроки, проверять тетради и вообще жить... А каждый час думалось, думалось: сколько еще жить-то?..

Нельзя сказать, что Саньку стала мучить совесть. С Александрой Самойловной он почти не спорил, двоек у нее не получал и виноватым себя не чувствовал. Нельзя сказать и то, что ощущал сейчас какое-то горе. Хорошего от Сан-Самы он не видел, была она чужим человеком. Но все теперь иначе вспоминалось...

— Она в какой больнице? — спросил Санька.

Эмка виновато заморгала.

— Понимаешь... Я еще точно не знаю.

«Свиньи вы все-таки,— подумал Санька.— Она вас и на экскурсии водила, и футбол организовывала, и билеты в театр, и праздники всякие...»

Не хотелось ссориться, как-то не к месту это было сейчас. И он промолчал. Промолчал, однако, выразительно. Эмка вздохнула:

— Да, нехорошо, конечно... Мы узнаем и сходим.

— Ладно, я пошел,— сказал Санька.

— Ну что же...— сказала Эмка.— А ты сюда зачем приехал? К знакомым?

— По делу.

— Какой ты серьезный...

— А говорила «ребенок»,— сердито отозвался Санька.

— Ну и что? Серьезный ребенок... А у нас в классе в этом году опять два новичка.

— Бедняги,— сказал Санька.
— Ничуть не бедняги. Они прекрасно вписались в коллектив.
— Ну, значит, такие же, как Турчаков...
— Турчаков? — переспросила Эмка пренебрежительно.— Вот уж!.. Если хочешь знать, у него теперь в классе никакого авторитета.
— Почему это? — удивился Санька. И теплым червяком шевельнулось в нем довольное чувство: так и надо Димочке.
Эмка сказала солидные и, видимо, чужие слова:
— Он оказался дутой величиной.
— Чего-чего?
— Мы это поняли еще весной. Он просто умел пускать пыль в глаза, вот и все... А в этом году Анна Антоновна, наша новая классная руководительница, его окончательно раскусила.
— Да? — усмехнулся Санька, понимая, что уже не радуется.
— Да... К тому же он оказался хвастуном. Отец у него вовсе не капитан. То есть он раньше был капитаном, а потом его понизили до второго помощника.
Тогда Санька сказал вслух:
— Свиньи вы все-таки...
Обошел он Эмку и зашагал вдоль забора. Ветер сердито дергал на нем куртку.

А на берегу ветер совсем взбесился. Дул с такой силой, что тяжелый колокол на каменных столбах качался и под ним гудело медное эхо.
Черно-зеленое, исчерканное зигзагами пены море штурмовало обрывы, и волны гремели у скал, и холодные клочья влаги взлетали даже сюда, на высоту. Ветер отталкивал Саньку от кромки берега, словно ударами тугих кожаных мешков.
Санька прижался к каменной квадратной опоре колокола.
«Видит, на море черная буря,— подумал он.— Стал он кликать золотую рыбку...»
Но кликать было некого. Одиссей был в плавании. Берег пустой. Море пустое.
Нет, Санька не ощущал большой грусти. В эти дни, что бы ни случилось и какое бы ни было настроение, Саньку всегда грела мысль, что есть на свете веселый, неустрашимый Юрос и сегодня они обязательно увидятся снова.
Но сейчас у Саньки было чувство, будто он что-то потерял. Или, точнее, хотел встретить кого-то и не встретил...
Наконец Санька послушался ветра, отошел от обрыва и, цепляясь брюками за колючки, пробрался к своей колонне.
Тронул ее, привычно обрадовался теплу мрамора. Но подумал не об Одиссее и не о мальчике из будущего, а опять о Юросе.
Однако эта мысль была мимолетной.
Санька снова стал смотреть в изрисованное пенными полосами море. Облака над морем двигались беспросветными толпами.
«Ой-ей-ей, оказаться сейчас на яхте среди таких волн»,— зябко подумал Санька. Шторм был совсем не похож на тот, в который Санька попал в августе.
Наверно, в такую погоду и погиб «Везул»...
В таких волнах погиб юнга Андрей Шуширин...
Да, в таком бешеном море можно потерять голову.
«Но, если ты не один, если тебя не бросили, можно и выдержать,— успокоил себя Санька и опять вспомнил Юроса.— А у этого Андрюшки просто не было друга...»
Он отбросил эту мысль. Потому что она толкалась туда, куда Санька не хотел ее пускать. И он стал думать о другом. О том, кем бы стал юнга Андрюшка, если бы вырос. Может, офицером? Или матросом? Наверно, все равно он оказался бы на севастопольских бастионах в пятьдесят четвертом году прошлого века. Уже взрослый, усатый, крепкий. Как тот бронзовый матрос, что стоит с ядром в руках у памятника Корнилову.
«Отстаивайте же Севастополь...»
Ну, пускай в названиях кораблей на оборотной стороне памятника не дописаны твердые знаки. Наверно, все-таки не в них главное. Главное — в этих словах, что впереди.
Санька сжал зубы.
Если надо, он будет отстаивать. Пускай он не самый смелый, пускай Эмка говорит, что ребенок. Но если надо, он защитит и бастионы, и город.
«Но ведь город — это люди...»
Санька мотнул головой, чтобы прогнать продолжение мысли, но она уже толкнулась:
«А Димка?»
Море тревожно гремело. И другие моря на земле тревожно гремели. И на свете было неспокойно. Город знал это и жил в готовности, как живет в готовности военный флот. Но все же сейчас были здесь мирные дни, и никого пока не надо было защищать и отстаивать. Среди тех, кого знал Санька, никого. Почти...
Кроме одного человека. Того, кто оказался будто на скользкой штормовой палубе один-одинешенек.
Если человек сорвется с палубы, его недосчитаются на каком-нибудь бастионе.
Может быть, на Девятом?
«Да выдумал ты все»,— с жалобной досадой сказал себе Санька. Но другой Санька, более откровенный (или Одиссей, или тот мальчишка из будущих далеких лет, или просто-напросто храбрый и честный Юрос) хмуро ответил:
«Не ври ты...»
И Санька больше не стал врать себе, будто не помнит, как глядел тогда ему в спину Димка Турчаков. Не стал врать, что не помнит размытого адреса.
Санька еще раз погладил колонну и пошел среди кустов и руин. Сначала медленно, потом торопливей и решительней.
А ветер толкал, толкал его в спину, будто лишь для этого и разгулялся над берегами, похожими на неприступные бастионы.

**КОНЕЦ.**



ТЕБЕ, БУДУЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

# ПОВЕЛИТЕЛИ ЛЬДОВ

## Кавказская «Антарктида»

Из космоса хорошо видны белые шапки на земных полюсах: ледяной щит Антарктиды размерами в полторы Европы и примерно такой же площади морской лед Арктики с «отростком» гренландского ледяного поля. А еще множество мельчайших и чуть бóльших белых «осколков» разбросано по всем континентам, там, где земная твердь вздыблена вверх горами. Это горно-ледниковые районы. Если спуститься с космических высот над любым из них, взгляду откроется сложная система больших и малых ледников, венчающих белоснежными коронами самые высокие вершины.

...Самолет летит над бескрайней кубанской степью. И вдруг из какого-то первоначально неясного сгущения воздуха возникает контур двуглавой горы, одиноко висящий над землей. Только потом появляется цепь гор Большого Кавказа. Эльбрус возвышается над ними, как великан в толпе людей среднего роста. Если посчастливится забраться на одну из эльбрусских глав, в хорошую погоду можно видеть Черное море, а когда воздух особенно прозрачен — и Каспийское.

От Москвы до Эльбруса полторы тысячи километров — как от одного края ледяного щита Антарктиды до другого. Кавказ значительно меньше: его ледники вместе занимают площадь, в семь тысяч раз меньшую, чем Антарктида. Но Кавказ с полным правом можно назвать «маленькой Антарктидой»: по внешнему виду, закономерностям развития, климатическим и другим условиям все ледники очень похожи.

Ледяная шапка Эльбруса — миниатюрная модель Антарктиды — надета на конус еще совсем недавно действовавшего вулкана. Если он «проснется», размеры катастрофы будут очень велики: потоки талой воды ринутся по долинам, в которые спускаются пятьдесят эльбрусских ледников. Впрочем, и сами по себе ледники способны принести немало неприятностей, если скорость их движения резко возрастает или значительно усиливается таяние.

Ледники — «кладовые» воды. Она хранится в них, расходуется понемногу каждое лето, а зимой ее запасы возобновляются снегопадами. Нестаявший «прошлогодний снег» погружается под слой нового и постепенно превращается в лед. А лед способен течь, хотя и значительно медленнее воды: сотни и тысячи лет нужны, чтобы лед из верховьев ледника «добрался» до нижнего конца его языка, стал водой в реке.

Долгую жизнь прожил этот лед. Она до мельчайших подробностей известна ученым, которые исследуют природные льды на земле,— гляциологам («гляцио» по-латыни означает «лед»).

Эльбрус находится под контролем гляциологов Московского университета имени М. В. Ломоносова. В Приэльбрусье у московских «рыцарей льда» своя постоянная база. Оледенение южного склона Большого Кавказского хребта исследуют ледниковеды Грузии, а северный склон — во «владении» гляциологов Ростова-на-Дону.

В полет вдоль северного края «кавказской Антарктиды» мы отправляемся на вертолете. Со своими «владениями» знакомят ростовчане — Василий Данилович Панов и Юрий Григорьевич Ильичев. Уже много лет работают они на ледниках Кавказа.

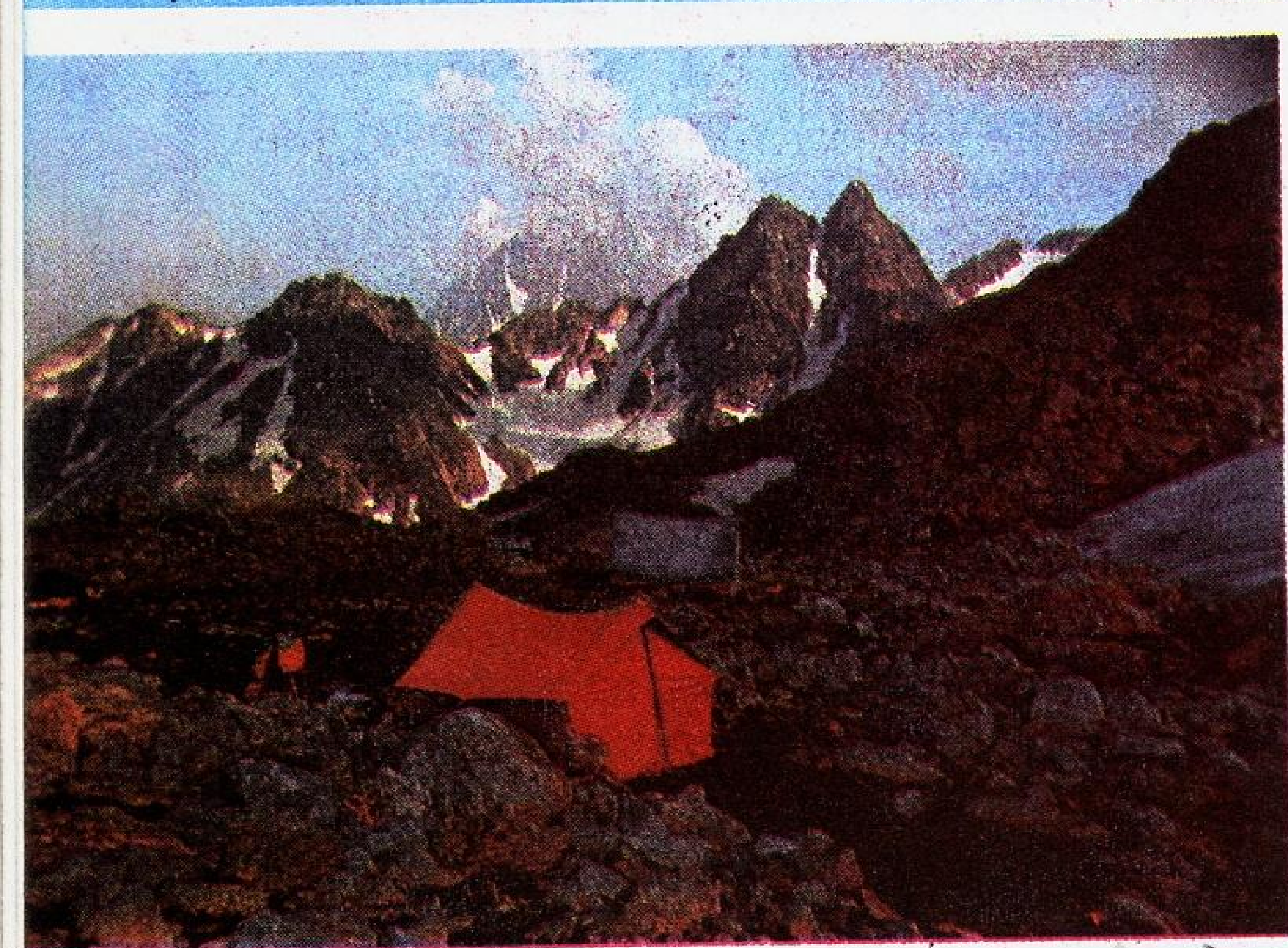
1985 год знаменателен для ростовских гляциологов. Стационар на леднике Марух, который семнадцать лет был фактически лабораторией гляциологов, завершил свои исследования. Теперь под длительное, постоянное наблюдение взят Безенги, самый длинный ледник Кавказа. Двадцатикилометровый ледяной поток расположили гляциологи на своем «лабораторном столе»: они смогут все узнать о его прошлом и настоящем, чтобы понять будущее всего кавказского оледенения.

Сегодня общая площадь кавказских льдов — чуть больше 1400 квадратных километров (это в полтора раза больше площади Москвы). Число ледников — 2064. За прошедшее столетие площадь оледенения заметно сократилась (на 36 процентов), но ледяных потоков стало не меньше, а больше. Появилось 900 ледников, прежде «не числившихся в списке». Странно, не так ли? Ведь за эти годы полностью растаяло, исчезло их около шестисот.

Дело объясняется очень просто: многие крупные ледники расчленились на ряд мелких. Оледенение распадается, дробится — средний размер ледников и объем льда в них стали меньше почти вдвое.

Каждый год почти все ледни-





ки Кавказа отступают из своих долин — то на один-два метра, то на тридцать или даже пятьдесят метров. За столетие самые большие потоки льда стали короче на два-три километра. Но отдельные ледники шли наперекор всем и наступали.

Некоторые «ледяные реки» делают периодические «прыжки». За это ученые называют их «пульсирующими». Время от времени ничем вроде бы не выделяющийся ледник вдруг бросается в стремительную атаку. Совсем недавно он проходил всего метр-два в сутки, а теперь подминает под себя за день чуть не сотню метров земли. «Сорвавшемуся с цепи» ледяному чудовищу нет никакого дела до того, что на его пути селения, мосты, дороги. Пройдя несколько километров, «пульсирующий» ледник останавливается. Худшее, что он может сделать,— перегородить реку, запрудить ее. Тогда с гор низвергнется еще одно чудовище — сель. Это поток грязи и камней, вал высотой в несколько десятков метров, с огромной скоростью проносящийся по долине, все сметающий на своем пути. Он возникает и тогда, когда слишком сильные дожди размывают предледниковый моренный вал или прорывается вода подпруженного озера...

## Управлять ледниками...

Предвидеть грозные явления в горах — задача гляциологов. Они думают и о практическом использовании ледников в интересах человека. Ледники привлекают к себе туристов, альпинистов, горнолыжников — их надо надежно защитить от снежных лавин и селей. Все больше строится в горах дорог, электростанций, рудников — они тоже нуждаются в защите. А еще речь идет о том, чтобы управлять ледниками как источниками воды, сделать ледники «домашними».

Усилить таяние ледника можно, посыпав его поверхность веществом, поглощающим солнечное тепло лучше, чем снег и лед, которые отражают большую часть солнечных лучей. Надо научиться вызывать и дополнительные снежные осадки, чтобы компенсировать потери. Особенно важно точно рассчитать, сколько ледник получает вещества, а сколько теряет его на таяние и испарение. Нарушено равновесие — и «съеживается» ледник, отступает из долины, а то вдруг стремительно бросается вперед. Например, в 1969 году ледник Колка в Северной Осетии совершил неожиданно «прыжок» больше чем на четыре километра.

По всему леднику метра на полтора-два забурены рейки. По ним гляциологи фиксируют высоту снежного покрова и, зная плотность снега, вычисляют, сколько он содержит воды. Помогают в этой работе и специальные приборы. Их называют суммарными осадкомерами. Много дней, а то и месяцев снег свободно падает в широкое, обращенное к небу и защищенное от ветра «ведро» осадкомера, в которое налито масло: его пленка защищает скопившиеся осадки от испарения. Два раза в год гляциологи выкачивают из-под масла воду и измеряют ее объем. Они умеют и определять время «добегания» талой воды до реки: «метят» ее радиоактивными изотопами или подсаливают.

Трудно перечислить все виды работ, которые проводятся на леднике изо дня в день, в определенные сроки. И эта строгая система никогда не нарушается. Ледниковая работа непростая, выполнять ее приходится порой в очень тяжелых условиях. Но люди, которые ею занимаются, ее любят. Перед ними высокая цель: научиться управлять ледниками...

## Ракеты против града

В предгорьях Кавказа уютно разместился утонувший в зелени парков и садов Нальчик, столица Кабардино-Балкарской АССР. Недалеко от центра города есть дом, около которого стоит настоящее зенитное орудие калибра 130 миллиметров. Грозный ствол направлен под углом 45 градусов в небо...

Зенитка выкрашена в белый цвет и стреляет в небо Приэльбрусья необычными снарядами. А установлена она перед входом в Высокогорный геофизический институт как его своеобразный символ.

— Не только символ, но и памятник,— говорит директор института, член-корреспондент АН СССР, лауреат премии Ленинского комсомола Михаил Чокаевич Залиханов.— Памятник победе, одержанной в войне, да, в настоящей войне с одним из наиболее грозных метеорологических явлений — с градом...

Вот на какого врага направлен

белоснежный ствол зенитки...

Враг этот коварен и жесток. Представьте себе благодатные плантации виноградников, поля кукурузы, подсолнечника, бахчи. Вдруг появляется на небе кучевое облако. Оно начинает быстро расти. Восходящие и нисходящие воздушные токи из содержащейся в нем влаги «варят» град. В какой-то момент на месте невинного облачка возникает грозная градовая туча, несущая гибель десяткам и сотням гектаров посевов. Туча заполняет небо. Хлещет дождь, мощный заряд града обрушивается на нежные растения. Обычно он охватывает узкую (в среднем три — пять километров) полосу, которая тянется километров на двести.

Не каждое кучевое облако становится градовым — надо, чтобы температура в нем опустилась значительно ниже нуля и чтобы создались благоприятные условия для роста ледяных кристаллов. Достигнув определенного веса, кристаллы падают вниз, сталкиваясь с поднимающимися каплями воды, которые, намерзая, еще больше увеличивают градины.

Эта туча — испокон веку злейший враг земледельцев. В нее стреляли из лука еще в древние времена, из мортир — в годы средневековья. Но такая стрельба была бесполезной — град продолжал свою разрушительную работу.

Над решением загадки рождения града ученые трудились по крайней мере четыре столетия.

В 50-х годах нашего века была организована Эльбрусская геофизическая экспедиция во главе с участником папанинского дрейфа 1937 года академиком Е. К. Федоровым. Вскоре на базе экспедиции Е. К. Федорова возник Высокогорный геофизический институт в Нальчике. Его первый директор, гляциолог и альпинист, в 1943 военном году поднявшийся с товарищами на Эльбрус, чтобы сорвать с него фашистские флаги, Георгий Константинович Сулаквелидзе... В научной программе института одно из важнейших мест было отведено исследованию процессов образования града с целью разработки системы защиты от него.

Сулаквелидзе предложил обнаруживать градовые облака радиолокатором и обстреливать их снарядами и ракетами.

Геофизики из Нальчика, продолжая работу Сулаквелидзе, решили до конца понять, как образуется град; надо знать врага, чтобы победить его. И они проникли в тайну роста градин. Обнаружили, что облака бывают разного типа и к каждому нужно применять свое «оружие».

Но прежде всего нужно научиться обнаруживать очаги рождения града. И вот появился на свет уникальный прибор МРЛ-5 (метеорологический радиолокатор, пятый образец). Он сразу был признан одним из лучших в мире, и несколько стран (Аргентина, Франция, Япония, страны социалистического содружества) закупили его для своих противоградовых систем. МРЛ-5 работает четко и уверенно.

Вот появилось облако. К нему летят электромагнитные импульсы на двух частотах. Через миг они возвращаются, неся с собой информацию о размерах облака и его строении. На экране радиолокатора появляется рисунок облака, в котором хорошо видна червоточина градового очага. Враг обнаружен. Теперь нужно как можно быстрее его уничтожить. А для этого надо дать по облаку артиллерийский или ракетный залп.

Тут главное — не мешкать. Буквально через считанные минуты после возникновения на экране локатора рисунка облака должна быть отдана команда «Огонь!». На вооружении гляциологов зенитки, стреляющие специальными снарядами «Эльбрус», и ракетные установки различного типа. Снаряды и ракеты начинены, кроме взрывчатки, йодистым серебром, которым «засеивается» облако.

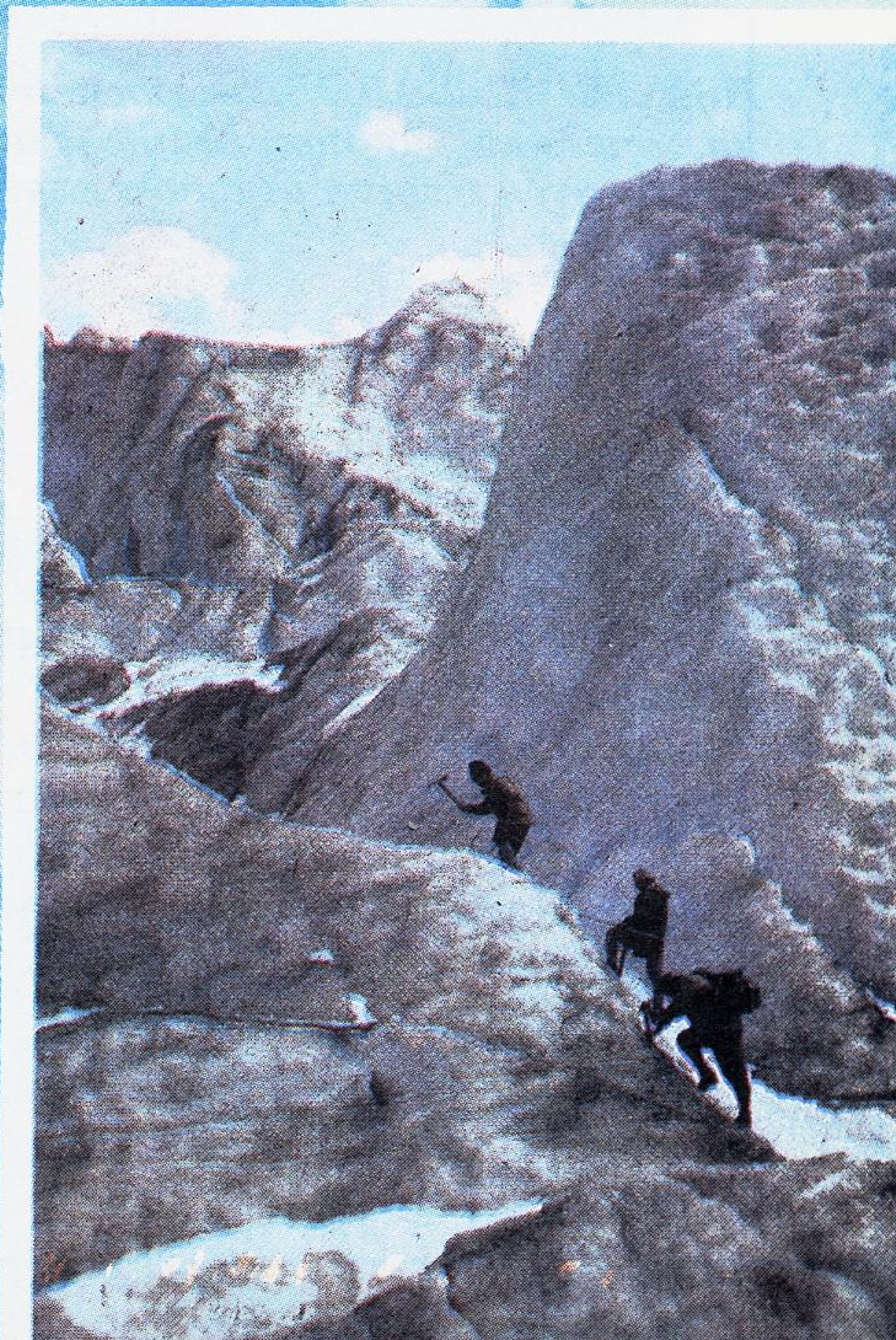
Попадая в облако, кристаллики соли становятся «ядрами», на которые нарастает лед. Их много, этих ядер, и на каждом откладывается какая-то часть запасов влаги облака. «Ледяная картечь» измельчается до безопасных размеров, а то и вовсе перестает существовать, выпадает на землю дождем. Вместо града — благодатный ливень. Вот она, победа над стихией! И серьезная победа.

Чтобы перехватить инициативу у града, «засев» нужно произвести за одну минуту. Одним снарядом и одной ракетой ничего не сделать. И стреляют многоствольные ракетные установки: 12, а то и 18 ракет летят к облаку одновременно. Восемнадцатиствольная установка «Небо» «впрыскивает» в облако 10 тысяч триллионов активных частиц размерами не больше микрона. Освободившись от заряда, ракеты мирно опускаются на парашютах — их снова можно использовать.

Уже не только на Кавказе, но и в Средней Азии успешно идет противоградовая война. Народному хозяйству эта необычная война сберегает не менее 100 миллионов рублей.

...Так работают на Кавказе гляциологи, которых совсем еще недавно считали далекими от проблем народного хозяйства.

**В. МАРКИН,**
**кандидат географических наук**






*«Я учусь в 7-м классе, мне 13 лет. Люблю читать и сама сочиняю. «Осколки» я написала под впечатлением рассказов моего дедушки». Надя ГУСЬКОВА, город Сокольники Тульской области.*

# Осколки

Ветер прогнал тучи, и солнце ярко осветило двор. Мальчишки гоняли мяч и подняли гвалт не хуже галок. Вперед вырвался Максим. Он с силой ударил по мячу, и тот угодил в окно первого этажа. Раздался звон разбитого стекла. От неожиданности Максим застыл на месте. Но из окна никто не выглянул. Ребята требовали:

— Ты ударил, тебе идти!

Очень не хотелось Максиму отправляться за мячом, но делать было нечего. Он торопливо вошел в подъезд и позвонил. За дверью было тихо. Подождав немного, Максим решил было уйти, но тут дверь неожиданно распахнулась. На пороге в инвалидной коляске сидел человек.

— Ты ко мне? — спросил он сурово.

— Это я... разбил стекло.

Незнакомец внимательно посмотрел на мальчишку, на его веснушки и вздернутый нос и улыбнулся. И тут Максим увидел, что у него очень добрые глаза. Осмелев, он спросил:

— Вы на меня очень сердитесь?

— Нет! Будем считать, что разбитое стекло к счастью. Заходи, коли пришел.

Они оказались в большой светлой комнате, где было много книг и картин. Незнакомец предложил Максиму сесть и сказал:

— Давай знакомиться. Я — Сергей Иванович.

— Максим,— назвался гость.

Внимание мальчика привлек мольберт. На нем стояла неоконченная картина. Потом Максима заинтересовали вещи, лежавшие на письменном столе. Это было несколько кусочков стали с острыми зарубинами, поржавевшие от времени.

— А почему вас никогда не видно во дворе?

— Я не могу ходить.

— Вы больны?

Сергей Иванович молча подкатил коляску к письменному столу и, перебирая ржавые кусочки металла, сказал:

— Осколки повредили мне позвоночник... Вот эти осколки... Когда началась война, мне было пятнадцать лет. Немцы пришли в нашу деревню. Они согнали всех жителей на площадь перед зданием школы и продержали нас там восемь часов. Потом со стороны соседней деревни прикатил на мотоцикле эсэсовец. Он медленно прошелся вдоль строя и вдруг, ткнув в меня пальцем, спросил на ломаном русском языке:

— Кто есть председатель колхоза?

Я в замешательстве шагнул вперед. Председателем у нас был Степан Макарыч, он стоял рядом со мной.

Стараясь глядеть фашисту прямо в глаза, я нахально ответил:

— Да помер он... Только вчера схоронили...

— Глупый мальчишка! Я буду травить вас всех собака! Я буду вас вешать!

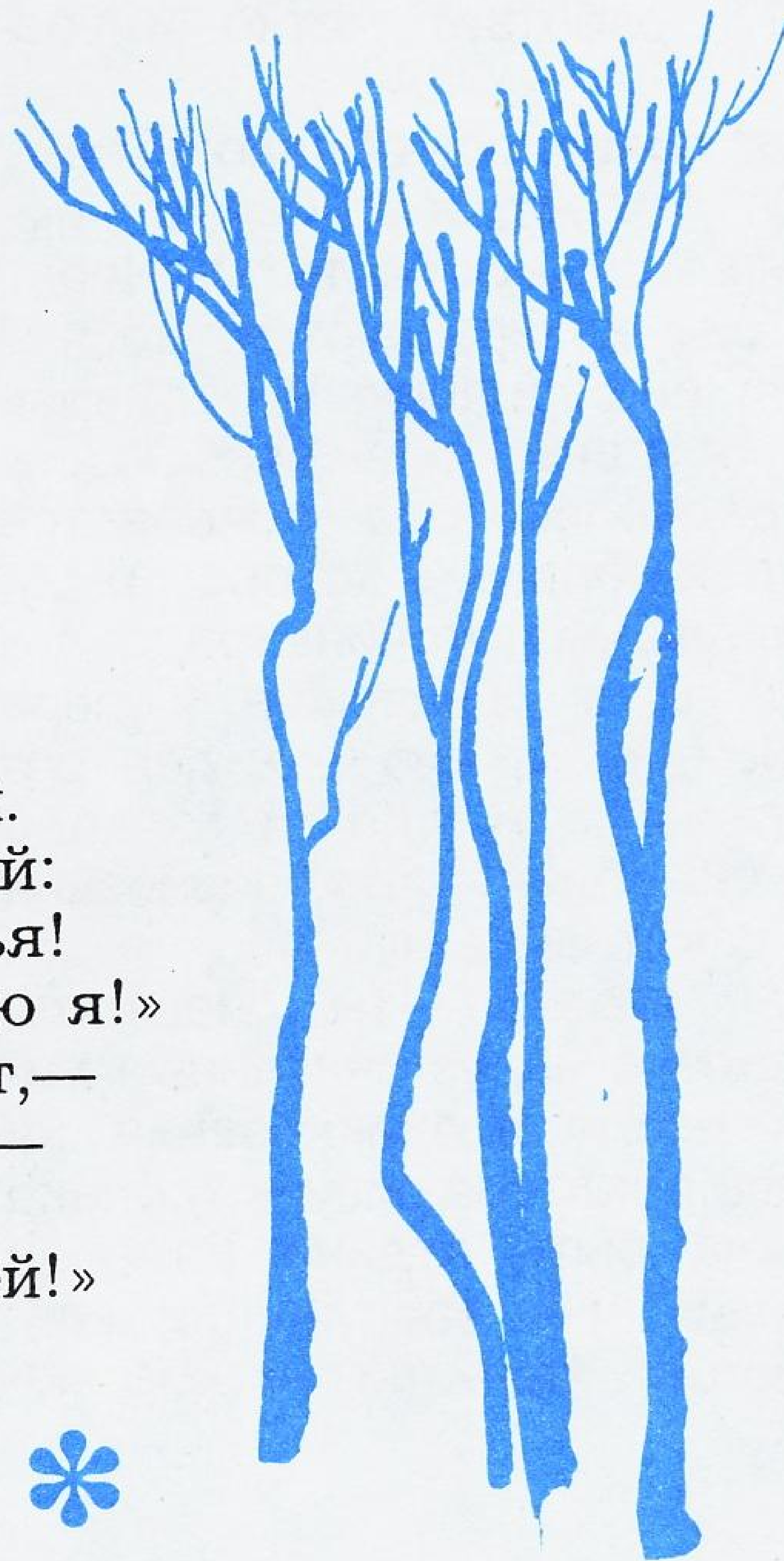
Он рывком выдернул из кобуры пистолет, однако выстрелить не успел. На него молча бросились несколько человек и повалили на землю. Но от мотоцикла на помощь эсэсовцу спешили еще два



*Ника БОЛЬШАКОВА — москвичка, ученица школы №16. Ника занимается в литературном клубе «Колокол».*

## Весна наступает

Весна наступает, проснулся ручей.
Чирикает громко в кустах воробей:
«Весна наступает, очнитесь, друзья!
Весну звонкой песней приветствую я!»
«Весна наступает, весна наступает,—
Вовсю воробью подпевает ручей.—
Звери и птицы, зайцы, синицы!
Встретить весну торопитесь скорей!»





*Ане КОРОСТЕЛЕВОЙ 13 лет, она учится в 7-м классе московской школы №56. Стихи, рассказы, пьесы Аня сочиняет с 6 лет и сама делает к ним рисунки.*

## Лунная кошка

Почему-то считают,
Что ее не бывает,
А я видела лунную кошку!
И уж твердо я знаю,
Что она голубая,
Голубая в белый горошек.
Как-то возле дорожки
Ночью лунную кошку
Я спугнула, захлопав в ладоши.
Но с тех пор-то я знаю,
Что она голубая,
Голубая в белый горошек.

фашиста. Степан Макарыч оттолкнул меня и закричал:

— Беги, парень, коли жизнь дорога!

Я изо всех сил помчался к лесу. Сзади трещали автоматные очереди, раздавались стоны и крики. Я бежал, пока не добрался до леса. Уже сгущались сумерки. И тут впереди раздался строгий окрик:

— Стой! Кто идет?

— Я свой, дяденька, свой! Красный я!

Так я попал в партизанский отряд товарища Ополченова.

В отряде меня приняли хорошо и уже очень скоро стали посылать на задания. Располагался наш партизанский отряд в лесу, а жили мы в землянках. Но что это были за землянки! Теплые, удобные, а в командирской было даже радио.

Однажды мы, собравшись у Ополченова, слушали по радио Москву. Партизаны перечитывали письма от родных. Я писем не получал: вся наша семья и вся деревня погибла в тот самый день, когда я убежал в отряд. Из всей деревни остался в живых лишь я. И теперь, сидя в командирской землянке, я вспоминал мать, отца и маленькую сестренку Ирочку. Неожиданно дверь в землянку распахнулась, и Ополченов с порога крикнул:

— Яковлев, Дубко, быстро собирайтесь! Пойдете на особо важное задание.

Через несколько минут мы с Ваней Дубко уже пробирались в лесу. Особо важное задание заключалось в поимке и доставке в штаб «языка». Нам повезло: невдалеке послышался шум, это по лесу шел эсэсовский солдат и, забыв об осторожности, насвистывал. Дубко быстро перебежал дорогу и набросился на фашиста сзади. Но тот ловко увернулся и нажал на спусковой крючок. Дубко упал как подкошенный. Я выскочил на дорогу вслед за Ваней, и теперь эсэсовец заметил меня. Он навел на меня автомат и приказал идти вперед. Я послушно шагал и думал, что мне делать. И вдруг вспомнил, что тут, недалеко, за раскидистой елкой, есть камень, напоминающий сидящего человека. Я вспомнил и то, как когда-то в детстве меня напугал дед, сказав, что за деревом сидит человек. Мы с конвоиром приближались к елке. Я решил: пора!

— Партизан! — приглушенно крикнул я и плюхнулся на землю. Конвоир поспешил последовать моему примеру: он знал, что означает это грозное русское слово. Фашист прицелился в сидящего за елью «человека». Выстрелил раз, другой, третий... «Партизан» не шевелился.

— А ну-ка дай мне! — Я рванул автомат к себе и тут же направил его на фашиста. — А теперь шагай вперед, шагом марш!

Эсэсовец попятился, и вдруг раздался оглушительный грохот, а боль обожгла тело: фашист наступил на мину.

Очнулся я уже в больнице — меня переправили на Большую землю.

Несколько осколков повредили мне позвоночник. Вот эти осколки...

Немного помолчав, Максим спросил:

— А как же вы теперь, Сергей Иванович?

— Обыкновенно. Живу и работаю.

— Где? — удивился мальчик.

— Здесь. — Он показал на картины. — Так я воюю с войной.

Картин было много. Все о войне. Только теперь на мольберте Максим разглядел черный фашистский танк с белым крестом на башне. ...И эти осколки... Максиму стало очень грустно. Он встал и сказал:

— Я пойду.

— Убери только, пожалуйста, осколки в ящик. Один оставь себе на память. На кухне возьми еще свой мяч.

Максим вышел, подобрал битое стекло под кухонным окном. Вернулся к Сергею Ивановичу.

— Мы с ребятами вставим вам стекло.

— Спасибо.

— А... — Максим посмотрел прямо в глаза: — Можно мне приходить к вам?

— Буду рад, — ответил Сергей Иванович.

## *Альтана*

Среди звездного тумана
В теплый вечер прошлым летом
Подружилась я с Альтаной —
Девочкой с другой планеты.
Как обычная девчонка,
Только взгляд немного странный,
Но живое сердце билось
Под серебряным скафандром.
Представляю их планету,
Будто я там побывала:
Фиолетовое небо
И огромные кораллы.
С неба звездочка упала,
Искрой прочертила петлю...
Мне Альтана обещала
Возвратиться к нам на Землю.
На тропинке появились
Незабудки утром рано,
А в цветах роса светилась,
Как слеза в глазах Альтаны.
Может быть, грустить не надо,
Только чувствую я снова:
Почему-то не хватает
Мне чего-то неземного.



«НА ДЕМОНСТРАЦИИ». *Так назвала свой рисунок девятилетняя Таня ЛЕБЕДЕВА.*

**Татьяна АЛЕКСАНДРОВА**

# ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

**Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.**

## Наша Матрешенька

Во время войны самые простые вещи смотрятся совсем иначе. Например, еда. Еда была — трудность, событие. Столько времени и сил тратилось ради нее. Может, потому столько воспоминаний связано с ней, о ней, про нее.

После войны еды тоже долго не хватало. Мы читали Сомерсета Моэма. Он пишет, что согласен ежедневно питаться бараньим рагу с картошкой, лишь бы делать свое любимое дело, а не что-то другое и нелюбимое. Мы были с ним согласны. Баранье рагу с картошкой — это было бы так прекрасно! Да еще каждый день!

Однажды у нас к обеду была курица. Самая настоящая курица, свежая, упитанная. Ее прислал маме из деревни раненый, которого она вылечила. Мама все хотела отослать курицу обратно. Но во-первых, раненый мог обидеться. Во-вторых, курица (она была уже без головы) вполне могла не перенести обратного пути и протухнуть. А в-третьих, раненый, зная мамину строгость, обратного адреса не написал.

Когда мы варили ее, в квартире пахло так, что сразу вспомнились детство и довоенные годы. Курицу торжественно варили в большой зеленой кастрюле, которая давным-давно отвыкла от такого аристократизма, предоставив себя, объемистую, вместительную, в распоряжение более демократических картошки, свеклы и турнепса.

Бульон в кастрюле булькал и фырчал, будто поплевывая на нас сверху и презирая нас, недостойных его отведать. И оправдывал свое королевское французское имя.

Рядом с плитой на чистом вымытом столе лежала горка домашней лапши. Для такого случая на базаре был куплен стакан муки, замешена и приготовлена лапша. Она-то и сохла по всем правилам на солнышке, на выструганном чистом столе.

Мы все — мама как раз по этому поводу пораньше пришла из госпиталя — сидим за большим столом. На нем большие фарфоровые тарелки, блестящие алюминиевые ложки.

Няня Матрешенька появляется на пороге — румяная, нарядная, в чистом фартуке, в белом праздничном платье, в ее руках зеленая кастрюля, горячий пар поднимается из нее. Матрешенька, важная, сияющая, лицо плывет в облаке пара, шагает через порог и — ой, лучше не видеть этого, да ладно, что поделаешь, чего не бывает на свете,— мы видим ее растерянное лицо, слезы на глазах и зеленую кастрюлю, лежащую вверх дном возле порога.

Что и говорить, мы все бросились к Матрешеньке, стали утешать ее и уговаривать, собирать ладонями мокрую горячую лапшу и остатки бульона и отправлять это обратно в кастрюлю. Матрешенька все это время сидела на стуле и плакала, а мы отнесли кастрюлю на плиту, налили в нее воды и долго уговаривали нашу милую нянечку, что ничего страшного не произошло,— курица-то осталась цела! Ну а бульон? Бульон сейчас сварится снова. И лапша цела.

## Мальчишка на балконе

Когда мамин госпиталь стоял в Ярославле, мама взяла нас к себе. Отец был на фронте. Мы перешли в пятый класс.

В войну самые сильные и здоровые люди — они на фронте. Уже не работники... Их работу делают те, кто послабее. И они кормят солдат. Конечно, в стране голодно. Очереди, чтоб отоварить карточку. Мы стояли в очередях попеременно: сначала Матрешенька, потом Наташа, потом я, потом приходила опять Матрешенька.

Когда война, очень много времени уходит на еду. Конечно, не на то, чтобы поесть,— это минутное дело. А чтобы достать еду всеми правдами. Неправдами, возможно, тоже доставали, но мы абсолютно презирали таких. Среди наших друзей таких не было.

В госпиталь к маме за обедом ходили по очереди: день я, день Наташа. По улице идти ничего — идешь и идешь, машешь сумкой. Идти надо по длинным пустым улицам, по тротуарам, от которых остались одни кромки,— в войну тротуары не чинили.

Чтобы дорога была короче, я обычно загадывала: если дойду до ближайшего фонаря и не оступлюсь, произойдет хорошее событие — наши возьмут какой-нибудь город, я получу «пять», в библиотеке попадется особенно интересная книга, выздоровеют мамины раненые, сегодня в столовой дадут котлеты. Фонари стояли длинные, тонкие, как воспоминания о светлых мирных вечерах. Сейчас они по вечерам не горели — затемнение.

В сумке у меня были две банки, для первого и для второго. Крышек не было. Завязывали пергаментной бумагой или тряпочкой. Быстренько войдешь в госпиталь. В кухне на раздаче положат в первую баночку теплого супу с макаронами или крупой, во вторую — немного каши, кусочек рыбы или мелкую котлетку. И быстро пробежишь через госпитальный двор. Идти по двору госпиталя не по себе, будто из всех окон смотрят и все встречные заглядывают в сумку, будто несешь чужое, украденное, а ничуть

не украденное: мамин обед или ужин. Врачам полагались обеды, и все брали и питались. Только те, у кого дети были близко, старались отнести обед домой, а сами обходились хлебом и чаем.

Я быстро шла по школьной дорожке (раньше здесь была наша 43-я школа, теперь она в немецкой кирхе) мимо санитарок в белых халатах, мимо выздоравливающих в серых пижамах. За калиткой вздохнула с облегчением. Идет девочка, несет черную сумку с продуктами, обычная картина.

Безлюдная улица. С одной стороны тянулся городской парк за высокой оградой, с другой — ряды четырехэтажных домов, построенных перед войной. Бомбежка однажды застала меня по пути в госпиталь в парке, осколки со свистом вреза́лись в землю, спрятаться можно было только под кустом, за деревьями, а что толку? Хорошо, что самолеты быстро улетели и тревога кончилась. Но с тех пор я старалась держаться поближе к домам, чтобы спрятаться в подъезде или в убежище.

Окна и балконы вроде наших московских. С одного балкона свесился мальчик, большой, моего возраста. Он маялся от безделья. Увидев меня, он радостно плюнул. Потом гоготнул, взбрыкнул, еще сильнее свесился с балкона. Плевал он долго и энергично. Но толку было мало. Попробуй доплюнь с третьего этажа до девчонки, когда дует ветер, а девчонка отошла с тротуара на мостовую, догадалась, что она и есть движущаяся мишень для плевков. И, не обращая внимания на этого дурака, я пошла дальше.

Но этот оболтус, видя, что мишень скрывается с глаз, собрал весь свой умишко, схватил какую-то гадость, какую-то грязь с балкона, запустил мне в спину, заржал и заскакал на балконе, видя, что попал.

К сожалению, он угодил очень точно. Тяжелый



*В госпиталь к маме за обедом*
*ходили по очереди: день я, день Наташа...*
*Когда война, очень много времени уходит на еду.*
*Конечно, не на то, чтобы поесть,—*
*это минутное дело. А чтобы достать еду...*

ком земли, видимо, из цветочного горшка, стоявшего на балконе, пробил бумагу и угодил в банку со вторым. А на второе как раз были макароны по-флотски, то есть перемешанные с провернутым мясом. Дома я сквозь слезы озябшими пальцами, а Матрешенька молча и сурово очищали мокрые макароны от налипшей земли, пытаясь разглядеть, где бурые комочки земли и где кусочки молотого мяса.

# Алька

Алька училась в нашем классе и ни с кем из класса не дружила. Говорили, что она водится с малышами, которые живут возле шинного завода — на самой окраине города. Наверное, ей с нами было скучно — вроде еды без соли. Она была совсем некрасива: маленькая, тощая, волосы висят, как бело-рыжие прямые нитки, закрывают уши, лоб, глаза. Иногда Алька уберет челку, но ненадолго, нагнет голову — волосы опять висят. И через них виднее всего веснушки — много и все яркие, рыжие. Губы у Альки почти всегда сжаты, а носик небольшой, красный, и Алька постоянно им шмыгает, потому что одежда у нее слабовата, как почти у всех в классе. Из той одежды, что была до войны, выросла, а новую шить не из чего. Другие ребята донашивают платья старших сестер и братьев, бабушки перешивают что-либо свое. А у Альки ни сестер, ни братьев, ни дедушки, ни бабушки.

Папа у нее на фронте, мать все дни и ночи на шинном заводе. Сколько продукции надо выпустить, а мужики на войне! Алька тоже хотела идти работать, но мать уговорила учиться, сказала:

— Долю твою отработаю, не беспокойся.

Мне нравилось смотреть на Альку. Наверное, потому, что сразу видно: она никогда не врала. Просто что думала, то и делала сразу. Даже глупости.

Еще у нас в классе была Эля Гладких, очень красивая. У ней были косы длинные, ровные, блестящие. Мама ей сама их расчесывала, заплетала. Ее мама почему-то не работала и очень следила за Элей. Мы как-то спросили Элю, правда ли, что ее мама не работает. Эля смутилась и сказала, что мама нездорова.

— С жиру бесится! — сказали мальчишки, которые знали Элю.

Они были правы, хотя Элина мама была совсем не толстая, скорее худая, и плечи у нее были узкие, а руки и шея длинные, худые. У Эли были, по мнению мамы, музыкальные пальцы, и ее учили музыке.

На фронт, конечно, нас не взяли бы. Но мы и сами понимали, что делать нам на войне пока нечего. Помогать фронту надо было. Но как? Учиться! Так говорили все: и радио, и родственники, и учителя. Мы и учились кто как мог. В общем, неплохо.

Мальчишки бегали помогать при разгрузке — на вокзал, на склады. Моральная сторона здесь иногда поддерживалась материальной. Мальчишки и нам приносили заработанное, правда, не часто. Говорили, что мальчишки были более голодными, чем мы, потому что больше двигались. И все-таки был случай, когда они угостили нас солеными огурцами. А однажды насыпали полные карманы пшеничным зерном. Дома из него сварили кашу.

Девочки из класса пошли в госпиталь. Робея, подталкивая друг друга, задержались перед решеткой с узорным литьем. Эля прошла первой, так получилось.

Из дверей госпиталя навстречу нам вышла группа сестер. Путаясь и сбиваясь, мы рассказали, зачем пришли. Сестры перестали смеяться и разговаривать, посмотрели на одну — самую упитанную и румяную. Потом оказалось, что это старшая сестра.

— Хорошо,— сказала она, подумав.— У нас много лежачих тяжелых раненых, будете кормить их, помогать санитаркам. Кому почитаете, кому письмо напишете — все раненым польза... А этой замарашке сначала вымыться надо,— кивнула она на Альку.— Вон бери пример с подруги! — И она показала на Элю.

Алька повернулась, решительно высморкалась и пошла прочь к калитке. Я хотела догнать ее, но все уже входили в двери госпиталя.

Через несколько дней Эля перестала ходить к раненым:

— У меня болит голова. Мама сказала, это от того, что в палатах душно.

Действительно, в палатах было душно.

Тех раненых, что лежали возле окна, я старалась укрыть как следует и, как приходила, сразу открывала окно. Они скоро привыкли:

— Ну, сестренки пришли! Сейчас будут воздушные процедуры!

Альке (она, конечно, пришла на другой же день) дали самый драный, застиранный халат, весь в дырках. И каково же было наше удивление, когда на следующее утро Алька, румяная, причесанная, даже веснушки у нее сияли как новенькие, вошла в палату в аккуратном, отглаженном, даже нарядном белом халате. Они с мамой всю ночь приводили его в порядок, штопали, гладили, перешивали Альке по росту, перелицевали его, кармашки перешили.

— А мы-то собирались его списать,— сказала старшая сестра.

— Чего-чего, а халатов у нас хватает.

— Ну, и дурочка, что себе не оставила,— сказала Эля, узнав об этом случае.— Сшила бы из него платье. Смотри, туфли у тебя дырявые, прямо на босых ногах. Да и платье, я давно хотела сказать, тебе в нем не стыдно? Ходить в лохмотьях — уважать не будут.

— Хоть уважают, хоть не уважают,— ответила Алька,— нам плевать. Тебя-то уважать не за что. Ясно? — и решительно высморкалась.

# Ленинградцы

Часа в три я выскочила на крыльцо госпиталя: к пяти надо было в школу, а до этого забежать домой, чтобы пообедать и взять портфель.

В госпитале мы с подругами кормили раненых, которые не могли есть сами, писали и читали письма, перематывали выстиранные бинты — в общем, делали все, что могли. Раненые называли нас: «сестренки». С того дня, как еще в сентябре пришли в свою бывшую школу и, очень стесняясь, спросили, не можем ли помочь, мы аккуратно дежурили в госпитале с одиннадцати до трех. Уроки делали с утра, в школу ходили вечером: мы уже были старшие, в шестом классе, и учились в третьей смене.

Возле крыльца я увидела Альку. Она прыгала и



*Мы выглянули из-за деревьев... Маленькие фигуры на носилках, которые осторожно несли санитары, были покрыты простынями. Нас поразила тишина...*

махала руками — ждала меня. Рыжие, вернее, оранжевые ее волосы торчали короткими прядями вокруг розового лица, узкие зеленые глаза блестели, веснушки сияли на щеках. В общем, обычная Алька, одетая в свое будничное платье, перешитое из старого бабушкиного халата. Бумазея этого платья стала похожей на марлю, а маленькие дырочки, в которые превратились голубые горошины, нам с Алькой уже надоело зашивать. На ногах Альки были резиновые подобия обуви, сделанные кем-то из отходов производства на местном шинном заводе. Мои ступни обтянуты такими же изделиями малинового цвета.

— Быстрее, быстрее! — торопила Алька. — Там ленинградцев привезли, в соседний госпиталь!

Она дружила с мальчишками, которые почему-то считались городской шпаной, и всегда все знала.

Мы быстро пробежали несколько улиц, перелезли через изгородь парка, нырнули в какую-то дыру между заборами и сараями и очутились в школьном, вернее, больничном, саду. В городе почти во всех школах были госпитали. Широкие окна школ были крест-накрест перечеркнуты защитными бумажными полосками. Была весна сорок второго года.

Мы выглянули из-за деревьев. В школьном дворе стояли санитарные машины. Люди в белых халатах быстро, почти бегом, несли пустые носилки к машинам и возвращались медленно, осторожно ступая по дорожкам. Маленькие фигуры на носилках были покрыты простынями. Нас поразила тишина. Люди не говорили ни слова.

По дорожке, лицом к нам, шла пожилая женщина. По широкому доброму лицу ее текли слезы, заполняя морщины на щеках и подбородке. Крепко прижимая к себе, несла она кого-то в белой рубахе, и слезы капали на эту рубаху, оставляя темные пятна. Когда женщина миновала нас, мы увидели лежащую на ее плечах голову того, кого несла она. Огромные глаза до жути серьезно смотрели из черных впадин. Мы вздрогнули, увидев этот взгляд. Высохшие желтые руки бессильно висели вдоль спины женщины, несоразмерно большие кисти качались в такт шагам.

— Пошли отсюда, пошли, — тянула меня Алька, и мы пробрались к забору, натыкаясь от слез на деревья.

# Июль сорок второго

Наши палатки стояли на горке в лесу. Вечерами солнце зажигало над нами костер на вершинах самых высоких сосен. Очень похожий на костер, который мы разводили под их корнями чуть позже, когда солнце уходило от нас.

Внизу, под горкой, по чистому желтому песку и белым круглым камням текла лесная речка, собирала в себя воду из родников: их было много в траве и во мху. На эту речку мы ходили за водой.

Палатки наши, видавшие виды, с заплатами, достались нам от воинской части, стоявшей в школе перед отправлением на фронт. Командир части, смотря на серьезных худых детей, на их классную руководительницу, тоже худенькую, озабоченную и добрую, отдал нам списанные палатки и котел полевой кухни. Учительница побывала в райкоме комсомола, договорилась, и под огромными соснами на горке встали палатки.

Еще мы решили, что палатки похожи на паруса лодок, а трава — на волны зеленого моря. Мы очень любили свой лагерь, друг друга и наших вожатых — высокую светловолосую Лиду и кареглазую Ниночку, десятиклассниц нашей школы. Все мальчишки из их класса были на фронте, и Ниночка каждую неделю ездила в город за письмами. Вожатые по многу раз перечитывали каждое письмо. Особенно много белых треугольничков приходило от парня, которого Лида называла Нинкин Володя.

Больше всего мы любили ночные дежурства. Хорошо, что в лагере были любители поспать, и мы

*Я поняла, что заблудилась...*



дежурили в свою и в их очередь. Готовились к ночному дежурству заранее. Картошки и хлеба достать было нельзя, но грибов в лесу мы собирали множество и прятали в кустах: вожатые строго-настрого запретили питаться ими. Несколько неопытных грибников, объевшихся в первый день лагерной жизни, испортили нам дело.

Но мы все равно варили великолепную густую похлебку из маслят, подосиновиков, подберезовиков, боровиков и сыроежек. Ведь щи из щавеля и картошки, каша из пшеничных зерен и наша любимая мучная каша (крупным достоинством ее была возможность добавки, каша очень разваривалась, росла в котле прямо на глазах), словом, все, что готовила в котле полевой кухни наша школьная повариха с помощью вожатых, устраивало нас по качеству, но по количеству этого было явно недостаточно.

В этот раз мы забыли принести воды. Весь лагерь уже спал. Небольшой костер горел на опушке за палатками. Мы несколько раз обошли лагерь. Все было спокойно, тихо. Игорь Кочерыжкин, захватив котелок и ведерко, пошел к реке, но скоро вернулся, сказав, что повредил ногу. В лесу стояла тишина. Только иногда в чаще кричал кто-то непонятно и страшно. Темная сырость надвигалась на костер.

Я взяла котелок и ведерко, пошла к знакомой тропке. Но через несколько шагов дорога стала совсем незнакомой. Лохматые чудовища протягивали свои корявые лапы со всех сторон, хватали за плечи, лизали мокрыми языками. Я нарочно останавливалась, трогала руками кусты, гладила их и уговаривала: «Ну, вы что, вы чего меня пугаете? Ведь я же своя!» Чудовища уползали в кусты поглубже, смотрели поблескивающими глазами. Вдали ревели неведомые звери, я успокаивала себя, что это коровы на скотном дворе.

Несколько раз я чуть не повернула к костру. Потом поняла, что заблудилась: обычно до реки не больше пяти минут, а я шагаю уже минут пятьдесят, не меньше. Тогда я стала думать о наших партизанах. Как они пробираются ночью по лесу, подходят к деревне и не знают, что встретят там, кто ждет их темными стволами в избах с черными окнами... Фашисты не знают пощады.

Послышалось журчание воды. Босыми ступнями чувствую знакомые уступы тропинки. Река блестит в темноте, светлые струи обегают камни. На середине речки я зачерпнула самой чистой, прозрачной воды, напилась — капли звонко падали из котелка в реку,— набрала еще воды, по темной тропе поднялась к костру, и мы повесили котелок над огнем.

Когда доваривалась похлебка и мы осторожно сыпали в котелок, прямо в душистый пар, добытую днем соль, пламя осветило худощавое лицо, знакомые светлые глаза. Над костром стояла вожатая Лида. С тоской взглянув на грибы, я ахнула:

— Все пропало!..

— Пропало,— задумчиво согласилась Лида и ушла в темноту, не сказав больше ни слова.

Мы радовались костру, грибной похлебке, чаю, для которого днем набрали много малины и поздней земляники. Радовались луне, неподвижно стоящей в темных ветвях сосен, там, где солнце вечерами зажигало свой костер, радовались тишине в лагере и спокойному лаю собак в соседней деревне.

Был июль 1942 года. Через некоторое время я узнала, что в этот день в военном госпитале умер мой отец. Он был красногвардейцем еще в гражданскую и сейчас на фронт пошел добровольно, долго уговаривал в военкомате взять его, не подходящего по возрасту.

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

# Баллада о вечном огне



...Казалось, единый и длинный взрыв,
Мешая землю и камень,
Скалу ударами мин изрыв,
Грохочет уже веками.
Осколки чугунных воющих мин,
Осколки скалы
И пламя,
Казалось, заполнили целый мир,
Сжигая его
И плавя.

И гарью, дымом окружена,
Внезапно, стремительней сокола,
Взметнулась мертвая тишина
До самого неба
Высокого.
Мертвая тишина везде...
Под долгим огнем минометным
Все живое на высоте
Должно было стать
Мертвым.

Но вот
Он поднял новых солдат —
Крикливый фашистский ротный —
У каждого егеря — автомат,
Каждый — рыжий и рослый.
Они рванулись на высоту,
Задымленную, опаленную,
Смертельную переступая черту,
Лезли они по склону.
Дымились воронки,
Дымилась скала
И почва, скалу закрывшая,
Черной и страшной земля была,
Горькою и застывшей.

Егеря
Почти до вершины дошли,
Шаги выбивая мерные.
И вдруг из черных завалов земли
Встал человек медленно.
Черным у русского было лицо.
На миг опешили немцы,
И черный его пулемет свинцом
Ударил по чужеземцам.
И огненных очередей полет
Хлестнул по врагам, не мешкая,
И сразу же ожил второй пулемет,
Врезаясь в цепи немецкие.

Мстя, трассируя и горя,
Пули отпор вершили,
И мертво рушились егеря
Почти у самой вершины.

И взвилась ракета, полдень слепя,
Дымный след оставляя узкий...
Опять вызывали огонь на себя
Эти двое оставшихся русских.
И ужас объял фашистских солдат
На этой высотке грозной.
Они заметались,
Рванулись назад,
Обратно...
Но было поздно.
И черные мины ложились в ряд,
Воздух лесной надрывая,
И наших,
И роту фашистских солдат
Шквальным огнем накрывая.

И снова смешались
С землей, с огнем
Осколки камней и металла.
И вдруг этот холм заходил ходуном,
И пламя в дыму заметалось.
Огромная трещина черной стрелой
Внезапно прошла по вершине,
И пламя из недр
Вознеслось над скалой,
Казалось, такой нерушимой...
Разверзлась земля.
Словно грома раскат
В глубинах своих породила...
Летящие мины
И серых солдат,
И обера их поглотила.

* * *

Леса в нашем крае тревожно густы.
И там,
В этом памятном месте,
С военных времен уже нет высоты.
И только задумчивый месяц
Скользит по волне, что светла и чиста,
Как верное сердце солдата.
Там озеро.
Там, где была высота,
Где пламя металось когда-то.
Там снова пылает огонь по ночам,
И множатся блики в озере,
И нет предела ярким лучам,
Которые в пламени ожили.
В мирное время, на мирной земле
Пылает костер заброшенный,
Он страннику путь укажет во мгле,
Он обогреет продрогшего.
Уставшему он прибавит сил,
Заблудшего к цели направит...
Честный и добрый Родины сын
Увидит в ночи это пламя.

# ОТ ЛОЖКИ ДО ГОРОДА



## КТО ЖИВЕТ В МУЗЕЕ, или Искусство вокруг нас

На улице и дома, в школе и на работе ежедневно и ежесекундно мы сталкиваемся с творениями художников. Можно считать, что все мы живем в музее. Присмотритесь: одежда, мебель, посуда, дома, автомобили, тракторы, телефоны и телефонные будки, киоски и даже фонарные столбы имеют приятную для глаза и точно выверенную форму. Я уж не говорю о таких предметах, как книги, афишные стенды с плакатами, цветные панно на стенах домов, где присутствие руки художника очевидно. Но и в создании почти всего, всех окружающих нас вещей участвовал художник. Таких художников называют д и з а й н е р а м и.

В 1983 году в помещении миланского театра «Ла Скала» проходил международный конгресс дизайнеров. Тема его была: «ОТ ЛОЖКИ ДО ГОРОДА» — на конгрессе обсуждали то, чем занимаются дизайнеры. Вот и получается, что мы действительно окружены произведениями искусства, как в музее.

## МАСТЕР БОЧАР И ЕГО ПОДМАСТЕРЬЕ, или Рука и машина

У великого немецкого сказочника Э. А. Гофмана есть история о средневековом молодом подмастерье, который служил у бочара Мартина. Чтобы иметь право жениться на дочери мастера, он построил великолепную бочку — произведение бочарного искусства. Потратил он на это много месяцев.

Когда-то любая вещь — бочка ли или часы — делалась вручную. И умелая, искусная рука человека придавала каждой вещи своеобразие, неповторимость. Сегодняшние машины подчас куда более изощрены, чем человек, да к тому же создают вещей больше и намного дешевле прежних, ремесленных. Но машина не художник. Она может выпускать лишь вещи-близнецы. Это принцип работы любой машины.

Но в чем же должна заключаться работа художника?

Не раскрашивать же, к примеру, каждую чашку, не украшать же завитушками каждую из многих тысяч изготовленных ваз. Так, пожалуй, придется собрать всех художников со всего света на один фарфоровый завод.

## ЛИШНИЕ ВИНТИКИ, или Где спрятана красота?

Кому из нас не приходилось разбирать в детстве тайком от мамы будильник или только что купленную механическую игрушку? Собрав вещь снова, мы вдруг обнаруживали, что остались лишние винтики. И куда их девать, непонятно. А будильник перестал ходить, заводной грузовик — ездить. Естественно: «лишних» винтиков не существует.

Художник-дизайнер как раз и занимается тем, что, как ребенок, «развинчивает» вещь, ищет «лишние» винтики, пытаясь упростить конструкцию. И тут оказывается зачастую, что не все винтики необходимы. Конечно, речь идет уже не просто о винтиках, но о форме детали, соотношении ее частей.

Художник не создает новую конструкцию, не подменяет инженера-проектировщика, но в содружестве с ним заново лепит вещь, придавая ей гармоничную и целесообразную форму. Дизайнер ищет красоту в самой конструкции вещи, внутри нее.

## КРЕСЛО КОРБЮЗЬЕ, или Красота пользы

Еще древние философы говорили о «красоте и пользе» — о том, что бесполезное украшательство никогда не обладает подлинной красотой. Великий французский архитектор Ле Корбюзье, создавая в начале нашего века новую архитектуру, считал, что не только дом, но и мебель, любая вещь в доме должны быть сконструированы точно, рациональ-



но, их форма должна быть оправдана их назначением, пользой. Он видел красоту в том, что полезно.

Проектируя универсальное кресло, Корбюзье работал как художник-дизайнер. Прежде всего он учел рекомендации врачей и выявил наиболее удобную и правильную позу человека сидящего и лежащего. Линия изгиба позвоночника человека и стала контуром кресла. Остов Корбюзье сделал из тонких металлических трубок, а пружинные спинку и сиденье обтянул материей. Кресло могло раскладываться так, чтобы постепенно человек оказывался в полулежачем положении — для отдыха. И каждый раз изгиб спинки кресла в точности соответствовал наиболее удобному для человека изгибу его спины. Сидя в таком кресле, человек не устает, а его позвоночнику не грозит искривление.

И тут оказалось, что плавные контуры легкого и изящного кресла не просто рациональны, практичны, но и приятны для глаза, красивы. Словно бы не кресло перед нами, а нарисованное в пространстве тонкими линиями металлических трубок пластично изогнутое человеческое тело.

## САНКИ И САМОЛЕТ, или Польза красоты

Есть такой вид зимнего спорта — бобслей. Спортсмены катятся с горы по извилистому ледяному коридору на особых санках. Скорость, а значит, и победа во многом зависят от формы санок, их легкости, обтекаемости.

Советские художники-дизайнеры создали такие санки, на которых советские спортсмены сразу же выдвинулись в первые ряды в мировом бобслее. Форму санок подсказала капля дождя, стремительно сбегающая по стеклу. По рисунку дизайнера конструкторы рассчитали и построили санки-каплю.

Так теперь нередко случается — не художник украшает готовую вещь, а форму, созданную художником по законам красоты, рассчитывает по математическим законам инженер-проектировщик.

Был такой случай в практике самолетостроения, когда тщательно рассчитанная модель самолета вопреки всему не взлетала. И тогда в работу включился дизайнер. Он чуть изменил, прорисовал плавной, красивой линией контур крыла и фюзеляжа. Проектировщики заново по рисунку художника скорректировали свои расчеты, и самолет взлетел. «Некрасивые самолеты не летают»,— говорят авиаконструкторы. И в этой полушутливой фразе есть большая доля истины: красота вещи и ее целесообразность неразделимы.

## ИЗОБРЕТАТЕЛИ ВЕЛОСИПЕДА, или Что делает дизайнер

Дизайнер не просто художник. Он художник-конструктор. Не «украшатель» вещи, а создатель ее вместе с инженером. И знать ему нужно не меньше. Если он ищет форму самолета или его частей, то он должен разбираться в аэродинамике и основах конструирования летательных аппаратов. Если он создает модель магнитофона, то непременно должен разбираться в электронике и радиосхемах. Только тогда он сможет в давно устоявшейся и привычной конструкции найти новые возможности для создания более совершенной формы.

«Не изобретай велосипеда»,— говорят тому, кто занимается общеизвестным. Но как раз дизайнер нередко обращается к вещам, которые стали для нас привычными. Тот же велосипед, прошедший через руки художника-конструктора, приобретает новую форму. Дизайнеры из Дании сконструировали совершенно необычный велосипед. Кажется, что еще можно придумать нового, имея в распоряжении два колеса, раму, руль и седло? Однако дизайнеры поместили рулевое управление и седло над задним колесом. И велосипед приобрел не только новую форму, но и новое качество.

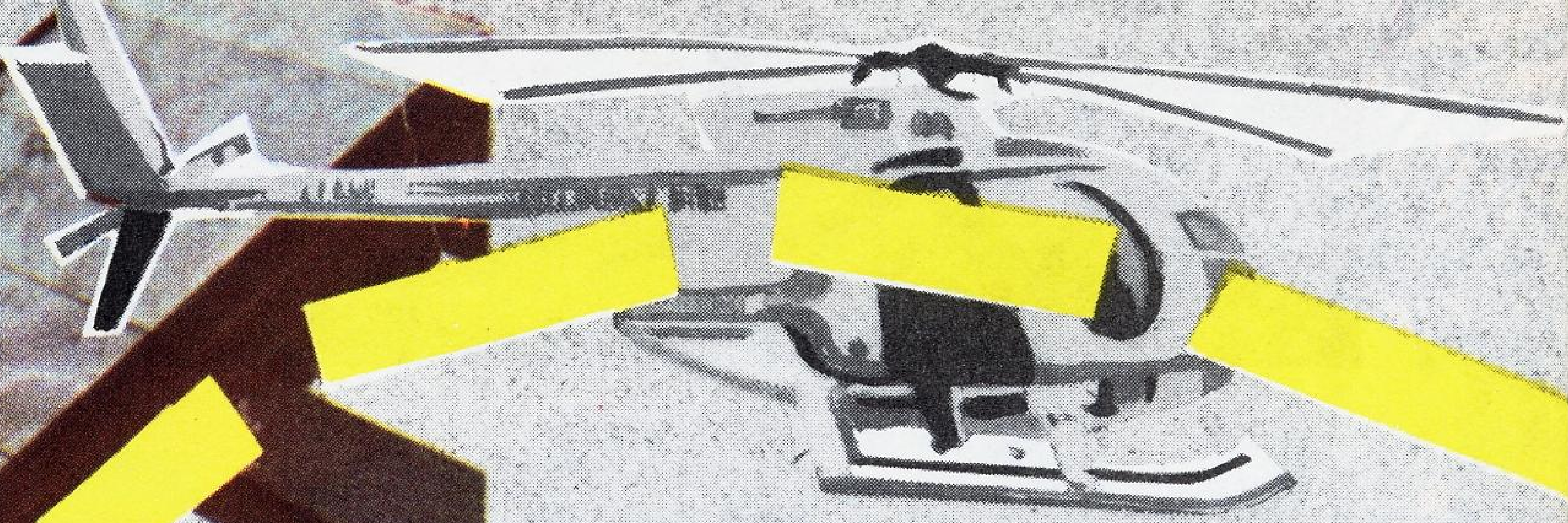
Человек сидит не согнувшись в три погибели, а, наоборот, чуть откинувшись назад, словно бы отдыхая. Меньше усилий нужно, чтобы крутить педали, а мышечная сила ног используется полнее. Улучшается обзор, и намного уменьшается риск падения или столкновения с препятствием.

Заметьте: улучшилась **техническая характеристика** вещи, а не только ее внешний вид. Вот почему художника-дизайнера часто называют дизайнером-конструктором.

## МУЛЬТМЕН, или Как поверить алгеброй гармонию

В кукольных мастерских студии «Мультфильм» были изготовлены странные существа. Куклы — не куклы. Роботы — не роботы. Манекены — не манекены. Чем-то они похожи на африканские скульптуры из полированного дерева. Но в отличие







от скульптуры, созданной по вдохновению, они были сделаны по расчету: каждая часть — деталь их, хоть и похожа на часть человеческого тела, явилась результатом сложных математических и статистических выкладок.

Это как бы среднестатистическая фигура человека. Руки, ноги, туловище, голова — все на шарнирах. Придумали его дизайнеры и назвали по месту рождения — Мультменом.

Мультмен помогает дизайнерам проектировать. Его сажают в модель автомобиля, или во вновь сконструированное кресло, или за пульт управления завода-автомата. Если Мультмену «неудобно», значит, и человеку будет неудобно. И модель переделывается.

Древнегреческий философ Протагор сказал: «Человек — мера всех вещей». Можно подумать, что сквозь тысячелетия он предвидел основной принцип работы дизайнеров.

## ВЕЩИ, КОТОРЫХ НЕТ, или Взгляд в будущее

Дизайнер стремится упростить форму вещей, окружающих нас. Во-первых, этого требует машинное производство. А во-вторых, наше понятие красоты изменяется. Сегодня нам больше нравятся не вычурные, а простые, ясные и четкие формы. Вещь должна быть легкой, прочной и удобной в обращении. Основное правило дизайнера: человек — хозяин вещей, а не наоборот.

Стремление сделать вещь как можно более удобной и к тому же занимающей минимум пространства привело к идее «несуществующих вещей».

Что же это такое? Представьте себе, что вы сидите в кресле, которого нет. За столом, которого нет. Режете хлеб ножом, которого нет. Кипятите чай на плите, которой нет. Что за чепуха?

Но, как ни странно, уже давно в наших домах существуют вещи, которые как бы не существуют: они уходят, «прячутся» в стены и потолки квартиры. Громоздкая печка превратилась в нагревающуюся стену. Люстра — в светящийся потолок. Колокольчик, шнурок и дверной молоток у входа в дом стали крохотной кнопкой звонка. А невидимые провода, скрытые в стенах?

Так почему же не представить себе кресло и стол из сжатого воздуха — воздушной подушки? Все это поможет высвободить в нашей квартире дополнительное пространство — место для игр, отдыха, общения.

## УКРОЩЕННЫЕ РОБОТЫ, или...

Всегда человек был окружен животными. Сначала только дикими. Потом некоторых из них человек приручил.

Сегодня мы окружены машинами. Их вокруг нас даже больше, чем животных. Если не умеешь с машиной общаться, она как бы дикая, непокорная. Машину надо приручить. Приручение машин настолько серьезное дело, что появилась наука о взаимоотношении машины и человека — эргономика. А в самой этой науке — термин «система человек — машина».

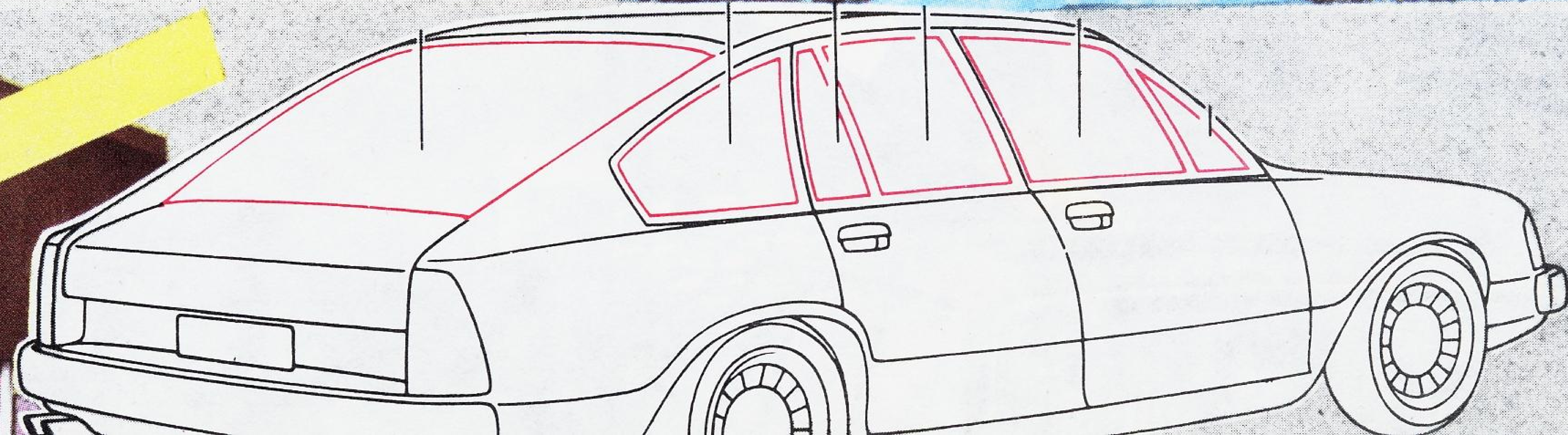
Фантасты часто пишут о бунте машин, о восставших роботах. Ученые, конечно, не рассматривают машину как живое существо, но в системе человек — машина живое существо, как вы догадываетесь, есть — это человек. И ученые разных специальностей — психологи, антропологи, инженеры — пытаются сформулировать законы поведения человека в этой системе.

Работа дизайнера в этом содружестве ученых занимает не последнее место. Дизайнеру приходится быть одновременно и психологом, и инженером, и антропологом. Дизайнер создает не картину, не скульптуру, а формирует по законам красоты и пользы окружающую нас предметную среду — все, что создается руками человека.

**Леонид ЯХНИН**

**Рисунки А. ДЕРЖАВИНА.**










## Невыдуманные диалоги

### НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

**Учитель.** Составь предложение, где был бы союз «не только, но и...»!

**Ученик.** Он умел не только ходить на лыжах, но и есть пельмени...

Егор Кравченко,
г. Харьков.

* * *

**Учитель.** Назови синоним к фразеологизму «клевать носом»?

**Ученик.** Храпеть!

Света Кузнецова,
Мурманская обл.

* * *

**Учитель.** Составь предложение со словом «кактус»!

**Ученик.** С кактуса падали пожелтевшие листья...

Марина Багаутдинова,
Наташа Веникова,
Новосибирская обл.

### НА УРОКАХ ПЕНИЯ

**Учитель.** Что из себя представляет нотная тетрадь?

**Ученик.** В нотной тетради каждый лист расчерчен на пять чертей...

Леся Кардашевская,
Киевская обл.

* * *

**Учитель.** Какой музыкальный инструмент ты любишь больше всего?

**Ученик.** Магнитофон!!!

Леня Лихачев,
г. Рига.

### НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

**Учитель.** Что ты можешь рассказать о море?

**Ученик.** Море — это много воды, со всех сторон окруженное водой...

Лена Еремеева,
Якутская АССР.



## Из школьных сочинений

«Он был высокий, с маленькими подстриженными ушами...»

«У собаки встал дыбом мех».

«На окне висела тюленевая занавеска».

«У него был нос с тонкими чертами лица».

«Пахом был одет в рубаху и посох».

**За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЕНИН.**

**Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.**



# СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВ

**(1875—1953)**

В книгах Сергея Григорьева, где были помещены его фотографии, глядит на читателя суровое, бородатое лицо старика... Не надо верить этой суровости. Сергей Тимофеевич Григорьев был добрейшим человеком. А к тем, для кого он писал книги — к детям,— испытывал самую нежную привязанность, интерес и верную, постоянную любовь. Об этом свидетельствуют его жизнь, его произведения.

В детскую литературу он вступил не начинающим, молодым писателем, а человеком, у которого за плечами большой, нелегкий жизненный и литературный опыт. Свой первый рассказ он написал еще в прошлом веке — правда, в самый последний год века — 1899-й. И удивительное дело — этот первый рассказ Григорьева был о детях. Но потом долгие годы Сергей Тимофеевич жил трудной жизнью дореволюционного газетчика. Учиться ему не удалось, из института в Петербурге его прогнали за участие в революционном движении. Стал он работать в провинциальных газетах. Но и там его статьи против купцов, против местного начальства запрещались, иногда за эти статьи закрывали газеты, и приходилось Григорьеву переезжать из города в город, чтобы начать писать на новом месте и как-то прокормиться... Только после революции и гражданской войны, поселившись в маленьком подмосковном городе Загорске, решил он отдаться целиком литературе, о чем мечтал всю жизнь.

Без малого полвека было Сергею Григорьеву, когда он в 1923 году написал свой первый рассказ для детей — «Красный бакен». Первые книги нового детского писателя были написаны по свежим впечатлениям гражданской войны. «Белый враг», «Тайна Ани Гай», «С мешком за смертью» — во всех этих книгах рассказывалось о жестоких испытаниях войны, о судьбах детей и подростков, захваченных водоворотом битв, голода, разрухи. Время, в котором жили герои книг Григорьева, было необыкновенным, и необыкновенными были приключения мальчиков и девочек, ставших героями его книг.

Сергей Григорьев за тридцать лет, которые он проработал в детской литературе, написал множество книг. Большая их часть была посвящена истории. Но о каких бы исторических событиях оч ни писал, в центре всех книг Сергея Григорьева — судьбы детей и подростков. И даже в книгах о знаменитых полководцах прошлого, особенно Суворове, он внимательно всматривался в детство — там искал истоки будущего. Повесть «Мальчий бунт» посвящена знаменитой стачке 1885 года на текстильной фабрике Морозова в Орехово-Зуеве. Но названа она так не для приманки молодого читателя. Писатель рассказал о горькой участи детей рабочих, об их участии в революционной борьбе рабочего класса.

В 1927 году Сергей Григорьев написал одну из своих наиболее известных повестей — «Берко-кантонист». Повесть Сергея Григорьева наполнена жалостью к несчастным детям, которые становились жертвами национальной ненависти и крепостной жестокости.

Сергей Тимофеевич Григорьев написал для детей целую библиотеку — больше сорока книг и много рассказов. Он написал о декабристах («Флейтщик Фалалей»), о разгроме наполеоновских войск в России («Двенадцатый год»), о героической обороне Севастополя в 1854 году («Малахов курган») и о многих других исторических событиях. Но с не меньшим интересом Сергей Григорьев писал для детей о технике. И прежде всего о паровозах, о железной дороге. И неудивительно. Отец Григорьева был паровозным машинистом, более четверти века водил поезда. Будущему писателю было пять лет, когда отец взял его с собой на паровоз и дал ему тронуть с места ручку регулятора. Тронул — и поезд двинулся... Вспоминая этот случай, Сергей Тимофеевич говорил: «С тех пор я нежно люблю паровозы...» И не только паровозы, но и все машины, которые создает для удобства людей творческий труд инженеров и рабочих. Сергей Григорьев писал о паровозах, швейных машинах, радиостанциях, пароходах... Он старался внушить своим читателям великое уважение к тем, кто создает умные машины и облегчает ручной, часто неимоверно тяжкий труд.

Уже будучи известным писателем, чью деятельность высоко ценил Максим Горький, Сергей Григорьев писал для детей самых разных возрастов небольшие рассказы и очерки не только об истории, но и обо всем новом, что придумывал человеческий гений. Сергей Григорьев много работал в детской печати. Но самым его любимым детским журналом был «Пионер». Он был членом его редколлегии, в нем печатал свои повести и рассказы.

Идет второе столетие со дня рождения Сергея Григорьева. И больше трех десятков лет прошло после его смерти. Но живут книги писателя. Переиздаются, перепечатываются, не стоят чистенькими, нетронутыми на библиотечных полках. А раз живут книги писателя, то и живет всегда память об их авторе — талантливом, умном и добром человеке, каким был Сергей Тимофеевич Григорьев.

**Лев РАЗГОН**

Эдуард КОРПАЧЕВ

# ЗАКОН КОМАНДЫ

РАССКАЗ

## 1

Не отдыхай на футбольном поле, не давай себе послабления ни на миг! Не плетись шажком после атаки и не жди, пока игроки распасуют мяч и выведут тебя на ворота, а сам добывай неуловимый этот мяч! Не взглядывай на трибуны, не ищи у них поддержки и любви! Не надейся на партнеров своих, а сам пересекай вдоль и поперек зеленое пространство, сам царствуй на этом пространстве!

И когда придет сила, которая на языке бегунов зовется вторым дыханием, ты прекратишь следить за временем. Ты будешь носиться, восхищаясь своей неутомимостью и страстно желая забить гол таким красивым и сильным ударом, чтоб мяч не сразу утих, а еще трепетал в неводе ворот. О, это желание забить гол, пожертвовать всем, но забить гол! Подвернуть ногу, расшибить колено, но забить гол! И вот тут-то, когда мяч еще бьется в сетке ворот, ты бежишь со страдальческой какой-то улыбкой, потому что совсем нелегко забивать гол, и преданно смотришь на своих ребят: ребята, мы забили, мы побеждаем, ребята!

В непрестанном кружении по полю, в погоне за мячом, в исступленном желании забить гол Юр-юр, которого звали так потому, что это легче, чем Юра Юркевич, Юр-юр не ждал судейской сирены, не ждал отдыха. И на перерыв он пошел с ребятами не отдыхать, а ждать возобновления игры, непрекращаемого бега, красивых передач и красивых ударов. И потому совершенно немыслимыми и возмутительными показались ему слова капитана команды Леньки Некрашевского:

— Посидишь второй тайм. Отдохнешь для завтрашней игры.

Юр-юр вскинул белесую голову, вскинул резко и увидел глаза ребят, еще мгновение назад светившиеся благодарностью, потому что он забил гол и он был герой. А теперь в глазах ребят появилась растерянность.

Капитаном команды не всегда должен быть самый лучший игрок, но зато всегда — самый мудрый и самый уважаемый. Юр-юр ценил своего капитана, но сейчас, когда все в Юр-юре жаждало игры и бега, игры и бега, возразил со злостью:

— Я не устал, и я не хочу тут сидеть!

— Юр-юра заменит Алик,— обдуманно добавил капитан, поискал взглядом запасного Алика Дудника, робевшего и прятавшегося за чужую спину, и голосом старшего брата, умудренного человека, сказал:— Нам твои ноги, Юр-юр, еще нужны будут завтра. И потом. Еще никто не знает, как повернется первенство. Ты забил классный гол, Юр-юр, но мы не знаем, как повернется первенство...

И все-таки, хотя говорил Ленька Некрашевский вразумительно и искренне, никаким не был он мудрым капитаном, ничего он не понимал. Потому что он, Юр-юр, не щадил себя на этом зеленом пространстве весь тайм и готов опять носиться без устали, опять прорываться к воротам и поражать их сильнейшим ударом — и все для них, для ребят, для капитана, для своей команды! Никогда не отослал бы мудрый капитан своего игрока отдыхать, если бы видел в нем запас страсти нападать и забивать. И вот Юр-юр, чувствуя обиду, произнес:

— Так, может, мне уже совсем не играть за вас?

Минуту капитан и игрок смотрели друг на друга в упор, и минута разделяла их, разбрасывала в разные стороны. А ведь совсем недавно, еще день назад, они с Ленькой вот так же минуту смотрели друг на друга в упор, признаваясь молча в своей дружбе. Минута того молчаливого признания в дружеских чувствах была как раз накануне переезда родителей Юр-юра из большого дома на Советской улице в новый дом на Почтовой улице. Очень волновались тогда Ленька и Юр-юр, чтобы не проведали игроки и судьи о переезде Юр-юра в другой дом, чтобы не потребовали играть на первенстве уличных команд за Почтовую улицу. Чтобы не придирались игроки и судьи, Ленька и Юр-юр решили в тайном сговоре, что он, Юр-юр, по-прежнему будет жить в большом старом доме, уже не в своей опустевшей квартире, а в квартире своего друга, капитана своего. Такая прекрасная была та минута, и такая ожесточающая обоих минута выпала им теперь!

Словно досадуя на несообразительность Юр-юра, Ленька Некрашевский стал пояснять с раздражением:

— А недавняя твоя травма? Колено до сих пор болит? А ты и завтра нужен команде.

— Но я не устал, и я не хочу тут сидеть! — запальчиво повторил Юр-юр.

— Юр-юр, пойми: со стороны виднее,— не уступал капитан.— В конце тайма ты столкнулся с игроком, схватился за коленку... А завтра ты опять

нужен команде! Да и могу я что-то решать? Посидишь второй тайм.

— Это мне виднее, могу я играть или нет! — противился Юр-юр несправедливому решению капитана.— И хотя бы за пятнадцать минут до конца второго тайма заменили, а то... Как это мне сидеть весь тайм? Или, может, мне уже совсем не играть за вас?

И едва повторил он эти слова, надеясь ранить ими капитана, как в то же мгновение понял, что самому себе причинил боль.

А Ленька Некрашевский в недоумении уставился на Юр-юра, точно все еще не верил своим ушам.

Должно быть, все и кончилось бы решением капитана, лишавшим Юр-юра лихорадки игры до следующего дня, если бы не донесся с ближайшей скамейки, где сидели игроки Почтовой улицы, голос их капитана Славки Пороха:

— А что — играй за нас, Юр-юр. Теперь ты на Почтовой живешь, можешь за нас... Приходи к нам, Юр-юр. И будешь бегать у нас без никаких замен...

— А когда вы завтра играете? — вырвалось у него.

— В четырнадцать ноль-ноль. Ты у нас будешь в нападении без замен. Без никаких замен, Юр-юр! — клятвенно пообещал Славка Порох.

Ответить согласием или шуткой он не успел: с таким разочарованием посмотрел на него Ленька Некрашевский, точно он уже перешел в другую команду и стал для него чужаком.

И тут же Ленька Некрашевский отвернулся и принялся чуть ли не упрашивать Алика Дудника:

— Выйдешь во втором тайме, Алик. Выйдешь — ладно? А то вон какие обидчивые у нас игроки! Чуть что — бегут в другую команду... И смелее, Алик, перемещайся — с левого края к центру. Все время уходи от защитника!

Потом, завтра, вспоминая эту горячность свою Юр-юр будет каяться и ругать себя за неосторожные слова, будет оправдывать капитана и видеть особую мудрость в том, что капитан хотел поберечь его для завтрашней игры, но теперь все в нем кипело от досады. Он лихорадочно расшнуровал бутсы и не глядел совсем на поле, где опять появились по зову судьи две команды. А если бы и глядел, то все равно ничего не видел бы: такой мрак был на душе.

И на улице, слыша за спиной удары по мячу и песнь сирены, он тоже ничего не различал, и было ему стыдно перед самим собою, точно его прогнали с футбольного поля. И казалось, встречные понимают его стыд и то, что его прогнали с поля. Плетясь вот так, изгнанником, он озлобился до того, что стал желать поражения своей команде. Пускай бы все поняли, как дурно они поступили с ним. На мгновение он поразился своему предательскому желанию, но ведь так и может произойти, могут ребята проиграть, и он, мстительно воображая этот проигрыш, уже видел сегодняшний вечер, когда ребята придут к нему, подавленные, тоскливые, а он поймет их раскаяние, не будет злобы таить и с открытой душой скажет им что-нибудь такое: «Ничего, пацаны, если завтра у Мичуринской выиграем — еще не все потеряно». И тогда все станут глядеть на него еще чистосердечнее, еще с бо́льшим раскаянием и любовью.

Очень облегчало душу все воображаемое — весь нынешний вечер, проигрыш и раскаяние ребят. Он пока не прощал капитана, но уже зна́л, что вечером простит, и шел ожидать прихода кающихся ребят в свой старый дом на Советской улице.

Уже не жил он в том доме, но по привычке шел туда, домой, и лишь на лестнице, на ее исхоженных и словно бы измылившихся ступенях спохватился, что идет не домой, а в пустую квартиру. Но незакрытая дверь легонько, точно и не от толчка, открылась, явила перед ним пустующую большую и оттого уже чужую комнату.

Тоска по всему, связанному с этой комнатой, охватила его, но еще сильнее тоска эта стала потому, что еще день назад, когда они с Ленькой Некрашевским договаривались таить его переезд в другой дом, то решали ночевать или у Леньки, или вот здесь, на полу пустующей комнаты. А теперь никакого ночлега не предстоит. Все, переехали в новый дом, и нечего сюда заглядывать!




Рисунки В. ДУДКИНА.

Через каких-нибудь две-три минуты он уже стоял в новой, свежей, как будто сиренью пахнущей квартире на Почтовой улице, и его поразило, что отец и мать расхаживают по комнатам счастливые, то и дело выглядывают на балкон и даже на балконе улыбаются, празднуя переезд. Его поразило, что они так охотно изменили тому, старому дому. «А сам я?» — спросил Юр-юр у себя, имея в виду не измену старому дому, а команде своей, хотя никакой измены и не было: он погорячился, и капитан погорячился, но все еще поправимо. «Все поправимо»,— подумал он еще раз.

Может быть, сейчас и закончился матч, потому что именно сейчас Юр-юр почувствовал себя измотанным, словно после большой игры, и лег отдохнуть — до той поры, когда придут ребята и скажут про неудачу.

Он лежал, худощавый, в жиденьком тренировочном костюме, точно накрытый этим костюмом, потягиваясь иногда, тревожа усталые мышцы, внимал шуму, голосам за открытой балконной дверью. Заканчивался день, а ребята не приходили с раскаянием.

«Значит, выиграли!» — с испугом подумал он и встал, недовольный их выигрышем, подавленный еще более тем, что они сейчас такие счастливые и что у Мичуринской завтра тоже выиграют, если победили сегодня — в трудной игре и без лучшего нападающего. И вот тут, глядя, как смеркается вокруг, и сознавая безнадежность ожидания, Юр-юр по-настоящему испугался, что его уже и не возьмут в команду, что он уже чужой для нее. С раздражением повел он взглядом по темным, не освещенным ни солнцем, ни электричеством стенам квартиры, где так сразу начались для него злоключения, и, точно убегая от света, который вдруг зажгли в комнате, поспешил вон — на улицу.

Очень хотелось ему поскорее узнать, как закончилась игра и не принес ли победу единственный гол, забитый им. И необязательно долго выяснять, можно прокрасться в темноте, затаиться и по возбуждению ребят, по возгласам их догадаться, как закончилась игра.



Но никого не повстречал он во дворе старого своего дома и тогда снова поднялся наверх. Прежним ключом открыв свою квартиру, ступил в темень ее осторожно, словно ждал, что кто-то схватит за руку. Здесь, в безмолвии, замер, подойдя к окну и на ладонь приоткрыв створку его. Так тоже можно было услышать ребят и так можно было стоять хоть до полуночи.

Вскоре он с сердцебиением различил голоса Леньки Некрашевского и Алика Дудника, уловил очень дружелюбный тон их разговора. И один этот тон подсказал, что все закончилось победой. Победой для ребят и поражением для него.

Видно, капитан и бывший запасной помедлили мгновение перед тем, как войти в подъезд, и тут Юр-юр отчетливо, будто именно ему адресованные, услышал слова капитана:

— Завтра опять выйдешь на поле. А ты боялся! Все нормально.

— А может, сначала в запасе? — несмело и все же с радостью возразил Алик Дудник.

— Я же тебе сказал,— с недовольством перебил капитан,— теперь нету запасных. Видел, как легко Юр-юр переметнулся в другую команду? Как он мог мне сказать такое?

Юр-юр отпрянул от окна. Снова, как и там, на скамейках стадиона, после первого тайма, когда капитан предложил ему отдохнуть для завтрашней игры, его захлестнуло негодование: его уже не считают своим игроком.

«Да,— говорил он мысленно,— вон вы как! Если я погорячился, то вон вы как! А кто забил гол! Кто раньше забивал? Вам наплевать на это? Вон вы как!»

Раздражаясь и коря капитана, игроков, самого себя коря за то, что не жалел ни сил, ни пота для своей команды, Юр-юр почти бежал теперь и мысленно клялся, зарок себе давал никогда не появляться здесь, ни играть, ни тренироваться с ними, с этими... Никогда!

У него даже кулаки сжались, он обнаружил это у самого своего нового дома, когда к нему подошла какая-то ватага. Он узнал игроков Почтовой улицы и капитана их Славку Пороха.

— А мы тебя ищем! — Славка Порох ткнул его в грудь загипсованной рукой: у него был перелом, но Славка добился, чтоб допустили к первенству.— Теперь ты наш, все законно, и завтра приходи на игру. В четырнадцать ноль-ноль. Все законно, ты наш теперь, никакой судья не подкопается.

— А я вас тоже ищу! — упоенно соврал Юр-юр, обрадованный приглашением и этой любезностью Славки Пороха, этим поздним визитом.— Я согласен, только я должен отдохнуть перед матчем. Пока!

— В четырнадцать ноль-ноль,— взмахнул на прощание Славка Порох своей загипсованной рукой.

«Ну, начинается! — восхищенно сказал себе Юр-юр, оказавшись в новой квартире, где свежая краска пахла сиренью.— Начинается...» И так поманили его неожиданные события, так увиделись во всем этом похождения знаменитого игрока, которого один клуб переманивает у другого, охотится за знаменитостью, а знаменитость сам выбирает свою спортивную судьбу... «Вот так!— внушительно сказал Юр-юр воображаемому Леньке Некрашевскому.— Еще поплачете!»

И чтобы до конца понял Ленька Некрашевский, какого игрока лишился, Юр-юр дал себе сейчас еще одну клятву: завтра на зеленом пространстве иг-

рать за команду Почтовой улицы так, как будто это последняя и самая яркая игра, как будто после нее и заболеть не жаль.



## 2

Все, что так манило его вчера, все, в чем был такой откровенный вызов своей бывшей команде и ее капитану: и это злорадство, и это желание играть до изнеможения за новую команду,— все вчерашнее показалось ему невозможным. Он не знал, как будет жить дальше, уже не играя за Советскую улицу. И таким вздором были вчерашние разговоры с этим Славкой Порохом! Сейчас он более всего возмущен был Славкой и тем, что Славка беззастенчиво сманивал его в свою команду. А те слова, которые он, Юр-юр, говорил в ответ, были словами смятенного человека, и никакого договора не произошло, это надо забыть, как сон.

И все-таки, совсем не собираясь играть за новую команду, Юр-юр укладывал бутсы, щитки и гетры, футболку с номером «9» в спортивную сумку, втайне надеясь на какие-то иные события. Он оставался футболистом, Юр-юр, и не мог не пойти на стадион, что бы там ни ждало его.

Еще издалека, еще не ступив под арку стадиона, он уловил отчетливые, как хлопки, удары по мячу и невольно поспешил к скамейкам особенной походочкой, когда только что надел бутсы и прохаживаешься в них. А на скамейках игроки Почтовой улицы натягивали гетры нетерпеливыми, дрожащими руками, все они вдруг заметили его, стали восклицать, а ему словно спутало ноги в этот миг: он совсем не представлял, как выйдет играть за Почтовую улицу. Да, вчера он забил гол и сегодня может забить, но это не дело: вчера в одной команде, сегодня — в другой. Уж лучше так сидеть!



И он рассеянно посматривал на поле, где игроки пока разминались, косился по сторонам, выискивая ребят из старого своего дома, но их пока никого не было, и слабенькая надежда все еще не покидала его: вдруг придет Ленька Некрашевский и пригласит его снова играть за них, и никакие судьи не придирутся...

— А ты чего ждешь? — настороженно окликнул Славка Порох, поднося ко рту загипсованную руку и губами туже стягивая на руке марлевую ленточку.

— Я ничего,— с осуждением посмотрел Юр-юр на него.— Я не буду за вас.

— А уговор?

Все так же рассеянно окидывая взглядом поле, Юр-юр думал о том, что напрасно он пришел смущать игроков, понадеявшихся на него.

Он не очень прислушивался к тому, что там принялся ворчать Славка Порох. «Задавала,— твердил Славка Порох.— Зачем было обе-

щать?— вопрошал он.— Мы и без тебя проживем, задавала!»

Очень тягостно томиться футболисту на скамье, наблюдая игру вчерашних своих противников, припоминая, как обвел вот этого защитника и, остро срезая угол, рванулся к воротам, быстрее, быстрее, пока не опередил, и бей с левой ноги!

Он даже вскочил со скамейки, так ясно вообразив вчерашний матч, угар первого тайма, гол, забитый в первом тайме, а потом напрасное ожидание второго тайма — такое затянувшееся ожидание.

И пока шла игра, пока схватывались футболисты в игре за мяч и нервничали, покрикивали, пока Славка Порох, отпугивая противников загипсованной рукой, неустрашимо нападал, та слабенькая надежда все удерживала Юр-юра на скамейке, и он оглядывался по сторонам, надеясь увидеть в проеме арки спешащих на игру ребят из старого своего дома, бывшего капитана своего. Он уже знал, что после этой игры будет игра, в которой и он должен был бы по справедливости занять свое место, если бы не вчерашний день и если бы не этот спор с Ленькой Некрашевским. И нельзя было поверить, чтоб Ленька не помнил той минуты, чтоб Ленька, приняв поспешное решение, тоже не мучился теперь!

Потому, надеясь на прошлую дружбу и терзаемый слабенькой надеждой, повернулся он навстречу ребятам старого своего дома, которые уже пробирались сюда, к скамейкам, на ходу расстегивали свои сумки. И очень пытливо, требовательно и одновременно с мольбой поглядывал он на Леньку Некрашевского, который тоже заметил его, который тут же отвел взгляд, повернулся спиной к нему и принялся раздеваться.

И уже теряя надежду, но все так же поглядывая на бывшего своего капитана, зная, что в этот момент он выглядит жалким и подавленным, Юр-юр понял окончательно: не дождаться ему второго тайма.

Тут как раз опустело поле, побрели на перерыв две ватаги, и Славка Порох, недовольный, наверное, игрой, еще издалека стал что-то злое ронять, кивая при этом на него, Юр-юра.

— Ребята, а ведь Юр-юр — ветеран футбола,— громко и таким гадким голосом произнес Славка Порох, оказавшись уже на скамейке.

— На пенсии! — подхватил кто-то, и не было в эту минуту здесь, на скамейках, никого, кто не засмеялся бы или не ухмыльнулся.

Очень важно оказалось теперь и глазом не повести, выждать мгновение и с достоинством подняться и пойти вон, глядя поверх голов.

Пускай тебя не мучают, не истязают, но еще несноснее такая пытка, когда идешь, зная, что все тебе смотрят в спину, а ты идешь не спеша и твердо и просишь себя об одном: хотя бы удалось пройти с достоинством это огромное, это неизмеримое расстояние до арки.

## 3

Потом уже, к вечеру, успокоившись и глядя по телевизору другой, взрослый, мастерский футбол, Юр-юр все не переставал размышлять о своем уличном футболе, принесшем ему такие огорчения, и пытался постичь как-то бывшего своего капитана. Так необходимо было дознаться, что же руководило Ленькой Некрашевским, когда он так круто решал судьбу лучшего игрока, когда предавал ту незабываемую, почти до клятв в верной дружбе, минуту еще недавней поры. Зависть, что ли? А может, Ленька Некрашевский так обошелся с ним потому, что все равно он, Юр-юр, переехал на другую улицу?

Но, вспоминая капитана, его придирчивость и строгость, как он отчитывал взрослым голосом каждого, кто опаздывал на тренировку, как голосом брата хвалил за удачную передачу или гол, Юр-юр приходил к выводу, что никакая не зависть причиною всему, а именно придирчивость и строгость капитана, что капитана, должно быть, особенно потрясло, когда он, Юр-юр, с вызовом спросил, не перейти ли ему играть за другую улицу. Нет, ни о какой измене Юр-юр и не помышлял в ту минуту, сорвались с языка проклятые слова, а Леньку Некрашевского, должно быть, это и потрясло.

И вот, найдя причину огорчительных происшествий, Юр-юр торжественно и мрачно раздумывал уже о новом своем решении и в молчании закалял душу.

Еще столько игр впереди, еще каждый день будет искушать погоней за мячом, но он, Юр-юр, не пойдет на поклон ни к игрокам прежнего своего дома, ни к игрокам Почтовой улицы. Он был игроком Советской улицы, а потом переехал на Почтовую улицу, но все равно остался игроком Советской улицы. Он знает, чему он верен. Пускай игроки Советской улицы не знают, а он знает. И не пойдет к ним на поклон. Ветеран в тринадцать лет, футболист на покое — пусть! Он все пересилит, потому что так надо. И пускай он отвергнут своими, закон команды все равно требует его верности ей.

Какие-то голоса послышались ему под балконом, с асфальта. Он прислушался, вновь, как и вчера, представив своих ребят, пришедших с раскаянием, и еще горше стало ему теперь.

— Юр! — позвали осторожно снизу, с асфальта.— Юр-юр!

Он рванулся на балкон, увидел в темноте задранные головы, а потом, сразу остывая, различил меловую руку Славки Пороха.

— Ты чего? — лебезяще окликнул Славка Порох.— Ты чего там выдумал? Ведь был уговор, и ты наш, все законно...

Они стояли с задранными головами, а он замер на балконе, сдерживая себя.

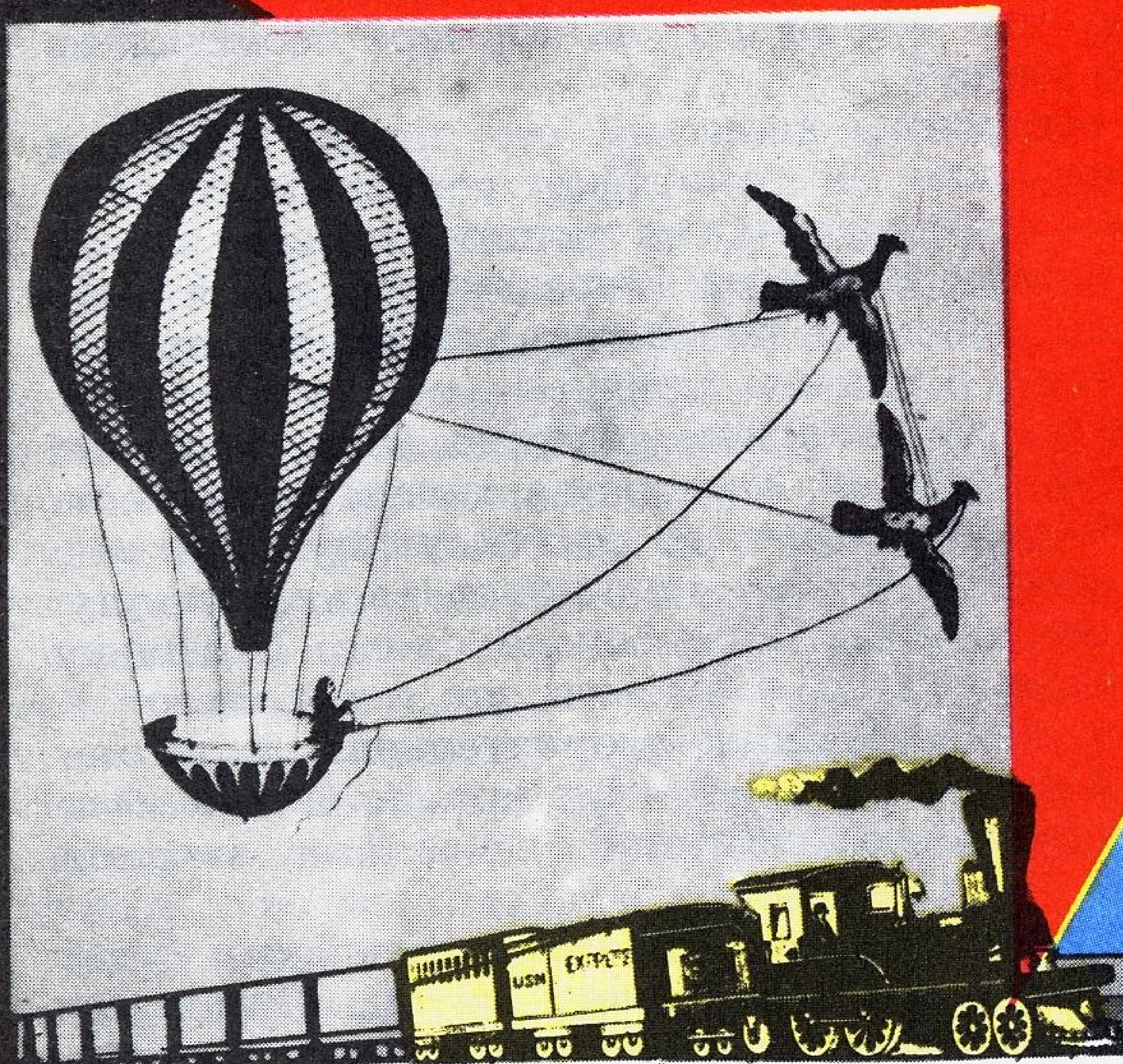
— Ты иди,— с угрозой сказал он Славке Пороху,— а то не посмотрю, что в гипсе...

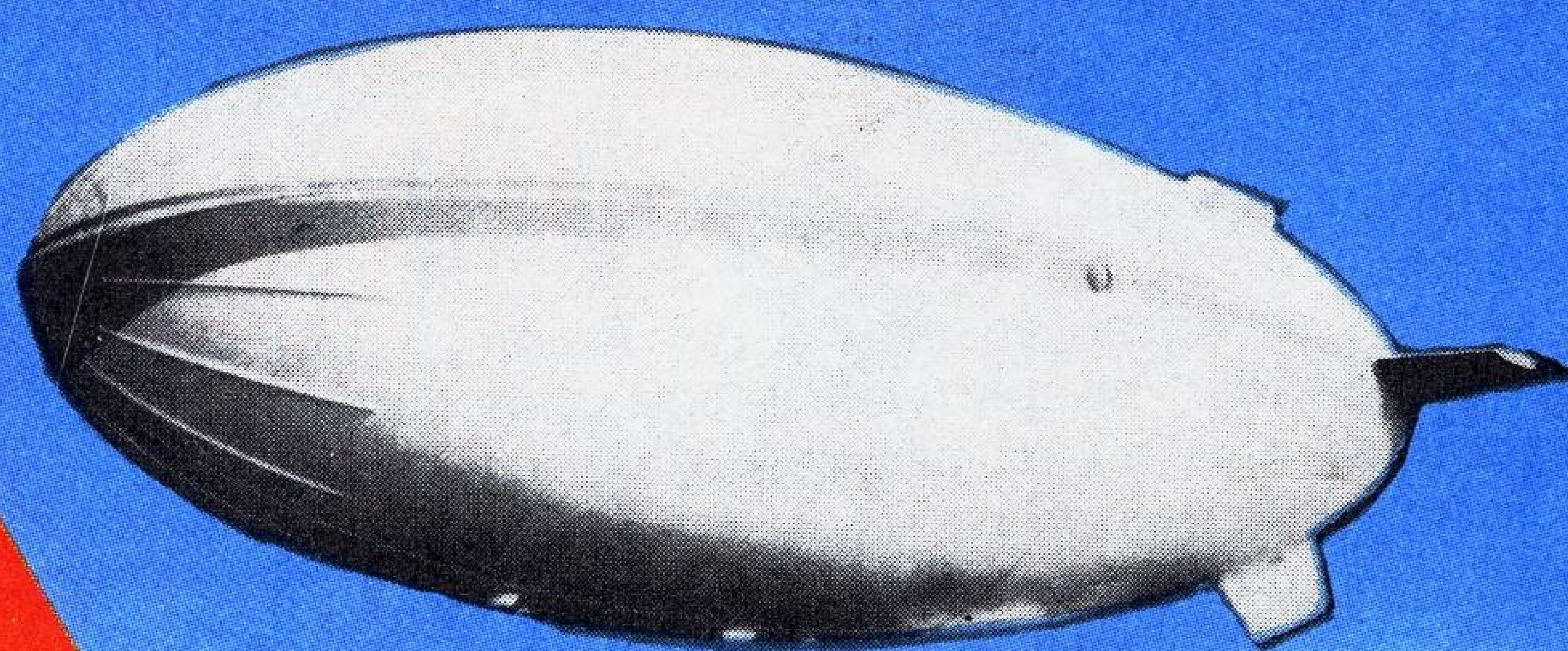
И больше не захотел глядеть на пятна их лиц, ушел с балкона, побродил с засунутыми в карманы руками по комнате, пахнущей сиренью, потом пнул старую, облезлую покрышку мяча.

Эту старую покрышку, кожаную, всю исполосованную, истертую, рыхлую, он не забыл там, в прежней квартире, перенес сюда и сегодня уже не раз касался руками замшевой от старости кожи, а теперь опять взял в руки почти тряпичный комок. Не одно лето кожаный мяч катился по траве и по щебенке, перелетал по воздуху, гулко шлепался о штангу. Не одно лето этот мяч приносил радостную усталость игрокам, а когда совсем обветшал, когда купили новенький, желтый, поражающий какой-то булочной свежестью мяч, то на этой истресканной покрышке каждый из ребят расписался. Помнится, расписывались шариковой ручкой о четырех разноцветных стержнях, и каждый ставил свою подпись какой угодно пастой: красной, зеленой, синей, коричневой. И от разноцветных подписей старый мяч как будто преобразился. Совсем прохудившаяся, с плешинами, была эта покрышка, но разноцветные подписи на ней казались сделанными вчера. Одиннадцать разноцветных фамилий...

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.








Дело для XXI века

# ПОЛЕТИМ НА ДИРИЖАБЛЕ!

Вдруг на улице потемнело, как перед грозой, словно огромная туча закрыла солнце. Но дождя нет. Поднимаем головы, что такое? Висит в небе нечто, очень похожее на кита. И этот воздушный кит не просто висит, а плывет и тащит могучую металлическую мачту.

Да ведь это же дирижабль, вдруг понимаете вы. Воздушный шар, наполненный легким газом или нагретым воздухом. Есть у дирижабля и другое название — аэростат. «Аэростаты доставляют товары и пассажиров точно, куда нужно, в пункты, не доступные ни для кого, кроме орлов» — так писал много лет назад о дирижаблях Константин Эдуардович Циолковский.

Правда, с тех пор, как появились самолеты, о тихоходных дирижаблях почти совсем забыли. Но лет так через пятнадцать, то есть в начале нового века, дирижабли вновь поплывут над нашей планетой.

Конечно, тем, кто очень торопится, больше подходит самолет. Но вот дотащить тяжеленную трубу для газопровода в тайгу сумеет только дирижабль. И аккуратно опустит ее там, где не то что самолет, даже вертолет не приземлится. Сейчас сверхтяжелые грузы, по нескольку тысяч тонн, везут на специальных автопоездах, дело это сложное и даже опасное. А дирижаблю — никаких помех, ни канав, ни речек, ни холмов — идеальная дорога. Двигатель, хоть и мощный, с пропеллером, как у винтовых самолетов, будет расходовать не очень много горючего. Грузоподъемность у будущих «небесных китов» раз в десять больше, чем у самых могучих грузовых самолетов, да вдобавок им не нужны специальные аэродромы со взлетно-посадочными полосами.

Недавно ученым удалось создать очень легкие и прочные материалы, из которых можно шить оболочки для огромных дирижаблей. Поэтому и пришло им время возвращаться. Сейчас в Англии уже строят дирижабль длиной в полкилометра. Он будет поднимать тысячетонные грузы и перевозить их из Европы на Британские острова.

Самолеты летают быстро, но иногда нужно лететь как раз медленно, например, при изучении океана, при ледовой разведке и проводке судов, при геологических поисках. Самолет замедлить свой полет не может — упадет, а вот дирижабль — пожалуйста. Он может даже вовсе остановиться, зависнуть на одном месте — вот вам и высотная метеостанция.

Чем больше дирижабль, тем сильнее он рвется в небо. Если сделать его диаметром в несколько километров, то поднимется он высоко-высоко, почти туда, где летают космические станции и спутники. Его поверхность можно покрыть специальными солнечными батареями, превращающими энергию Солнца в электрический ток. Получится космическая электростанция — КЭС на аэростате.

А на больших стройках будет трудиться вертостат — гибрид вертолета и аэростата. От дирижабля он унаследует грузоподъемность, а от вертолета — подвижность. Такой «тяни-толкай» заменит самые мощные краны и будет помогать строителям быстро переносить огромные блоки и конструкции.

Но вот интересно: построят ли такие дирижабли, чтобы на них мог прокатиться всяк, кто захочет? Представляете, сколько желающих будет провести, например, летние каникулы в полете на воздушном шаре?!

А. СЕМЕНОВ



**********

зачем? почему?

# Спутник под шубой

*Скажите, сколько градусов на Луне?*

*Сережа,*
*деревня Красная Дубрава, Московская область.*

Луна всегда возбуждала любопытство людей. И потому задолго до полетов к ней астрономы уже достаточно уверенно предсказывали, как должен выглядеть лунный пейзаж, какая на спутнике температура, какой химический состав грунта...

Поскольку на Луне нет атмосферы, температура на ее поверхности полностью зависит от нагрева солнечными лучами. На стороне, освещенной Солнцем, пекло: +120° С. А на противоположной, теневой,— мороз до −150° С. Но и жара, и чудовищный холод затрагивают лишь верхний слой в несколько сантиметров, под которым температура более или менее постоянна. Тепло внутри Луны хорошо сохраняется благодаря тому, что планета покрыта, как шубой, слоем рыхлой и легкой пыли, образовавшейся в результате метеоритных бомбардировок. Пыль не спрессовывается, так как сила тяжести на спутнике в шесть раз меньше, чем на Земле. А вообще Луна считается «теплым» небесным телом, она живет и сейчас. В самом начале шестидесятых годов советский астроном Н. А. Козырев обнаружил сильный выброс газов из недр в районе кратера Альфонс. С тех пор извержения на Луне наблюдали многие ученые и даже астрономы-любители. Случаются на Луне и «лунотрясения», и это еще раз подтверждает, что внутри спутника при высоких температурах идут бурные процессы. Но более подробные исследования ночного светила предстоят в ближайшие десять — пятнадцать лет, когда на спутнике нашей Земли появятся постоянные научные станции.

**Л. АФРИН**

КИНОЗАЛ

# «Актеры» приходят по почте

Кинооператор распечатал бандероль. В ней оказалась маленькая коробочка с землей. Владимир Михайлович Новгородцев взял пинцет и осторожно стал копаться в земле.

— Зачем вы это делаете? — спросил я.

— Артистов ищу,— ответил тот.

— Каких артистов? Или они теперь растут из земли, как грибы?

— Напрасно смеетесь. Мы снимаем киносюжет о жужелицах. Их личинки прислал мне по почте один биолог из Ростовской области.

Удивительно, не правда ли: «актеры» бандеролью?! Лаборатория специальной съемки студии «Центрнаучфильм» делает вещи, прямо скажем, необычные. Например, снимает фильмы через микроскоп. Бактерия размером в тысячные доли миллиметра в фильме занимает половину большого экрана. А могут, наоборот, сделать так, что стадо слонов зашагает по столу.

Здесь умеют управлять временем. За 4—5 секунд на экране распускается роза. Или долгие минуты тянется мгновенный полет капли воды. Делается это с помощью специальной ускоренной или замедленной съемки. В одном случае за секунду через киноаппарат пролетают тысячи кадров, в другом — кадр за кадром отснимают через 10 минут.

Не так давно, рассказал Владимир Михайлович, ученые обнаружили, что бабочка при полете использует свои крылья как своеобразный реактивный двигатель. Крылья складываются, сжимают проходящий между ними воздух и отбрасывают его назад. Эта реактивная струя и толкает бабочку вперед. Нас попросили так снять полет бабочки, чтобы во всех подробностях разглядеть работу крыльев. Это было непросто. Бабочка летит очень быстро, и съемку пришлось вести в бешеном темпе: до 4 тысяч кадров в секунду. Зато стал ясно виден каждый изгиб крыла при взмахе.

Мы знаем, что многие процессы в живой природе идут намного совершеннее, экономичнее, чем это умеет пока делать человек. Например, жук — березовый листоверт, строящий себе дом из листьев, разрезает лист, как показали расчеты на ЭВМ, самым рациональным способом. Не зря его прозвали жуком-математиком. Он тоже стал очередным «актером» на студии «Центрнаучфильм».

**Н. ПИПКО**

КТО ЧТО ИЗОБРЕЛ

# «ВНИМАНИЕ! В ВОЗДУХЕ ФРИДМАН!»

Вы читали книги о войне и знаете, что такие команды иногда подавали, если в небе появлялся самолет какого-нибудь знаменитого летчика-аса. Человек, о котором я собираюсь рассказать, действительно был известен как летчик и воздухоплаватель. Он, правда, ни в кого не стрелял и не бросал бомб, но вражеские солдаты в крепости Перемышль, осажденной русской армией в 1915 году, знали Александра Александровича Фридмана и боялись его хрупкого бамбукового самолетика не меньше, чем артиллерийских обстрелов...

Он никогда не был задирой, но отличался отвагой и упорством. Даже в детстве игре в лапту или беготне с мальчишками предпочитал математику. За провинности родители наказывали Сашу тем (можете себе представить?), что лишали его уроков арифметики. Гимназию он окончил с золотой медалью, стал к этому времени автором научной работы. С отличием окончил в 1910 году и университет. Александра Александровича решили готовить к должности профессора, а он, продолжая совершенствоваться в математике, поступил... в аэроклуб, чтобы научиться летать на самолетах и дирижаблях.

Летчиков тогда было мало, полеты — занятие крайне рискованное: авиаторы то и дело гибли в авариях. Зачем же понадобилось будущему профессору такое опасное ремесло? А затем, что Фридман увлекся новым и очень сложным разделом науки: метеорологией — изучением атмосферы и превратностей погоды. Полеты помогали ему на собственном опыте проверять теорию атмосферных вихрей, которую он в то время взялся разрабатывать. Ну, а когда началась первая мировая война, стал летчиком-наблюдателем. Оттого-то и боялись Фридмана вражеские солдаты: после появления в небе его безоружного самолетика русские снаряды и авиабомбы ложились в цель без промаха.

Даже тогда, на фронте, ученый оставался ученым: продолжал трудиться над своей теорией. И если теперь метеорологи все же чаще предсказывают погоду правильно, чем попадают впросак, то немалая заслуга в том принадлежит Фридману. К 1922 году он вывел важное уравнение, которое помогает рассчитать скорость вихрей, переносящих теплые или хо-

Домашняя лаборатория

# Три вопроса к чайнику

Захотел попить горячего чаю — поставь чайник на плиту, потом залей заварку кипятком. Просто и быстро. Но если говорить строго, то в сравнении с прошлым годом и даже с прошлым месяцем, твой чайник будет закипать все дольше. Почему?

Ответ на этот вопрос ты найдешь, заглянув внутрь чайника. Если он не очень новый, то на дне и стенках уже образовался серо-коричневый налет — накипь. От этого стенки и дно стали толще, и, чтобы их прогреть, надо больше времени и тепла. К тому же накипь почти в тридцать раз хуже проводит тепло, чем металл, из которого сделан чайник.

Откуда же взялась эта накипь? Вроде каждый раз заливаем в чайник чистую, прозрачную воду? В водопроводной воде содержится малое количество нерастворимых солей — карбонатов металлов. Их так немного, и частицы так малы, что вода кажется прозрачной. Когда же она в чайнике выкипает, то есть испаряется, то эти соли остаются и постепенно накапливаются на стенках и дне. Конечно, трудно обнаружить налет после одного кипячения, но через несколько месяцев накипь будет уже заметна.

Вся беда в том, что она не растворяется в воде. Поэтому просто так чайник не отмыть. Если же ты хочешь сделать бабушке или маме приятное, добавь к литру воды пять столовых ложек уксуса и прокипяти в чайнике этот раствор в течение двух часов. Уксусная кислота





вблизи прикрытого Луной Солнца, поразительным образом отклонялся от прямого пути. И притом ровно на столько, на сколько предсказал Эйнштейн. Это был настоящий триумф, теория относительности сразу стала общепризнанной, модной, ею восхищались даже те, кто ничего не смыслил ни в каких уравнениях. А отважный петроградский профессор Фридман начал Эйнштейна... критиковать.

Нет, не за точно предсказанное отклонение луча, а за построенную им на основе той же теории модель Вселенной, размеры которой будто бы не меняются со временем. Для такой критики требовалось, пожалуй, не меньше смелости, чем для лихих полетов. Фридман внимательно изучил уравнения, предложенные самим же Эйнштейном, и объявил, что Вселенная не может быть неизменной, она должна расширяться. Эйнштейн сначала пустился спорить, но потом с присущей настоящим ученым прямотой честно признал, что советский исследователь прав. Расширение Вселенной впоследствии тоже было подтверждено астрономическими наблюдениями, и теория Фридмана вошла в учебники. Поправить самого Эйнштейна — такое удавалось немногим...

Фридман не дожил до полного торжества своих идей. Он работал, не давая себе ни минуты отдыха, продолжал рисковать жизнью, участвуя в опаснейших полетах. В 1925 году он поднялся на аэростате на высоту 7 километров. Страдая от удушья, ученый отказывался от кислородной маски: она была одна, и он настоял, чтобы ею воспользовался летчик, управлявший аэростатом. В тот раз все обошлось благополучно. Оба остались живы и все нужные измерения сумели закончить. Однако вскоре Фридман заболел тифом, и его переутомленный организм справиться с инфекцией не смог. Он умер в сентябре 1925 года, когда ему было всего 37 лет.

Шесть лет спустя замечательный ученый был посмертно награжден премией имени Ленина.

**В. ИНОХОДЦЕВ**

лодные массы воздуха, и тем самым предсказать, когда эти массы дойдут до того или иного района планеты. Кроме того, он доказал, что вихри могут быть не только вертикальными, как при смерчах, но и горизонтальными, о таких до него попросту не знали.

Самую свою знаменитую работу этот знаток погоды посвятил, однако, вовсе не погоде. Тогда, в начале 20-х годов, все только и говорили о теории относительности, разработанной великим физиком Эйнштейном. Один из выводов этой теории был такой: пространство по соседству с тяжелыми телами, например, звездами, должно искривляться. Поверить в это неведомое до тех пор положение было очень трудно, однако измерения, проделанные астрономами во время происходившего тогда солнечного затмения, такое фантастическое заключение подтвердили. Луч света далекой звезды, проходивший



взаимодействует с карбонатами. При этом образуются растворимые соли — ацетаты и углекислый газ. Газ улетучится, а воду с растворенной накипью ты выльешь в раковину.

Уж коли речь зашла о чайниках, ответь на такой вопрос: в каком чайнике — темном, светлом, блестящем — быстрее закипит вода? Проще всего провести эксперимент, если, конечно, найдутся три одинаковых по форме и объему чайника и секундомер. А если чайников нет? Тогда надо подумать. Размышления можно начать с похода в хозяйственный магазин. Здесь ты обнаружишь, что темные чайники не продаются. Их не делают потому, что уж больно много времени и тепла надо для кипячения воды в таком чайнике. Ведь темные предметы хорошо излучают и отдают тепло. Получается, что в темном чайнике ты греешь не воду, а воздух. Наверное, ученые подсчитали, сколько лишнего газа сжигается при кипячении воды в темном чайнике, и порекомендовали делать только светлые. Блестящие еще лучше. Здесь излучение совсем маленькое, и тепло почти не теряется.

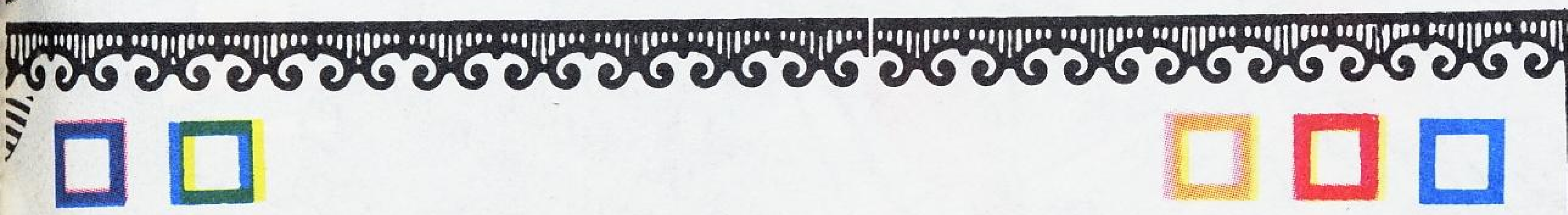
А зачем вообще-то надо кипятить воду? «Чтобы была горячая»,— скажешь ты. Но воду кипятят еще и затем, чтобы уничтожить бактерии и микробы. Кстати, последнее мнение ученых — в кипящей воде микробов убивает ультразвук.

Ты знаешь, что такое ультразвук? Это очень высокий звук, тоньше комариного писка. Он настолько тонок, что человек не слышит его. А вообще звук — это невидимая волна. Скажешь, например, «привет», и побегут от тебя волны по воздуху, добегут до барабанной перепонки уха твоего друга, и он тебе ответит «привет». Звуковые волны бывают длиной от нескольких метров до нескольких сантиметров. Волны ультразвука гораздо меньше — от миллиметров до микрон.

Что же происходит в чайнике? Вода начинает кипеть, и образуются воздушные пузырьки. Когда такой пузырек лопается, рождаются звуковые волны, в том числе и ультразвук с очень высокими волнами. Он губителен для микробов потому, что они такие же маленькие, как и длины ультразвуковых волн.

Вот сколько научных проблем можно обсудить, наблюдая за кипящим чайником.

**Л. ВИКТОРОВА**



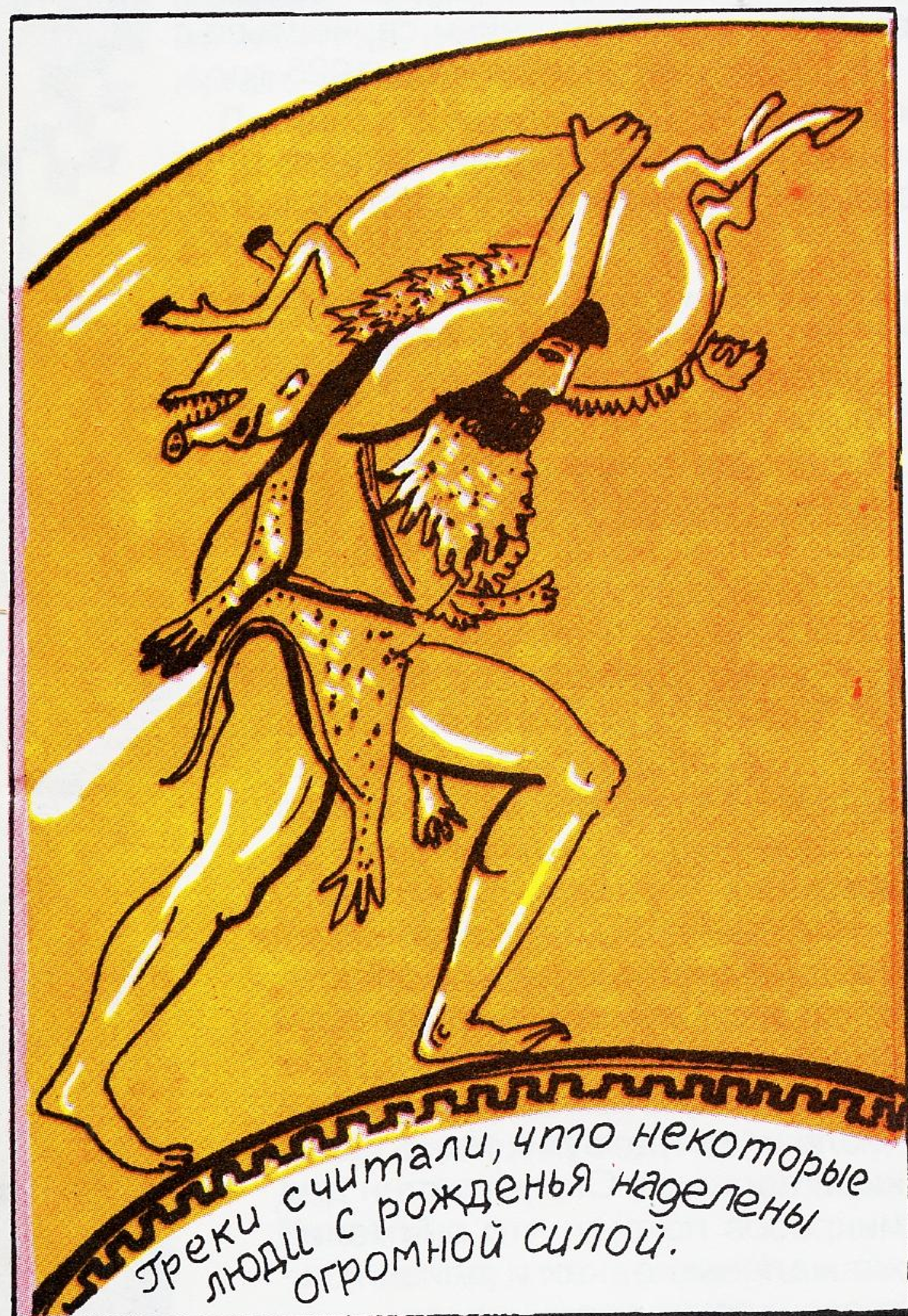




# «ПИОНЕРский» СПОРТЗАЛ



Как стать сильным?






В редакцию приходят письма, очень много писем. Они из разных городов, от разных мальчишек, но вопрос во всех один: как стать сильным?

Желание ребят понятно. Сильный и за себя постоит, и другу поможет, и девочку защитит. Сила делает человека уверенным в себе, придает ему смелость, вызывает уважение у окружающих. Но и это, возможно, не главное. Мечтают мальчишки, когда вырастут, испытывать самолеты и водить корабли, летать в космос, выращивать хлеб и защищать Родину. А это слабому, незакаленному человеку не под силу.

Мужчина, если, конечно, он настоящий мужчина, должен быть сильным. И поэтому, выполняя просьбы ребят, мы открываем сегодня в «Пионерском спортзале» «Клуб силачей». На занятиях клуба ты будешь узнавать о самых сильных людях мира, о силовых возможностях человека и о том, как самому сделать себя сильным. А поведет эти занятия кандидат медицинских наук, специалист по спортивной медицине М. З. ЗАЛЕССКИЙ.

## Занятие первое

Еще древние греки задумывались над вопросом: почему одни люди сильные, а другие слабые, и каждый ли может стать силачом? И вот какой ответ дали они 2500 лет назад.

У красавицы Алкмены и бога Зевса родился сын, Геракл, будущий герой Эллады. Скоро богиня Гера устроила ему серьезное испытание. Она подбросила спящему малышу двух огромных ядовитых змей. Геракл не испугался. Он схватил этих змей и задушил. Вот так силища была у новорожденного!

Греки считали, что некоторые люди «от бога» с рождения наделены огромной силой, а значит, им и суждено стать силачами. Но так думали давным-давно. А что говорит современная наука?

Она не признает богов, но не отрицает, что у одних ребят от природы силовые возможности лучше, у других хуже. Правда, оказывается, что даже при отличных силовых способностях, если их не развивать, человек вырастает слабым. И наоборот — упорно тренируясь, можно и без выдающихся способностей стать в два-три раза сильнее своих товарищей. А если тренироваться каждый день, то порой получаются настоящие чудеса...

Яша Куценко часто простужался, рос хилым, болезненным мальчиком, все считали его «слабаком». Случайно зашел он однажды на тренировку штангистов. Посмотрел, как тренируются его ровесники,— понравилось, захотелось самому попробовать. Начал ходить на тренировки и вскоре забыл о болезнях, расправились плечи, появились мощные мускулы. А через несколько лет Яков Куценко стал одним из самых прославленных советских атлетов. Установил 58 рекордов СССР, четырнадцать раз был чемпионом страны.

А Гриша Новак был в детстве мал ростом, застенчив, робок, любой, кто постарше да посильнее, мог его обидеть. Он и в секцию тяжелой атлетики сам идти не решался — друзья уговорили. Стал заниматься спортом, и оказалось, что в робком пареньке скрыта поразительная силища — видавшие виды тренеры только диву давались. А потом дивились и восторгались силой Новака во многих странах земного шара. Он стал



# КЛУБ СИЛАЧЕЙ



первым в истории советского спорта чемпионом мира, установивший 86 рекордов СССР и 23 мировых.

Ну и наконец, один из самых выдающихся спортсменов мира, установивший 63 мировых рекорда, чемпион СССР, Европы, мира и Олимпийских игр Давид Ригерт от рождения до пяти лет... вообще не мог ходить.

Итак, мы убедились: путь к силе — через тренировку. А что же такое сила? Как она проявляется?

Сила — это одно из качеств мышц, которых у человека великое множество: от крошечных, поднимающих на коже волоски, до огромных, во всю спину, не дающих человеку горбиться. Мышцы могут сокращаться и расслабляться. Сокращаясь, они выполняют определенную работу — при сокращении мышц руки можно нести портфель, поднимать гирю или гладить собаку. А при расслаблении мышцы бездействуют, и рука, которая только что выполняла работу, повиснет, как плеть.

У каждой мышцы есть свое определенное назначение: бицепс приближает кулак к плечу, икроножная позволяет человеку встать на цыпочки, а с помощью брюшного пресса человек наклоняется вперед и разгибается.

Силу мы можем ощущать, когда человек воздействует на какие-либо предметы: закручивает гайки, передвигает парту, завязывает галстук. Сравнить это воздействие можно с тем, как человек перемещает гири или гирьки, которые могут весить и миллиграммы, и килограммы. Поэтому силу так в граммах, килограммах, а то и в тоннах и измеряют. Чтобы человеку, например, разогнуть спину, нужна сила, способная поднять тело массой 50 килограммов. А при мигании века достаточно силы, в миллион раз меньшей — 0,05 грамма.

Тренировка силы начинается тогда, когда мышцу регулярно заставляют выполнять усилие значительно большее, чем обычно. Если каждый день, думая, что тренируешься, сгибать руку 100 и даже 1000 раз, толку не будет, сила в бицепсе не увеличится. А вот если «мешать» ему сокращаться, взяв в руку гантелю или утюг, то и десяти сгибаний в день хватит, чтобы сила начала расти.

Но чтобы человек стал сильным, недостаточно развивать одну или даже две мышцы. Поэтому обязательно надо применять комплексы упражнений, которые делают сильными все мышцы.

Один такой комплекс мы предлагаем вам сегодня. Но прежде чем приступить к тренировкам, посоветуйтесь с врачом. И помните, что до начала упражнений надо непременно проветрить комнату и сделать обычную разминку (ходьба на месте, дыхательные упражнения). Чтобы комплекс упражнений пошел вам на пользу, выполнять его надо два раза в день — скажем, утром и после школы, но обязательно до еды.

## А ТЕПЕРЬ — ВНИМАНИЕ!

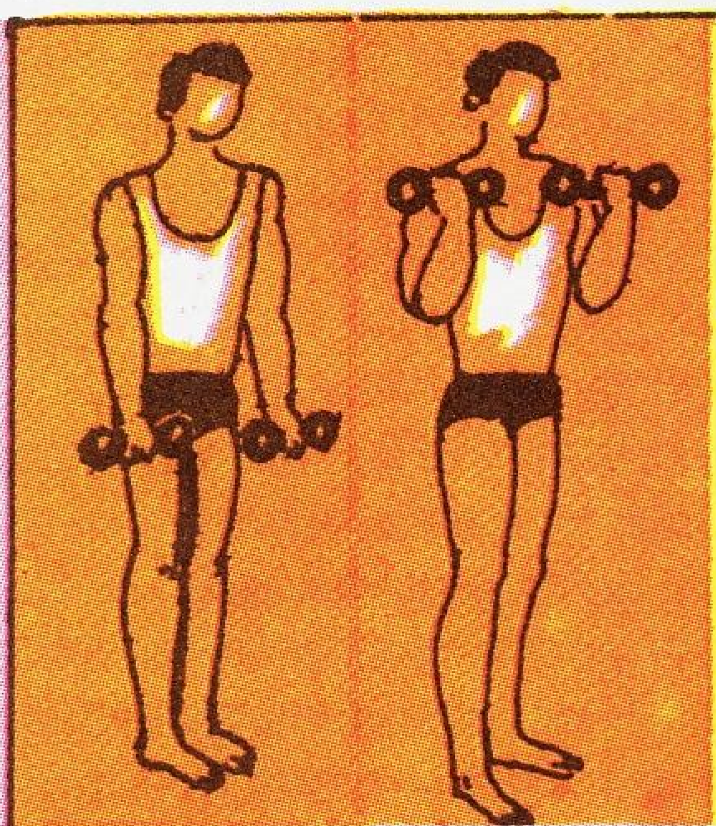
Каждое упражнение выполняем 4—5 раз в равномерном темпе, не торопясь. Если будет легко, можно увеличить число повторов до 8—10 раз. Общее время выполнения трех упражнений — 3—5 минут. Учащимся 4—5-х классов лучше всего заниматься с гантелями 1—1,5 кг, а 5—6-х классов — 2—2,5 кг.

Не стремитесь, сделав эти упражнения, скорее взяться за новые, более сложные. Силу надо наращивать постепенно, и, не освоив хорошо одних упражнений, не стоит приступать к следующим.

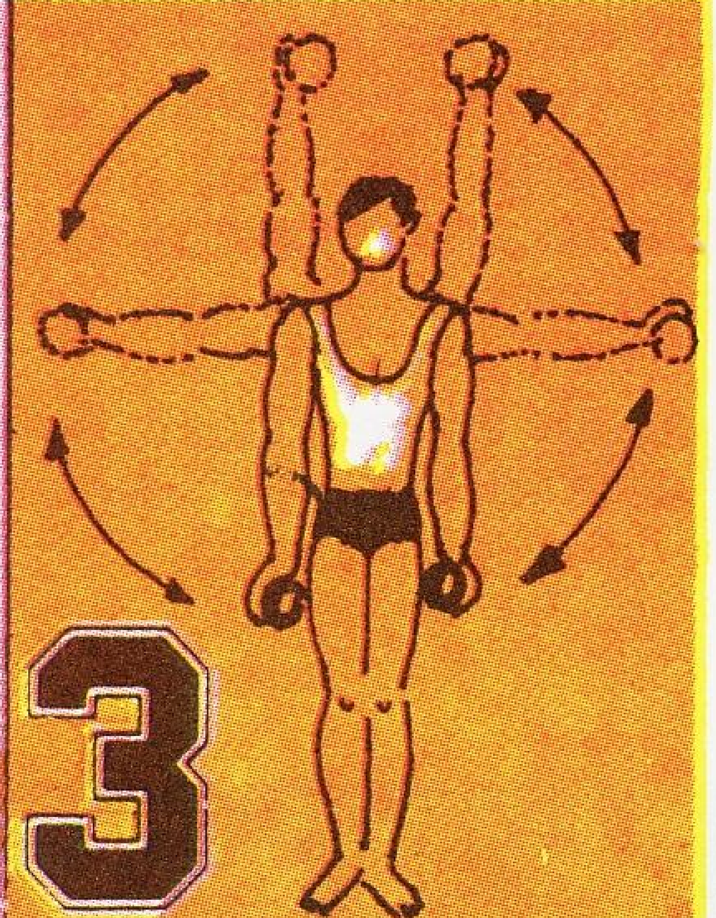


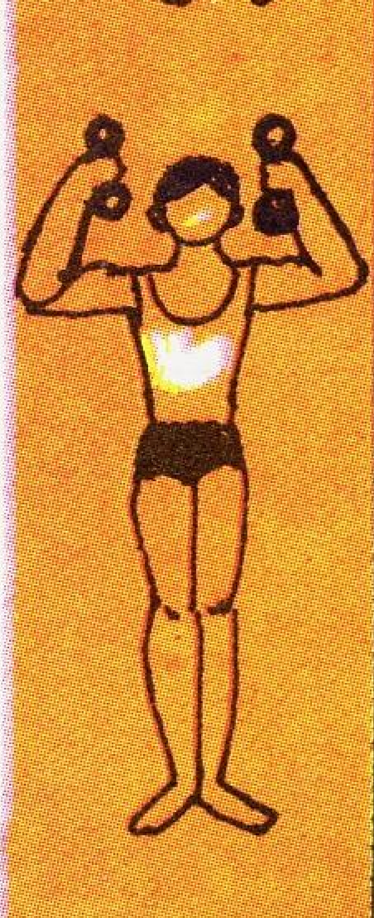

1 каждое упражнение выполняют 4-5 раз

2







Общее время выполнения трёх упражнений - 3-5 минут



для учащихся 4-5х классов



для учащихся 5-6х классов






# Царевич выбирает невесту

На следующий день, когда Чип выпрыгнул из своей коробки, Сережа сразу его попросил:

— Давай сегодня еще в сказки-программы поиграем, а? Мне очень понравилось.

— Понравилось читать или понравилось писать?

— И то, и другое. Давай по очереди: сначала один, потом другой. Чур, ты первый пишешь!

— Ну ладно, только я ваших сказок совсем не знаю, я свою сочиню.

Чип думал минут двадцать, писал, зачеркивал, писал снова и даже что-то бормотал, забыв про все правила приличия для компьютеров. Наконец сказка-программа была готова. Вот что получилось[1].

### СКАЗКА-ПРОГРАММА «ЦАРЕВИЧ И КУХАРКА»

Жили-были царь с царицей, и был у них сын — красивый да разумный, одна беда — робкий слишком: никак невесту не мог себе найти. И вот позвали его царь с царицей в тронную залу и говорят: «Хватит тебе, Иванушка, холостым гулять, пора и жениться. Найди себе жену красивую, умную да работящую».

Пошел царевич прочь, закручинился: как самую лучшую отыскать? Найдешь самую умную, а вдруг урод? Выберешь самую красивую — лентяйка окажется. А самую работящую отыщешь — чего доброго, и дурочка, и уродина.

Идет-бредет он по дворцу и заходит в кухню. А там Ксюша-кухарка царскую посуду моет, песенку напевает. «Что,— говорит,— Иванушка, невесел, аль беда какая?» Говорит, как поет, а сама тарелки так и трет, зубки белые так и сверкают, глазки синие так и светятся.

«Эх, Ксюша, беда-то беда, да не бабьего ума это дело. А впрочем, послушай, может, что и посоветуешь».

Выслушала Ксюша царевича, подумала немного и говорит (а сама уже тарелки перемыла, за чашки принялась, руки белые так и мелькают): «Можно беде твоей помочь, Иванушка. Вот тебе программа выбора царской невесты.
Шаг №1. Отобрать по всему царству 512 самых красивых девушек;
шаг №2. из них отобрать половину самых умных;
шаг №3. из них отобрать половину самых работящих;
шаг №4. из них отобрать половину самых красивых;
шаг №5. если невест две или больше, вернуться к шагу № 2;
шаг №6. если осталась одна невеста, сыграть свадьбу;
шаг №7. если осталось полневесты, значит, их было не 512, а, может, в суматохе кого-то потеряли. В этом случае вернуться к шагу №1;
шаг №8. конец программы».

«А за три дня-то успею?» — спрашивает Иванушка, а сам на Ксюшу смотрит не насмотрится.

«Успеешь, а как же,— отвечает Ксюша, а сама, как маков цвет, разрумянилась, косой закрывается от царевича, глаз на него поднять не может.— Успеешь,— говорит,— сердешный, я все рассчитала. За первый день 64 невесты останется, за второй — 8, а к третьему вечеру найдешь ты свою суженую: самую умную из красавиц, самую работящую из умниц и самую красивую из работящих».

Берет Иван-царевич за белу руку Ксюшу-кухарку, в сахарны уста целует и говорит ласково: «Спасибо, Ксюшенька, хорошо придумала, только не стану я три дня по всему царству искать, когда я уже здесь свое счастье нашел. Никого мне, кроме тебя, не надо, на тебе и женюсь!»

На том и порешили. Правда, царства им не досталось — крепко осерчали царь с царицей,— зато уж угощение на свадьбу Ксюша сготовила — гостей за уши не оттащишь!

Конец сказки».

— Ну, как? — гордо спросил Чип.— Не хуже, чем Мери Поппинс? Во всяком случае, программа у меня правильная — хоть невесту, хоть карандаш можно выбрать по трем признакам. Я сначала хотел ее так написать, чтобы признаков было не три, а сколько угодно, как жильцов в сказке о репке. Но потом подумал, что овчинка выделки не стоит: это во всем царстве невест не хватит, чтобы по десяти признакам выбирать. Так что пусть уж будет три признака, чтобы не просчитаться.

— Спасибо, Чип, замечательная сказка,— поблагодарил Сережа,— завтра моя очередь, а теперь спокойной ночи, а то уже поздно.

***ОТ РЕДАКЦИИ: А сегодня Чип просит наших читателей составить программу для сказки «Красная Шапочка». Лучшая работа будет напечатана в журнале.***

**Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.**

[1] Ребята, эту сказку вы не найдете ни в одном сборнике сказок. Ее Чип сочинил сам, как сумел.




## В ОТВЕТ НА «АНКЕТУ-85» ЖУРНАЛ ПОЛУЧИЛ ПОЧТИ 10 000 ПИСЕМ!

10 000 писем — это пять туго набитых мешков ростом тебе по пояс. Каждый ответ в редакции внимательно прочли, над каждым подумали. Сравнили ваши мнения, прислушались к пожеланиям и **ВОТ ЧТО УЗНАЛИ:**

...больше всего вам нравится читать о себе самих, о пионерах и школьниках — особенно много добрых слов выпало на долю повестей С. Иванова «Его среди нас нет», Вл. Крапивина «Тайна пирамиды» и А. Яковлева «Книги», а любители поэзии отметили стихи Д. Телевицкой и Л. Фадеевой;

...с глубоким интересом относитесь вы к истории нашей страны — среди лучших произведений названы повесть М. Прилежаевой «На Гран-рю», главы из книги А. Маркуши «Голубая рапсодия» и документальная повесть Л. Симоновой «Среди войны»;

...три четверти наших читателей — ценители фантастической литературы, им запомнились в первую очередь рассказы Кира Булычева «Вокруг света в три часа» и Джанни Родари «Агент XX.99».

Мы с радостью убедились в том, что все готовы помочь нам в работе. Читатели предлагают:

**...ПРИГЛАСИТЬ** на страницы журнала космонавтов, любимых писателей, известных спортсменов, популярных артистов;

**...ПРОВЕСТИ** конкурсы девизов отрядов, отрядных песен, юнкоровских материалов, фотолюбителей, «Кораблика»;

**...ПЕЧАТАТЬ** странички для мальчиков под названием «Мужество» или «100 советов мушкетеру» (просьба мальчиков);

**...РАССКАЗАТЬ,** как вести себя на улице, в школе, в театре, что подарить к празднику взрослым, как приготовиться к приходу гостей (спрашивают девочки, но ответы, надо думать, пригодятся и мальчикам).

«Пионер» благодарит всех, кто откликнулся на «Анкету-85», и напоминает: мнение читателей о журнале интересует нас не только раз в году. Пишите нам о том, что вам нравится и что не нравится на страницах журнала, что бы вы хотели видеть на них.

***Редакция журнала «ПИОНЕР».***

## СОДЕРЖАНИЕ






Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.



Сдано в набор 03.03.86.
Подписано к печати 18.03.86. А 01945. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 871. Заказ № 2551.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.


# ПЕРЕМЕНКА



**Вадим АЗБУКИН**

## *Футбол*

Порвались у Генки ботинки,
разбиты коленки у Нинки,
звенит о победе стекло,
а время игры истекло.

Давайте попросим родителей
поменьше ругать победителей.

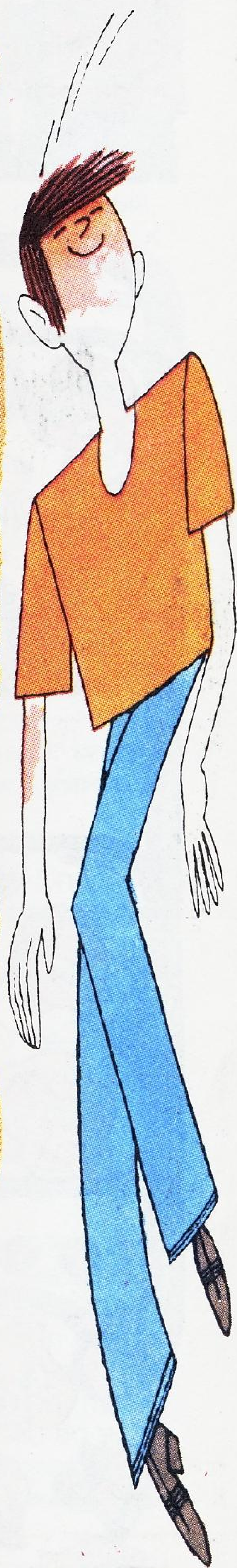
**Сергей ПАНФИЛОВ**

## *Уравнение*

Читаю на заборе,
Читаю возле сквера,
Читаю уравненье,
Читаю вновь и вновь:
Какой-то Вовка Пухов
Плюс Котикова Вера
И минус Борька Рогов
Равняется — «любовь».

Мне стало сразу грустно,
Мне стало очень грустно,
Мне стало сильно грустно.
И я пошел в кино.
Утешь, киноискусство,
Смеши, киноискусство!
Пропали мои чувства,
Теперь мне все равно...

Я сяду где придется,
К экрану не подвинусь,
Смешной покажут случай,
А я не засмеюсь.
Я — Борька, Борька Рогов,
Который жалкий минус,
И я не стану Вовкой,
Который жирный плюс.





**Марина ПОТОЦКАЯ**

# *СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ*

Ох уж эти старшие братья и сестры! Они смотрят на младших с высоты своего роста. Они задирают нос, потому что им все разрешается. Они, например, могут попозже лечь спать, могут одни поехать в кино через весь город... Счастливчики, в общем!

«Ох уж эти младшие!» — думают «счастливчики». Пристают то и дело, мешают, жалуются маме... А мама, конечно, говорит: «Уступи маленькому, ну что тебе стоит!» Ох уж эти маленькие!

...Ты кто — старший или младший? Как ты относишься к своему брату или сестре? Все у тебя с ним хорошо, ладно, или?.. Ты смущенно пожимаешь плечами. Ага, понятно. Тогда ты меня поймешь.

Я — младшая сестра. И когда мне было восемь лет, мои отношения со старшим братом Сашкой, как пишут в старинных романах, «оставляли желать лучшего». А попросту говоря, отвратительные были отношения! И я считала, что во всем виноват он один. Потому что:

— каждый день он щелкал меня по носу. Это у него был такой обычай. Он бегал за мной по комнате, как Карабас-Барабас, и рычал: «А ну-ка, подставляй свой носище!..»;

— у него во дворе была голубятня. Мне он не разрешал к ней даже подходить. «Кыш отсюда! Кыш!» — кричал мне Сашка, как будто я голубь;

— у него был велосипед. Спортивный. Он говорил мне: «Почистишь спицы — покатаю. Долго». Я старательно чистила. Сашка сажал меня на раму и быстро вез вокруг дома. Потом давал шлепка на прощание и уезжал кататься на улицу;

— он очень любил сладкое. Конфеты там, пирожные. Он съедал свою долю, а потом говорил мне, делая страшные глаза: «Смотри, что это там в окне?! Пожар!..» Я мчалась к окну, а он, злорадно хохоча, пожирал мою конфету.

Вот какие невеселые случаи мне вспоминались, когда решила написать о старших и младших. Но вдруг я подумала: а вот если бы Сашка стал вспоминать про меня? Что бы, интересно, он мог рассказать? И я попробовала вспомнить за него. По-честному. И вот что получилось:

— я без конца на него жаловалась. Всем. Маме, бабушке, соседям. Даже кошке. И все меня жалели, а его ругали и говорили: «Не стыдно тебе, дурню большому?..»;

— я его дразнила обидными словами в рифму: «Сашка-дурашка, толстый таракашка! Сашка, болвашка, мокрый промокашка!»;

— я его под столом толкала ногой, когда мы обедали. И при этом прихлебывала как ни в чем не бывало суп. Он вскакивал, кричал: «Смотрите, что ваша тихоня делает!» «Она ест суп», — говорила ничего не подозревавшая мама. «Это она сверху ест суп, а внизу толкается!..»;

— я ему на стул подкладывала кнопки, я исчеркала его учебник, я...

В общем, я была далеко «не сахар»!

Я решила вспоминать дальше. О хорошем, а не о плохом. О том хорошем, что сделал мне мой старший брат. И представьте, нашлось что вспомнить!

Он рисовал мне смешные картинки, когда я болела. Он водил меня на демонстрацию. Он достал мне мячик с сарая, когда я его туда запустила. Он подарил мне книжку, правда, с обидной надписью: «Поросенку в день рождения», — и все же...

Зачем я это вспомнила и написала? А вот зачем: я теперь точно знаю, что в споре младших со старшими все одинаково хороши! То есть все не очень хороши. Даже скорее плохи. И надо стараться быть получше друг с другом. Подобрее. Поуступчивее. Причем начинать стараться нужно прямо сейчас! Чтобы не брать с собой во взрослую жизнь все эти ссоры и склоки.

Иначе, знаете, что может быть? Представьте, например, вот такую сцену: в скверике на лавочке выясняют отношения две старушки, две родные сестры. Одна другой говорит: «Я никогда не забуду, Маша, как ты меня семьдесят лет назад в лужу толкнула!» «А я, — кипятится другая, — всю жизнь помню, как ты про меня сказала: «Машка-чебурашка!» Вовек тебе этого не прощу!..»

Жуткая картина, верно? Насколько лучше, когда братские или сестринские чувства — добрые! Всегда добрые — и в восемь лет, и в восемьдесят.

Я вообще-то торопилась вам все это сказать. Потому что сегодня я иду в гости к Сашке. То есть, извините, к Александру Николаевичу! Мы с ним большие друзья. Как и положено брату и сестре. Жалко только, что я это поняла не в восемь лет, а значительно позже...



# Песня красных следопытов

Музыка Григория **КВАЧА**,
лауреата конкурса патриотической песни УССР.

Стихи Анатолия **ПОНОМАРЕНКО**.

*Шепчет в степи над курганом ковыль,*
*Гордо хранит незабытую быль...*
*Здесь на кургане герои лежат.*
*Их, безымянных, нашел наш отряд.*

**Припев:**
*Слушай орлят, неизвестный солдат!*
*Слушай и пулей сраженный комбат!*
*Мы оглашаем священные списки,—*
*Павшие! Встаньте у обелисков!*

*Насмерть сражался с врагом батальон,*
*Вот и расстрелян последний патрон...*
*В найденной гильзе записку прочли:*
*«Родина! Сделали все, что смогли»...*

**Припев.**

*Будет веками жить подвиг отцов,*
*Смерть презиравших в атаках бойцов.*
*Слава погибших священна для нас,*
*Будем такими, как вы, в грозный час.*

**Припев.**

Умеренно, выразительно

Шеп – чет в сте – пи над кур – га – ном ко – выль, гор – до хра – нит не – за – бы – ту – ю быль... Здесь на кур – га – не ге – ро – и ле – жат. Их, бе – зы – мян – ных на – шел наш от – ряд.

Припев

Слу – шай ор – лят, не – из – вест – ный сол – дат! Слу – шай и пу – лей сра – жен – ный ком – бат. Мы о – гла – ша – ем свя – щен – ны – е спис – ки, — пав – ши – е! Встань – те

Для повторения

у о – бе – ли – сков!

Для окончания

rit.

У о – бе – ли – сков!

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.